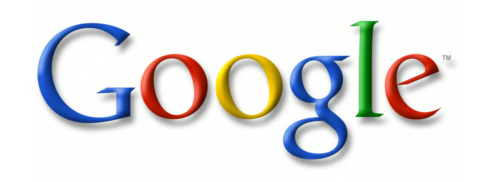


Tolstoi, L. N. Graf.
V chem moia viera?

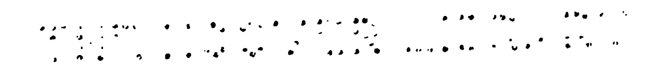
JE SUIS CE QUI A ÉTÉ
CE QUI EST ET CE QUI SERA
ET NUL MORTEL N'A ENCORE LEVÉ
LE VOILE QUI ME COUVRE

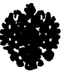
ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА
„Всемірный Вѣстникъ".

ВЪ ЧЕМЪ МОЯ ВѢРА?

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Со 2-го изданія „Свободнаго Слова"
В. Г. Черткова.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтана, 117.
1906.

Въ чемъ моя вѣра?

Графа Л. Н. Толстого [1]).

Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ, и, за исключеніемъ 14—15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. не соціалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія всякой вѣры.

Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа,— и жизнь моя вдругъ перемѣнилась: мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось. То, что прежде казалось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Со мной случилось то, что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ, и вдругъ дорогой рѣшилъ, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно, — и повернулъ домой. И все, что было справа,—стало слѣва, и все, что было слѣва,—стало справа: прежнее желаніе—быть какъ можно дальше отъ дома—перемѣнилось на желаніе быть какъ можно ближе отъ него. Направленіе моей жизни—желанія мои стали другія: и доброе и злое перемѣнилось мѣстами. Все это произошло оттого, что я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде.

---

[1]) *Ко второму изданію (которое мы перепечатываемъ) сочиненія Гр. Л. Н. Толстого „Въ чемъ моя вѣра?" издателями предпосланы слѣдующія строки:*

„Обращаемъ вниманіе читателей, мало еще знакомыхъ съ писаніями Л. Н. Толстого, на то, что его сочиненіе „Въ чемъ моя вѣра?" было написано 20 лѣтъ тому назадъ, въ первый періодъ изслѣдованія авторомъ религіозныхъ и этическихъ вопросовъ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, онъ неустанно продолжалъ и продолжаетъ выяснять свои взгляды въ цѣломъ рядѣ произведеній; и потому для того, чтобы получить всестороннее и полное представленіе о его жизнепониманіи, необходимо, не ограничиваясь этой книгой, ознакомиться съ содержаніемъ всѣхъ его послѣдующихъ и въ особенности новѣйшихъ трудовъ.

А. и В. Чертковы.

Christchurch.
Іюль 1902 г."

Я не толковать хочу ученіе Христа, а хочу только разсказать, какъ я понялъ то, что есть самого простого, яснаго понятнаго и несомнѣннаго, обращеннаго ко всѣмъ людямъ въ ученіи Христа, и какъ то, что я понялъ, перевернуло мою душу и дало мнѣ спокойствіе и счастіе.

Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его.

Всѣ христіанскія церкви всегда признавали, что всѣ люди, не равные по своей учености и уму,—умные и глупые,—равны передъ Богомъ, что всѣмъ доступна божеская истина. Христосъ сказалъ даже, что воля Бога въ томъ, что немудрымъ открывается то, что скрыто отъ мудрыхъ.

Не всѣ могутъ быть посвящены въ глубочайшія тайны догматики, гомилетики, патристики, литургики, герменевтики, апологетики и др., но всѣ могутъ и должны понять то, что Христосъ говорилъ всѣмъ милліонамъ простыхъ, немудрыхъ, жившихъ и живущихъ людей. Такъ вотъ, того самого, что Христосъ сказалъ всѣмъ этимъ простымъ людямъ, не имѣвшимъ еще возможности обращаться за разъясненіями его ученія къ Павлу, Клименту, Златоусту и другимъ, этого самого я не понималъ прежде, а теперь понялъ; и это самое хочу сказать всѣмъ.

Разбойникъ на крестѣ повѣрилъ въ Христа и спасся. Неужели было бы дурно и для кого-нибудь вредно, если бы разбойникъ не умеръ на крестѣ, а сошелъ бы съ него и разсказалъ людямъ, какъ онъ повѣрилъ въ Христа?

Я также, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ ученію Христа и спасся. И это не далекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчаянія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастія, въ которомъ я нахожусь теперь.

Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живетъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ, зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ, и не видалъ никакого выхода, кромѣ смерти, изъ этого положенія. Я такъ же, какъ разбойникъ къ кресту, былъ пригвожденъ какой-то силой къ этой жизни страданій и зла. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти послѣ безсмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же.

Во всемъ этомъ я былъ совершенно подобенъ разбойнику, но различіе мое отъ разбойника было въ томъ, что онъ умиралъ уже, а я еще жилъ. Разбойникъ могъ повѣрить тому, что спасеніе его будетъ тамъ, за гробомъ, а я не могъ повѣрить этому, потому что кромѣ жизни за гробомъ, мнѣ предстояла еще и жизнь здѣсь. А я не понималъ этой жизни. Она мнѣ казалась ужасною. И вдругъ я услыхалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и, вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастье жизни, ненарушимыя смертью.

Неужели для кого-нибудь можетъ быть вредно, если я разскажу, какъ это сдѣлалось со мной?

I.

О томъ, почему я прежде не понималъ ученія Христа, и какъ и почему я понялъ его, я написалъ два большихъ сочиненія: Критику Догматическаго Богословія и новый переводъ и соединеніе четырехъ Евангелій съ объясненіями. Въ сочиненіяхъ этихъ я методически, шагъ за шагомъ, стараюсь разобрать все то, что скрываетъ отъ людей истину, и стихъ за стихомъ вновь перевожу, сличаю и соединяю четыре Евангелія.

Работа эта продолжается уже шестой годъ. Каждый годъ, каждый мѣсяцъ я нахожу новыя и новыя уясненія и подтвержденія основной мысли, исправляю вкравшіяся въ мою работу, отъ поспѣшности и увлеченья, ошибки, исправляю ихъ и дополняю то, что сдѣлано. Жизнь моя, которой остается уже немного, вѣроятно, кончится раньше этой работы. Но я увѣренъ, что работа эта нужна, и потому дѣлаю, пока живъ, что могу.

Такова моя продолжительная внѣшняя работа надъ богословіемъ, Евангеліями. Но внутренняя работа моя, та, про которую я хочу разсказать здѣсь, была не такая. Это не было методическое изслѣдованіе богословія и текстовъ Евангелій, а это было мгновенное устраненіе всего того, что скрывало самый смыслъ ученія и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое бы случилось съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора; когда бы вдругъ по одному наибольшему куску онъ

догадался, что эта совсѣмъ другая статуя; и, начавъ возстановлять новую, вмѣсто прежней безсвязности кусковъ, на каждомъ обломкѣ, всѣми изгибами излома сходящемся съ другими и составляющемъ одно цѣлое,—увидалъ бы подтвержденіе своей мысли. Это самое случилось со мной. И вотъ это-то я хочу разсказать.

Я хочу разсказать, какъ я нашелъ тотъ ключъ къ пониманію ученія Христа, который мнѣ открылъ истину съ ясностью и убѣдительностью, исключающими сомнѣніе.

Открытіе это сдѣлано было мною такъ: съ тѣхъ первыхъ поръ дѣтства почти, когда я сталъ для себя читать Евангелія, во всемъ Евангеліи трогало и умиляло меня больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и оставалась для меня всегда сущность христіанскаго ученія, то, что я сердцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я послѣ отчаянія, невѣрія, призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ и во имя чего я подчинилъ себя тѣмъ же вѣрованіямъ, которыя исповѣдуетъ этотъ народъ, т. е. православной церкви. Но, подчинивъ себя церкви, я скоро замѣтилъ, что я не найду въ ученіи церкви подтвержденія, уясненія тѣхъ началъ христіанства, которыя казались для меня главными; я замѣтилъ, что эта дорогая мнѣ сущность христіанства не составляетъ главнаго въ ученіи церкви. Я замѣтилъ, что то, что представлялось мнѣ важнѣйшимъ въ ученіи Христа, не признается церковью самымъ важнымъ. Самымъ важнымъ церковью признается другое. Сначала я не приписывалъ значенія этой особенности церковнаго ученія. „Ну, что жъ,—думалъ я,—церковь, кромѣ того же смысла любви, смиренія и самоотверженія, признаетъ еще и этотъ смыслъ догматическій и внѣшній. Смыслъ этотъ чуждъ мнѣ, даже отталкиваетъ меня, но вреднаго тутъ ничего нѣтъ". Но чѣмъ дальше я продолжалъ жить, покоряясь ученію церкви, тѣмъ замѣтнѣе становилось мнѣ, что эта особенность ученія церкви не такъ безразлична, какъ она мнѣ показалась сначала. Оттолкнули меня отъ церкви: и странности догматовъ церкви, и признаніе, и одобреніе церковью гоненій, казней, войнъ и взаимное отрицаніе другъ друга разными исповѣданіями; но подорвало мое довѣріе къ ней именно это равнодушіе къ тому, что мнѣ казалось сущностью ученія Христа и, напротивъ, пристрастіе къ тому, что я считалъ

несущественнымъ. Мнѣ чувствовалось, что тутъ что-то не такъ. Но что было не такъ, я никакъ не могъ найти; не могъ найти, потому что ученіе церкви не только не отрицало того, что казалось мнѣ главнымъ въ ученіи Христа, но вполнѣ признавало это, но признавало какъ-то такъ, что это главное въ ученіи Христа становилось не на первое мѣсто. Я не могъ упрекнуть церковь въ томъ, что она отрицала существенное, но признавала церковь это существенное такъ, что оно не удовлетворяло меня. Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея.

Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви только потому, что созналъ невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и что дурно помимо моихъ животныхъ инстинктовъ. Знаніе это я думалъ найти въ христіанствѣ. Но христіанство, какъ оно представлялось мнѣ тогда, было только извѣстное настроеніе—очень неопредѣленное, изъ котораго не вытекали ясныя и обязательныя правила жизни. И за этими правилами я обратился къ церкви. Но церковь давала мнѣ такія правила, которыя нисколько не приближала меня къ дорогому мнѣ христіанскому настроенію, а скорѣе удаляли отъ него. И я не могъ итти за нею. Мнѣ были нужна и дорога жизнь, основанная на христіанскихъ истинахъ; а церковь мнѣ давала правила жизни, вовсе чуждыя дорогимъ мнѣ истинамъ. Правила, даваемыя церковью о вѣрѣ въ догматы, о соблюденіи таинствъ, постовъ, молитвъ, мнѣ были не нужны; а правилъ, основанныхъ на христіанскихъ истинахъ, не было. Мало того, церковныя правила ослабляли, иногда прямо уничтожали то христіанское настроеніе, которое одно давало смыслъ моей жизни. Смущало меня больше всего то, что все зло людское—осужденіе частныхъ людей, осужденіе цѣлыхъ народовъ, осужденіе другихъ вѣръ, и вытекавшія изъ такихъ осужденій: казни, войны,—все это оправдывалось церковью. Ученіе Христа о смиреніи, неосужденіи, прощеніи обидъ, о самоотверженіи и любви на словахъ возвеличивалось церковью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одобрялось на дѣлѣ то, что было несовмѣстимо съ этимъ ученіемъ.

Неужели ученіе Христа было таково, что противорѣчія эти должны были существовать? Я не могъ повѣрить этому. Кромѣ того, мнѣ всегда казалось удивительнымъ то, что, насколько я зналъ Евангеліе, тѣ мѣста, на которыхъ основывались опредѣленныя правила церкви о догматахъ, были мѣста самыя неясныя, тѣ же мѣста, изъ которыхъ вытекало испол-

неніе ученія, были самыя опредѣленныя и ясныя. А, между тѣмъ, догматы и вытекающія изъ нихъ обязанности христіанина опредѣлялись церковью самымъ яснымъ отчетливымъ образомъ; объ исполненіи же ученія говорилось въ самыхъ неясныхъ, туманныхъ, мистическихъ выраженіяхъ. Неужели этого хотѣлъ Христосъ, преподавая свое ученіе? Разрѣшеніе моихъ сомнѣній я могъ найти только въ Евангеліяхъ. И я читалъ и перечитывалъ ихъ. Изъ всѣхъ Евангелій, какъ что-то особенное, всегда выдѣлялась для меня нагорная проповѣдь. И ее-то я читалъ чаще всего. Нигдѣ, кромѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, Христосъ не говоритъ съ такою торжественностью, нигдѣ онъ не даетъ такъ много нравственныхъ, ясныхъ, понятныхъ, прямо отзывающихся въ сердцѣ каждаго правилъ, нигдѣ онъ не говоритъ къ большей толпѣ всякихъ простыхъ людей. Если были ясныя, опредѣленныя христіанскія правила, то онѣ должны быть выражены тутъ. Въ этихъ трехъ главахъ Матѳея я искалъ разъясненія моихъ недоумѣній. Много и много я разъ перечитывалъ нагорную проповѣдь и всякій разъ испытывалъ одно и то же: восторгъ и умиленіе при чтеніи этихъ стиховъ о подставленіи щеки, отдачѣ рубахи, примиреніи со всѣми, любви къ врагамъ, и то же чувство неудовлетворенности. Слова Бога, обращенныя ко всѣмъ, были не ясны. Поставлено было слишкомъ невозможное отреченіе отъ всего, уничтожавшее самую жизнь, какъ я понималъ ее, и потому отреченіе отъ всего, казалось мнѣ, не могло быть непремѣннымъ условіемъ спасенія. А какъ скоро это не было непремѣннымъ условіемъ спасенія, то не было ничего опредѣленнаго и яснаго. Я читалъ не одну нагорную проповѣдь, я читалъ всѣ Евангелія, всѣ богословскія комментаріи на нихъ. Богословскія объясненія о томъ, что изреченія нагорной проповѣди суть указанія того совершенства, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, но что падшій человѣкъ весь въ грѣхѣ и своими силами не можетъ достигнуть этого совершенства, что спасеніе человѣка въ вѣрѣ, молитвѣ и благодати —объясненія эти не удовлетворяли меня.

Я не соглашался съ этимъ, потому что мнѣ всегда казалось страннымъ, для чего Христосъ, впередъ зная, что исполненіе его ученія невозможно однѣми силами человѣка, далъ такія ясныя и прекрасныя правила, относящіяся прямо *къ каждому отдѣльному* человѣку? Читая эти правила, мнѣ

всегда казалось, что они относятся прямо ко мнѣ, отъ меня одного требуютъ исполненія.

Читая эти правила, на меня находила всегда радостная увѣренность, что я могу сейчасъ, съ этого часа, сдѣлать все это. И я хотѣлъ и пытался сдѣлать это; но какъ только я испытывалъ борьбу при исполненіи, я невольно вспоминалъ ученіе церкви о томъ, что человѣкъ слабъ и не можетъ сдѣлать самъ этого, и ослабѣвалъ.

Мнѣ говорили: надо вѣрить и молиться.

Но я чувствовалъ, что я мало вѣрю, и потому не могу молиться. Мнѣ говорили, что надо молиться, чтобы Богъ далъ вѣру, ту вѣру, которая даетъ ту молитву и т. д., до безконечности.

Но и разумъ и опытъ показывали мнѣ, что средство это не дѣйствительно. Мнѣ все казалось, что дѣйствительны могутъ быть только мои усилія исполнять ученіе Христа.

И вотъ, послѣ многихъ, многихъ тщетныхъ изысканій, изученій того, что было писано объ этомъ въ доказательство божественности этого ученія и въ доказательство небожественности его, послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я остался опять одинъ съ своимъ сердцемъ и съ таинственной книгою передъ собой. Я не могъ дать ей того смысла, который давали другіе, и не могъ придать иного, и не могъ отказаться отъ нея. И только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученой критики, и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ, по слову Христа: если не примите меня, какъ дѣти, не войдете въ царствіе божіе... я понялъ вдругъ то, чего не понималъ прежде. Я понялъ не тѣмъ, что я какъ нибудь искусно, глубокомысленно переставлялъ, сличалъ, перетолковывалъ; напротивъ, все открылось мнѣ тѣмъ, что я забылъ всѣ толкованія. Мѣсто, которое было для меня ключемъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мѳ. ст. 39.—„Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу". Я вдругъ, въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ—не то, что появилось что-нибудъ новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мной во всемъ ея значеніи. „Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу". Слова эти вдругъ показались мнѣ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде.

Прежде, читая это мѣсто, я всегда по какому-то странному затменію пропускалъ слова: *а я говорю: не противьтесь злу.* Точно какъ будто словъ этихъ совсѣмъ не было, или они не имѣли никакого опредѣленнаго значенія.

Впослѣдствіи, въ бесѣдахъ моихъ со многими и многими христіанами, знавшими Евангеліе, мнѣ часто случалось замѣчать относительно этихъ словъ то же затменіе. Словъ этихъ никто не помнилъ, и часто, при разговорахъ объ этомъ мѣстѣ, христіане брали Евангеліе, чтобы провѣрить, есть ли тамъ эти слова. Также и я пропускалъ эти слова, и начиналъ понимать только со слѣдующихъ словъ: „И кто ударитъ тебя въ правую щеку... подставь лѣвую...“ и т. д. И всегда эти слова представлялись мнѣ требованіемъ страданій, лишеній, не свойственныхъ человѣческой природѣ. Слова эти умиляли меня, мнѣ чувствовалось, что было бы прекрасно исполнить ихъ. Но мнѣ чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду въ силахъ исполнить ихъ, только для того, чтобы страдать. Я говорилъ себѣ: ну хорошо, я подставлю щеку,—меня другой разъ прибьютъ; я отдамъ,—у меня отнимутъ все. У меня не будетъ жизни. А мнѣ дана жизнь, зачѣмъ же я лишусь ея. Этого не можетъ требовать Христосъ. Прежде я говорилъ это себѣ, предполагая, что Христосъ этими словами восхваляетъ страданія и лишенія, и, восхваляя ихъ, говоритъ преувеличенно и потому не точно и не ясно, но теперь, когда я понялъ слово о непротивленіи злому, мнѣ стало ясно, что Христосъ ничего не преувеличиваетъ и не требуетъ никакихъ страданій для страданій, а только очень опредѣленно и ясно говоритъ то, что говоритъ. Онъ говоритъ: „не противьтесь злому, и дѣлая такъ, впередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивъ васъ по одной щекѣ и не встрѣтивъ отпора, ударятъ и по другой; отнявъ рубаху, отнимутъ и кафтанъ; воспользовавшись вашей работой, заставятъ еще работать; будутъ брать безъ отдачи... И вотъ, если это такъ будетъ, то вы все-таки не противьтесь злому. Тѣмъ, которые будутъ васъ бить и обижать, все-таки дѣлайте добро“. И когда я понялъ эти слова такъ, какъ они сказаны, такъ сейчасъ же все, что было темно, стало ясно, и что казалось преувеличенно, стало вполнѣ точно. Я понялъ въ первый разъ, что центръ тяжести всей мысли въ словахъ: „не противься злому“, а что послѣдующее есть только разъясненіе перваго положенія. Я *понялъ, что Христосъ* нисколько не велитъ подставлять щеку

и отдавать кафтанъ для того, чтобы страдать, а велитъ не противиться злому и говоритъ, что при этомъ придется, можетъ быть, и страдать. Точно такъ же, какъ отецъ, отправляющій своего сына въ далекое путешествіе, не приказываетъ сыну—не досыпать ночей, не доѣдать, мокнуть и зябнуть, если онъ скажетъ ему: „ты иди дорогой, и если придется тебѣ и мокнуть, и зябнуть, ты, все-таки, иди“. Христосъ не говоритъ: подставляйте щеки, страдайте, а онъ говоритъ: не противьтесь злому, и, что бы съ вами ни было, не противьтесь злу. Слова эти: *не противьтесь злу или злому*, понятыя въ ихъ прямомъ значеніи, были для меня истинно ключемъ, открывшимъ мнѣ все. И мнѣ стало удивительно, какъ могъ я такъ навыворотъ понимать ясныя, опредѣленныя слова. Вамъ сказано: зубъ за зубъ, а я говорю: не противьтесь злу или злому, и что бы съ тобой ни дѣлали злые, терпи, отдавай, но не противься злу или злымъ. Что же можетъ быть яснѣе, понятнѣе и несомнѣннѣе этого? И стоило мнѣ понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но во всѣхъ Евангеліяхъ, все, что было запутано, стало, понятно, что было противорѣчиво, стало согласно; и, главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и, несомнѣнно подтверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленные такъ, какъ они должны быть. Въ этой проповѣди и во всѣхъ Евангеліяхъ со всѣхъ сторонъ подтверждалось то же ученіе о непротивленіи злу.

Въ этой проповѣди, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, вездѣ Христосъ представляетъ себѣ своихъ учениковъ, т. е. людей, исполняющихъ правило о непротивленіи злу, не иначе, какъ подставляющихъ щеку и отдающихъ кафтанъ, какъ гонимыхъ, побиваемыхъ и нищихъ.

Вездѣ много разъ Христосъ говоритъ, что тотъ, кто не взялъ крестъ, кто не отрекся отъ всего, тотъ не можетъ быть его ученикомъ, т. е. кто не готовъ на всѣ послѣдствія, вытекающія изъ исполненія правила о непротивленіи злу. Ученикамъ Христосъ говоритъ: будьте нищіе, будьте готовы, не противясь злу, принять гоненія, страданія и смерть. Самъ готовится на страданія и смерть, не противясь злымъ, и отгоняетъ отъ себя Петра, жалѣющаго объ этомъ, и самъ умираетъ, запрещая противиться злу и не измѣняя своему ученію.

Всѣ первые ученики его исполняютъ это правило непротивленія злу и всю жизнь проводятъ въ нищетѣ, гоненіяхъ, и никогда не воздаютъ зломъ за зло.

Стало быть Христосъ говоритъ то, что говоритъ. Можно утверждать, что всегдашнее исполненіе этого правила очень трудно, можно не соглашаться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ будетъ блаженъ, исполняя это правило, можно сказать, что это глупо, какъ говорятъ невѣрующіе, что Христосъ былъ мечтатель, идеалистъ, который высказывалъ неисполнимыя правила, которымъ и слѣдовали по глупости его ученики, но никакъ нельзя не признавать, что Христосъ сказалъ очень ясно и опредѣленно то самое, что хотѣлъ сказать: именно, что человѣкъ, по его ученію, долженъ не противиться злу и что потому тотъ, кто принялъ его ученіе, не можетъ противиться злу. А, между тѣмъ, ни вѣрующіе, ни невѣрующіе не понимаютъ такого простого, яснаго значенія словъ Христа.

II.

Когда я понялъ, что слова: не противься злому, значатъ: не противься злому, все мое прежнее представленіе о смыслѣ ученія Христа вдругъ измѣнилось, и я ужаснулся предъ тѣмъ, не то, что непониманіемъ, а какимъ то страннымъ пониманіемъ ученія, въ которомъ я находился до сихъ поръ. Я зналъ, мы всѣ знаемъ, что смыслъ христіанскаго ученія заключается въ любви къ людямъ. Сказать — подставить щеку, любить враговъ—это значитъ выразить сущность христіанства. Я зналъ это съ дѣтства, но отчего же я не понималъ этихъ простыхъ словъ просто, а искалъ въ нихъ какой-то иносказательный смыслъ? Не противься злому, значитъ, не противься злому никогда, т. е. никогда не дѣлай насилія, т. е. такого поступка, который всегда противуположенъ любви. И если тебя при этомъ обидятъ, то перенеси обиду и все таки не дѣлай насилія надъ другимъ. Онъ сказалъ такъ ясно и просто, какъ нельзя сказать яснѣе. Какъ же я, вѣруя, или стараясь вѣрить, что тотъ, кто сказалъ это—Богъ, говорилъ, что исполнить это своими силами невозможно. Хозяинъ скажетъ мнѣ: поди, наруби дровъ, а я скажу: я своими силами не могу исполнить этого. Говоря это, я говорю одно изъ двухъ: или *то, что я не вѣрю тому*, что говоритъ хозяинъ, или то,

что я не хочу дѣлать того, что велитъ хозяинъ. Про заповѣдь Бога, которую онъ далъ намъ для исполненія, про которую онъ сказалъ: кто исполнитъ и научитъ такъ, тотъ большимъ наречется и т. д., про которую онъ сказалъ, что только тѣ, которые исполняютъ, тѣ получаютъ жизнь, заповѣдь, которую онъ самъ исполнилъ и которую выразилъ такъ ясно, просто, что въ смыслѣ ея не можетъ быть сомнѣнія, про эту-то заповѣдь я, никогда не попытавшись даже исполнить ее, говорилъ: исполненіе ея невозможно однѣми моими силами, а нужна сверхъестественная помощь.

Богъ сошелъ на землю, чтобы дать спасеніе людямъ. Спасеніе состоитъ въ томъ, что второе лицо Троицы, Богъ-Сынъ, пострадалъ за людей, искупилъ передъ Отцомъ грѣхъ ихъ и далъ людямъ церковь, въ которой хранится благодать, передающаяся вѣрующимъ; но кромѣ всего этого, этотъ Богъ-Сынъ далъ людямъ и ученіе и примѣръ жизни для спасенія. Какъ же я говорилъ, что правила жизни, выраженныя имъ просто и ясно для всѣхъ, такъ трудно исполнять, что даже невозможно безъ сверхъестественной помощи? Онъ не только не сказалъ этого, онъ опредѣленно сказалъ: непремѣнно исполняйте, а кто не исполнитъ, тотъ не войдетъ въ царство божіе. И онъ никогда не говорилъ, что исполненіе трудно, онъ, напротивъ, сказалъ: „иго Мое благо, и бремя мое легко". Іоаннъ, его евангелистъ, сказалъ: „заповѣди Его не тяжки". Какъ же это я говорилъ, что то, что Богъ велѣлъ исполнять, то, исполненіе чего онъ такъ точно опредѣлилъ, и сказалъ, что исполнять это легко, то, что онъ самъ исполнилъ какъ человѣкъ, и что исполняли первые послѣдователи его,—какъ же это я говорилъ, что исполнять это такъ трудно, что даже невозможно безъ сверхъестественной помощи? Если бы человѣкъ всѣ усилія своего ума положилъ на то, чтобы уничтожить какой-нибудь данный законъ, что дѣйствительнѣе, для уничтоженія этого закона, могъ бы сказать этотъ человѣкъ, какъ не то, что законъ этотъ по существу неисполнимъ, и что мысль самого законодателя о своемъ законѣ такова, что законъ этотъ неисполнимъ, а что для исполненія его нужна сверхъестественная помощь? А это самое я думалъ по отношенію къ заповѣди о непротивленіи злу. И я сталъ вспоминать, какъ и когда вошла мнѣ въ голову эта странная мысль о томъ, что законъ Христа божественъ, но исполнять его нельзя. И разобравъ свое прошедшее, я понялъ, что мысль эта никогда не была передана

мнѣ во всей ея наготѣ (она бы оттолкнула меня), но что я незамѣтно для себя, всосалъ ее съ молокомъ матери съ самаго перваго дѣтства, и вся послѣдующая жизнь моя только укрѣпляла во мнѣ это странное заблужденіе.

Съ дѣтства меня учили тому, что Христосъ-Богъ и ученіе его божественно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня учили уважать тѣ учрежденія, которыя насиліемъ обезпечиваютъ мою безопасность отъ злого, учили меня почитать эти учрежденія священными. Меня учили противостоять злому и внушали, что унизительно и постыдно покоряться злому и терпѣть отъ него, а похвально противиться ему. Меня учили судить и казнить. Потомъ меня учили воевать, т. е. убійствомъ противодѣйствовать злымъ, и воинство, котораго я былъ членомъ, называли христолюбивымъ воинствомъ; и дѣятельность эту освящали христіанскимъ благословеніемъ. Кромѣ того, съ дѣтства и до возмужалости меня учили уважать то, что прямо противорѣчитъ закону Христа: дать отпоръ обидчику, отмстить насиліемъ за оскорбленіе личное, семейное, народное; все это не только не отрицали, но мнѣ внушали, что все это прекрасно и не противно закону Христа.

Все меня окружающее, спокойствіе, безопасность моя и семьи, моя собственность, все построено было на законѣ, отвергнутомъ Христомъ, на законѣ: зубъ за зубъ.

Церковные учители учили тому, что ученіе Христа божественно, но исполненіе его невозможно по слабости людской, и только благодать Христа можетъ содѣйствовать его исполненію. Свѣтскіе учители и все устройство жизни уже прямо признавали неисполнимость, мечтательность ученія Христа, и рѣчами и дѣлами учили тому, что противно этому ученію. Это признаніе неисполнимости ученія Бога до такой степени по-немножку, незамѣтно всосалось въ меня и стало привычно мнѣ, и до такой степени оно совпадало съ моими похотями, что я никогда не замѣчалъ прежде того противорѣчія, въ которомъ я находился. Я не видалъ того, что невозможно въ одно и то же время исповѣдывать Христа-Бога, основа ученія котораго есть непротивленіе злому, и сознательно и спокойно работать для учрежденія собственности, судовъ, государства, воинства, учреждать жизнь, противную ученію Христа, и молиться этому Христу о томъ, чтобы между нами исполнялся законъ непротивленія злому и прощенія. Мнѣ не приходило еще въ голову то, что теперь такъ ясно: что гораздо бы проще было устраивать и учре-

ждать жизнь по закону Христа, а молиться ужъ о томъ, чтобы были суды, казни, войны, если они такъ нужны для нашего блага.

И я понялъ, откуда возникло мое заблужденіе. Оно возникло изъ исповѣданіи Христа на словахъ и отрицанія его на дѣлѣ.

Положеніе о непротивленіи злому есть положеніе, связующее все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ.

Оно есть точно ключъ, отпирающій все, но только тогда, когда ключъ этотъ просунутъ до замка. Признаніе этого положенія за изреченіе, невозможное къ исполненію безъ сверхъестественной помощи, есть уничтоженіе всего ученія. Какимъ же, какъ не невозможнымъ, можетъ представляться людямъ то ученіе, изъ котораго вынуто основное, связующее все положеніе? Невѣрующимъ же оно даже прямо представляется глупымъ и не можетъ представиться инымъ.

Поставить машину, затопить паровикъ, пустить въ ходъ, но не надѣть передаточнаго ремня — это самое сдѣлано съ ученіемъ Христа, когда стали учить, что можно быть христіаниномъ, не исполняя положенія о непротивленіи злому.

Я недавно съ еврейскимъ раввиномъ читалъ V главу Матѳея. Почти при всякомъ изреченіи раввинъ говорилъ: это есть въ библіи, это есть въ талмудѣ и указывалъ мнѣ въ библіи и талмудѣ весьма близкія изреченія къ изреченіямъ нагорной проповѣди. Но когда мы дошли до стиха о непротивленіи злому, онъ не сказалъ: и это есть въ талмудѣ, а только спросилъ меня съ усмѣшкой: — И христіане исполняютъ это? подставляютъ другую щеку? — Мнѣ нечего было отвѣчать, тѣмъ болѣе, что я зналъ, что въ это самое время христіане не только не подставляли щеки, но били евреевъ по подставленной щекѣ. Но мнѣ интересно было знать, есть ли что-нибудь подобное въ библіи или талмудѣ, и я спросилъ его объ этомъ. — Онъ сказалъ: — Нѣтъ, этого нѣтъ, но вы скажите, исполняютъ ли христіане этотъ законъ? Вопросомъ этимъ онъ говорилъ мнѣ, что присутствіе такого правила въ христіанскомъ законѣ, которое не только никѣмъ не исполняется, но которое сами христіане признаютъ неисполнимымъ, есть признаніе неразумности и ненужности этого правила. И я не могъ ничего отвѣчать ему.

Теперь, понявъ прямой смыслъ ученія, я вижу ясно то странное противорѣчіе съ самимъ собой, въ которомъ я находился. Признавъ Христа Богомъ и ученіе его божественнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроивъ свою жизнь противно этому ученію, что же оставалось, какъ не признавать ученіе неисполнимымъ? На словахъ я признаъ ученіе Христа священнымъ, на дѣлѣ я исповѣдывалъ совсѣмъ не христіанское ученіе, и признавалъ и покловялся учрежденіямъ не христіанскимъ, со всѣхъ сторонъ обнимающимъ мою жизнь.

Весь ветхій завѣтъ говоритъ, что несчастія народа Іудейскаго происходили отъ того, что онъ вѣрилъ въ ложныхъ боговъ, но не въ истиннаго Бога. Самуилъ, въ первой книгѣ, въ главахъ 8-й и 12-й, обвиняетъ народъ въ томъ, что ко всѣмъ прежнимъ своимъ отступленіямъ отъ Бога онъ прибавилъ еще новое: на мѣсто Бога, который былъ ихъ царемъ, поставилъ человѣка-царя, который, по ихъ мнѣнію, спасетъ ихъ. Не вѣрьте въ „тогу", въ пустое, говоритъ Самуилъ народу, XII, 12 стихъ. Оно не поможетъ вамъ и не спасетъ васъ, потому что оно „тогу", пустое. Чтобы не погибнуть вамъ съ царемъ вашимъ, держитесь одного Бога.

Вотъ вѣра въ эти „тогу," въ эти пустые кумиры и заслоняютъ отъ меня истину. На дорогѣ къ ней, заграждая ея свѣтъ, стояли предо мной тѣ „тогу", отъ которыхъ я не въ силахъ былъ отречься.

На дняхъ я шелъ въ Боровицкія ворота; въ воротахъ сидѣлъ старикъ, нищій-калѣка, обвязанный по ушамъ ветошкой. Я вынулъ кошелекъ, чтобы дать ему что-нибудь. Въ это время съ горы изъ Кремля выбѣжалъ бравый, молодой, румяный малый, гренадеръ въ казенномъ тулупѣ. Нищій, увидавъ солдата, испуганно вскочилъ и въ прихрамку побѣжалъ внизъ, къ Александровскому саду. Гренадеръ погнался было за нимъ, но, не догнавъ, остановился и сталъ ругать нищаго за то, что онъ не слушалъ запрещенія и садился въ воротахъ. Я подождалъ гренадера въ воротахъ. Когда онъ поровнялся со мной, я спросилъ его: знаетъ ли онъ грамотѣ?

— Знаю, а что?—Евангеліе читалъ?—Читалъ. А читалъ „и кто накормитъ голоднаго..." Я сказалъ ему это мѣсто. Онъ зналъ его и выслушалъ. И я видѣлъ, что онъ смущенъ. Два прохожіе остановились, слушая. Гренадеру, видно, больно было чувствовать, что онъ, отлично исполняя свою обязан-

ность,—гоняя народъ оттуда, откуда велѣно гонять,—вдругъ оказался не правъ. Онъ былъ смущенъ и, видимо, искалъ отговорки. Вдругъ, въ умныхъ черныхъ глазахъ его блеснулъ свѣтъ, онъ повернулся ко мнѣ бокомъ, какъ бы уходя.—А воинскій уставъ читалъ?—спросилъ онъ. Я сказалъ, что не читалъ.—Такъ и не говори,—сказалъ гренадеръ, тряхнувъ побѣдоносно головой и запахнувъ, тулупъ, молодецки пошелъ къ своему мѣсту.

Это былъ единственный человѣкъ во всей моей жизни, строго, логически разрѣшившій тотъ вѣчный вопросъ, который при нашемъ общественномъ строѣ стоялъ передо мной и стоитъ передъ каждымъ человѣкомъ, называющимъ себя христіаниномъ.

III.

Напрасно говорятъ, что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ. Это только смѣлое и голосовное утвержденіе самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злому, подставляю щеку, какъ частный человѣкъ, говорю я себѣ, но идетъ непріятель, или угнетаютъ народы, и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со злыми—идти убивать ихъ. И мнѣ неизбѣжно рѣшить вопросъ: въ чемъ служеніе Богу и въ чемъ служеніе „тогу.“ Итти ли на войну или не итти? Я—мужикъ, меня выбираютъ въ старшины, судьи, въ присяжные, заставляютъ присягать, судить, наказывать,—что мнѣ дѣлать? опять я долженъ выбирать между закономъ Бога и закономъ человѣческимъ. Я—монахъ, живу въ монастырѣ, мужики отняли нашъ покосъ, меня посылаютъ участвовать въ борьбѣ со злыми—просить въ судѣ на мужиковъ. Опять я долженъ выбрать. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти отъ рѣшенія этого вопроса. Я не говорю уже о нашемъ сословіи, дѣятельность котораго почти вся состоитъ въ противленіи злымъ: военные, судейскіе, администраторы, но нѣтъ того частнаго, самаго скромнаго человѣка, которому бы не предстояло это рѣшеніе между служеніемъ Богу, исполненіемъ его заповѣдей, или служеніемъ „тогу“ государственнымъ учрежденіямъ. Личная моя жизнь переплетена съ общей государственной, а государственная требуетъ отъ меня нехристіанской дѣятельности,

прямо противной заповѣди Христа. Теперь съ общей воинской повинностью и участіемъ всѣхъ въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, дилемма эта съ поразительной рѣзкостью поставлена предъ всѣми. Всякій человѣкъ долженъ взять орудіе убійства; ружье, ножъ, и если не убить, то зарядить ружье и отточить ножъ, т. е. быть готовымъ на убійство. Каждый гражданинъ долженъ придти въ судъ и быть участникомъ суда и наказаній, т. е. каждый долженъ отречься отъ заповѣди Христа непротивленія злому не словомъ только, но дѣломъ.

Вопросъ гренадера: Евангеліе или воинскій уставъ? Законъ Божій или законъ человѣческій?—теперь стоитъ и при Самуилѣ стоялъ передъ человѣчествомъ. Онъ стоялъ и передъ самимъ Христомъ и передъ учениками его. Стоитъ и передъ тѣми, которые теперь хотятъ быть христіанами, стоялъ и передо мной.

Законъ Христа, съ его ученіемъ любви, смиренія, самоотверженія, всегда и прежде трогалъ мое сердце и привлекалъ меня къ себѣ. Но со всѣхъ сторонъ, въ исторіи, въ современной, окружающей меня, и въ моей жизни я видѣлъ законъ противоположный, противный моему сердцу, моей совѣсти, моему разуму, но потакающій моимъ животнымъ инстинктамъ. Я чувствовалъ, что прими я законъ Христа,—я останусь одинъ, и мнѣ можетъ быть плохо, мнѣ придется быть гонимымъ и плачущимъ, то самое, что сказалъ Христосъ. Прими законъ человѣческій—меня всѣ одобрятъ, я буду спокоенъ, обезпеченъ, и къ моимъ услугамъ всѣ изощренія ума, чтобы успокоить мою совѣсть. Я буду смѣяться и веселиться, то самое, что сказалъ Христосъ. Я чувствовалъ это, и потому не только не углублялся въ значеніе закона Христа, но старался понять его такъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ жить моей животной жизнью. А понять его такъ нельзя было, и потому я вовсе не понималъ его.

Въ этомъ непониманіи я доходилъ до, теперь удивительнаго мнѣ, затменія. Для образца такого затменія приведу мое прежнее пониманіе словъ: Не судите, и не будете судимы (Мѳ. VII, 1). Не судите и не будете судимы—не осуждайте и не будете осуждены (Луки VI, 37). Мнѣ такъ несомнѣнно казалось священнымъ, не нарушающимъ закона Бога учрежденіе судовъ, въ которыхъ я участвовалъ и которые ограждали мою собственность и безопасность, что никогда и въ голову не приходило, чтобы это изреченіе могло

значить что-нибудь другое какъ то, чтобы на словахъ не осуждать ближняго. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы Христосъ въ этихъ словахъ могъ говорить про суды: про земскій судъ, про уголовную палату, про окружные и мировые суды и всякіе сенаты и департаменты. Только когда я понялъ въ прямомъ значеніи слова о непротивленіи злому, только тогда мнѣ представился вопросъ о томъ, какъ относится Христосъ ко всѣмъ этимъ судамъ и департаментамъ. И понявъ, что онъ долженъ отрицать ихъ, я спросилъ себя: Да не значитъ ли это не только не судите ближняго на словахъ, но и не осуждайте судомъ—не судите ближнихъ своими человѣческими учрежденіями.

У Луки, гл. VI, съ 37 по 49, слова эти сказаны тотчасъ послѣ ученія о непротивленіи злому и о воздаяніи добромъ за зло. Тотчасъ—послѣ словъ: будьте милосерды, какъ Отецъ вашъ на небѣ,—сказано: не судите, и не будете судимы, не осуждайте и не будете осуждены. Не значитъ ли это, кромѣ осужденія ближняго, и то, чтобы не учреждать судовъ и не судить въ нихъ ближнихъ? спросилъ я себя теперь. И стоило мнѣ только поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы и сердце и здравый смыслъ тотчасъ же отвѣтили мнѣ утвердительно.

Я знаю, какъ такое пониманіе этихъ словъ поражаетъ сначала. Меня оно тоже поразило. Чтобы показать, какъ я далекъ былъ отъ такого пониманія, признаюсь въ стыдной глупости. Уже послѣ того, какъ я сталъ вѣрующимъ и читалъ Евангеліе, какъ божественную книгу, я, при встрѣчѣ съ моими пріятелями: прокурорами, судьями, въ видѣ игривой шутки, говорилъ имъ: а вы все судите, а сказано: не судите и не судимы будете. Я такъ былъ увѣренъ, что слова эти не могутъ значить ничего другого, какъ только запрещеніе злословія, что не понималъ того страшнаго кощунства, которое я дѣлалъ, говоря это. Я до того дошелъ, что увѣрившись въ томъ, что ясныя слова эти значатъ не то, что значатъ, въ шутку говорилъ ихъ въ ихъ настоящемъ значеніи.

Разскажу подробно, какъ уничтожилось во мнѣ всякое сомнѣніе о томъ, что слова эти не могутъ быть понимаемы иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ запрещаетъ всякія человѣческія учрежденія судовъ, и словами этими ничего не могъ сказать другого.

Первое, что поразило меня, когда я понялъ заповѣдь о непротивленіи злому въ ея прямомъ значеніи, было то, что

суды человѣческіе не только не сходятся съ нею, но прямо противны ей, противны и смыслу всего ученія, и что потому Христосъ, если подумалъ о судахъ, то долженъ былъ отрицать ихъ.

Христосъ говоритъ: *не противься злому.* Цѣль судовъ— противиться злому. Христосъ предписываетъ: *дѣлать добро за зло.* Суды воздаютъ зломъ за зло. Христосъ говоритъ: *Не разбирать добрыхъ и злыхъ.* Суды только то и дѣлаютъ, что этотъ разборъ. Христосъ говоритъ: *Прощать всѣмъ. Прощать не разъ, не семь разъ, а безъ конца. Любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ.* Суды не прощаютъ, а наказываютъ, дѣлаютъ не добро, а зло тѣмъ, которыхъ они называютъ врагами общества, такъ что по смыслу выходило, что Христосъ долженъ былъ запрещать суды. Но можетъ быть, думалъ я, Христосъ не имѣлъ дѣла съ человѣческими судами и не думалъ о нихъ. Но вижу, что этого нельзя предположить: Христосъ со дня рожденія и до смерти сталкивался съ судами Ирода, Синедріона и первосвященниковъ. И дѣйствительно, вижу, что Христосъ много разъ прямо говоритъ про суды, какъ про зло. Ученикамъ онъ говоритъ, что ихъ будутъ судить, и говоритъ, какъ имъ держаться на судѣ. Про себя говорилъ, что его засудятъ, и самъ показываетъ, какъ надо относиться къ суду человѣческому. Стало быть, Христосъ думалъ о тѣхъ судахъ человѣческихъ, которые должны были засудить его и его учениковъ и засуждавшіе и засуждающіе милліоны людей. Христосъ видѣлъ это зло и прямо указывалъ на него. При исполненіи приговора суда надъ блудницей, онъ прямо отрицаетъ судъ и показываетъ, что человѣку нельзя судить, потому что онъ самъ виноватый. И эту же самую мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ, говоря, что засореннымъ глазомъ нельзя видѣть сора въ глазу другого, что слѣпой не можетъ водить слѣпого. Объясняетъ даже то, что происходитъ отъ такого заблужденія. Ученикъ станетъ такой же, какъ учитель.

Но, можетъ быть, и высказавъ это по отношенію къ суду блудницы и указавъ притчей о спицѣ на общую слабость человѣческую, онъ, все-таки не запрещаетъ обращеніе къ человѣческому правосудію, въ виду защиты отъ злыхъ; но вижу, что этого никакъ нельзя допустить.

Въ нагорной проповѣди, обращаясь ко всѣмъ, онъ говоритъ: и если кто хочетъ *высудить* у тебя рубаху, отдай и *кафтанъ. Стало быть,* онъ всѣмъ запрещаетъ судиться.

Но, можетъ быть, Христосъ говоритъ только о личномъ отношеніи каждаго человѣка къ судамъ, но не отрицаетъ самого правосудія и допускаетъ въ христіанскомъ обществѣ людей, которые судятъ другихъ въ установленныхъ учрежденіяхъ? Но вижу, что и этого нельзя предположить. Христосъ въ молитвѣ своей всѣмъ людямъ безъ исключенія велитъ прощать другимъ, чтобы и имъ были прощены ихъ вины. И повторяетъ эту мысль много разъ. Стало быть, всякій человѣкъ и на молитвѣ и прежде, чѣмъ принести даръ, долженъ всѣмъ простить. Какъ же можетъ судить и приговаривать по суду человѣкъ, который, по исповѣдуемой имъ вѣрѣ, долженъ всѣмъ всегда прощать? И потому вижу, что, по ученію Христа, христіанскій наказывающій судья быть не можетъ.

Но, можетъ быть, по той связи, въ которой находятся съ другими слова *не судите и не осуждайте*, видно, что въ этомъ мѣстѣ Христосъ, говоря: *не судите*, не думалъ о судахъ человѣческихъ? Но этого тоже нѣтъ; напротивъ, ясно по связи рѣчи, что, говоря: не судите, Христосъ говоритъ именно о судахъ, учрежденіяхъ: по Матѳею и Лукѣ, передъ тѣмъ, чтобы сказать не судите, онъ говоритъ: не противьтесь злому, терпите зло, дѣлайте добро всѣмъ. А передъ этимъ повторяетъ, по Матѳею, слова уголовнаго еврейскаго закона: око за око, зубъ за зубъ. И послѣ этой ссылки на уголовный законъ, говоритъ: а вы дѣлайте не такъ, не противьтесь злому, и потомъ уже говоритъ: не судите. Стало быть Христосъ говоритъ именно про уголовный законъ человѣческій, и его-то и отрицаетъ словами: не судите.

Кромѣ того, по Лукѣ, онъ говоритъ не только не судите, но не судите и не осуждайте. Для чего-нибудь да прибавлено же это слово, имѣющее почти то же значеніе. Прибавка этого слова можетъ имѣть только одну цѣль: выясненіе значенія, въ которомъ должно пониматься первое слово.

Если бы онъ хотѣлъ сказать: не осуждайте *ближняго*, то онъ бы прибавилъ это слово, но онъ прибавляетъ слово, переводимое по русски—не осуждайте. И послѣ этого говоритъ: и не будете осуждены, всѣмъ прощайте, и будете прощены.

Но, можетъ быть, все-таки, Христосъ не думалъ про суды, говоря это, и я свою мысль нахожу въ его словахъ, имѣющихъ другое значеніе.

Справляюсь съ тѣмъ, какъ первые ученики Христа, апостолы, смотрѣли на суды человѣческіе, признавали ли, одобряли ли ихъ?

Въ главѣ IV, отъ 1—11, апостолъ Яковъ говоритъ: *Не злословьте другъ друга, братія, кто злословитъ брата и судитъ брата своего, тотъ злословитъ законъ и судитъ законъ; а если законъ судишь, то ты не исполнитель закона, а судья.—Единъ законодатель и судья, который можетъ спасти и погубить—а ты кто, который судишь другого?*

Слово, переданное словомъ „злословить", есть слово καταλαλεῖ. Безъ справки съ лексикономъ можно видѣть, что слово это должно значить „обвинять". И то самое оно и значитъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, справившись съ лексикономъ. Переведено: *кто злословитъ брата, тотъ злословитъ законъ.* И невольно представляется вопросъ: почему? Сколько бы я не злословилъ брата, я не злословлю законъ, но если я обвиняю и сужу судомъ брата, то очевидно, что я этимъ самымъ обвиняю законъ Христа, т. е. я считаю законъ Христа недостаточнымъ и обвиняю и сужу законъ. Тогда ясно, что я уже не исполняю его законъ, а самъ судья. Судья же говоритъ, Христосъ,—тотъ, который можетъ спасти. А какъ же я, не будучи въ состояніи спасти, буду судьей, буду наказывать.

Все это мѣсто говоритъ о судѣ человѣческомъ и отрицаетъ его. Все посланіе это проникнуто тою же мыслью. Въ томъ же посланіи Іакова (гл. II, 1—13) говорится: 1) Братія мои! вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа прославленнаго да будетъ безъ лицепріятія. 2) Ибо если войдетъ въ собраніе вашъ человѣкъ съ золотымъ перстнемъ на рукѣ, въ богатой одеждѣ; войдетъ же и нищій въ худомъ платьѣ; 3) и вы, смотря на одѣтаго въ богатую одежду, скажете ему: тебѣ прилично стать здѣсь; а нищему скажете: ты стань тамъ, или садись здѣсь, при ногахъ моихъ; 4) то не разрозниваетесь ли вы между собой и не представляете ли *въ себѣ судей съ злыми помышленіями*? 5) Послушайте, братія мои возлюбленные, не нищихъ ли міра сего Богъ избралъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія, которое обѣщалъ Онъ любящимъ Его? 6) А вы презрѣли нищаго! Не богатые ли притѣсняютъ васъ и *не они ли влекутъ васъ въ суды*? 7) Не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь? 8) Если вы исполняете царскій законъ по Писанію,—*возлюби ближняго твоего, какъ самого себя* (Лев.

19, 18) хорошо поступаете. 9) Но если смотрите на лица, то грѣхъ дѣлаете и передъ закономъ оказываетесь преступниками. 10) Ибо кто сохранитъ весь законъ и въ одномъ чемъ-нибудь согрѣшитъ, тотъ становится виновенъ во всемъ. 11) Ибо тотъ же, кто сказалъ: не прелюбодѣйствуй, сказалъ: не убей. Посему, если ты не сдѣлаешь прелюбодѣянія, но убьешь, то ты все преступникъ закона (Второз. 22: 22. Лев. 18: 17—25). 12) Говорите и послушайте какъ люди, которые должны быть судимы по закону свободы. 13) Ибо судъ безъ помилованія тому, кто не дѣлаетъ милости: милость торжествуетъ надъ судомъ. Послѣднія слова—милость торжествуетъ надъ судомъ—переводились, и часто такъ: *милость превозносится на судѣ*, и приводились такъ въ томъ смыслѣ, что судъ христіанскій можетъ быть, но что онъ долженъ быть милостивъ.

Іаковъ увѣщаетъ братьевъ не дѣлать различія между людьми. Если вы дѣлаете различіе, то вы діакривете, разрозниваетесь, какъ на судѣ судьи съ злыми помышленіями. Вы разсудили, что нищій—хуже. А напротивъ, хуже—богатый. Онъ и угнетаетъ васъ, и тащитъ въ судъ. Если вы живете по закону любви къ ближнему, по закону милосердія (который, въ отличіе отъ другого, Іаковъ называетъ царскимъ), то это хорошо. Но если смотрите на лица, дѣлаете различіе между людьми, то дѣлаетесь преступниками закона милосердія. И, имѣя, вѣроятно, въ виду примѣръ блудницы, которую привели къ Христу, чтобы по закону побить ее камнями, или вообще преступленіе прелюбодѣянія, Іаковъ говоритъ, что тотъ, кто казнитъ смертью блудницу будетъ виновенъ въ убійствѣ и нарушитъ законъ вѣчный. Потому что тотъ же вѣчный законъ запрещаетъ и блудъ и убійство. Онъ говоритъ: *И поступайте, какъ люди судимые закономъ свободы*. Потому, что нѣтъ милости тому, кто самъ безъ милости, *а потому милость уничтожаетъ судъ*.

Какъ же еще сказать это яснѣе, опредѣленнѣе: запрещается всякое различіе между людьми, всякій судъ о томъ, что этотъ хорошъ, а этотъ дуренъ, указывается прямо на судъ человѣческій, который несомнѣнно дуренъ, и показывается, что судъ этотъ самъ преступенъ, казня за преступленія, и что потому судъ самъ собою уничтожается закономъ Бога—милосердіемъ.

Читаю посланія апостола Павла, пострадавшаго отъ судовъ, и въ первой же главѣ къ римлянамъ читаю увѣще-

ваніе, которое дѣлаетъ апостолъ римлянамъ за всѣ ихъ пороки и заблужденія, и въ томъ числѣ за ихъ суды. 32) Они хотя и знаютъ праведный судъ божій (т. е., что дѣлающіе таковыя дѣла достойны смерти), однако, не только сами ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ.

Глава I, 1. *И такъ, неизвинителенъ ты, человѣкъ, кто бы ты ни былъ, судящій другого; ибо тѣмъ же (судомъ), которымъ судишь другого, осуждаешь себя; потому что, судя другого, ты дѣлаешь тоже.* 2) А мы знаемъ, что праведенъ судъ божій на дѣлающихъ таковыя дѣла. 3) Неужели думаешь ты, человѣкъ, избѣжать суда божія, осуждая дѣлающихъ таковыя дѣла и (самъ) дѣлая то же. 4) Или ты пренебрегаешь богатствомъ благости Его и кротости и долготерпѣнія, не помышляя, что благость божія ведетъ тебя къ покаянію?

Апостолъ Павелъ говоритъ: они, зная праведный судъ Бога, сами дѣлаютъ несправедливо и научаютъ такъ дѣлать другихъ, и потому нельзя оправдать человѣка, который судитъ.

Такое отношеніе къ судамъ я нахожу въ посланіяхъ апостоловъ, въ жизни же ихъ, какъ мы всѣ знаемъ, суды человѣческіе представлялись имъ тѣмъ зломъ и соблазномъ, которые надо сносить съ твердостью воли божіей.

Возстановивъ въ своемъ воображеніи положеніе первыхъ христіанъ среди язычниковъ, каждый легко пойметъ, что защищать суды гонимымъ человѣческими судами христіанамъ не могло приходить въ голову. Только при случаѣ они могли коснуться этого зла, отрицая основы его, какъ они и дѣлаютъ это.

Справляюсь съ учителями церкви первыхъ вѣковъ и вижу, что учители первыхъ вѣковъ всѣ всегда опредѣляли свое ученіе, отличающее ихъ отъ другихъ, тѣмъ, что они никого ни къ чему не присуждаютъ, никого не судятъ (Аѳинагоръ, Оригенъ), не казнятъ, а только переносятъ мученія, налагаемыя на нихъ судами человѣческими. Всѣ мученики дѣломъ исповѣдывали то же. Вижу, что все христіанство до Константина никогда иначе не смотрѣло на суды, какъ на зло, которое надо терпѣливо переносить, но что никогда и въ голову ни одному христіанину того времени не могло прійти той мысли, чтобы христіанинъ могъ участвовать въ судѣ.

Вижу, что слова Христа: *не судите и не осуждайте,*

были поняты его учениками такъ же, какъ я ихъ понялъ теперь въ ихъ прямомъ значеніи: не судите въ судахъ, не участвуйте въ нихъ.

Все, несомнѣнно, подтверждало мое убѣжденіе, что слова не судите и не осуждайте—значитъ не судите въ судахъ; но толкованіе о томъ, что будто это значитъ не злословить ближняго, до такой степени общепринято и до такой степени смѣло и самоувѣренно, суды процвѣтаютъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, опирясь даже на церковь, что я долго сомнѣвался въ справедливости моего пониманія. Если всѣ люди могли толковать такъ и учреждать христіанскіе суды, то, вѣроятно, имѣли же они какое-нибудь основаніе, и что нибудь ты не понимаешь,—говорилъ я себѣ.— Должны же быть тѣ основанія, по которымъ слова эти понимаются, какъ злословіе и должны же быть основанія, на которыхъ учреждаются христіанскіе суды.

И я обратился къ толкованіямъ церкви. Во всѣхъ этихъ толкованіяхъ, съ пятаго вѣка, я нашелъ, что слова эти принято понимать какъ осужденіе на словахъ ближняго, т. е. какъ злословіе. И такъ какъ слова эти принято понимать только какъ осужденіе на словахъ ближняго, то является затрудненіе: какъ не осуждать? Зло нельзя не осуждать. И потому всѣ толкованія вертятся на томъ, что можно и чего нельзя осуждать. Говорится о томъ, что для служителей церкви это нельзя понимать, какъ запрещеніе судить, что сами апостолы судили (Златоустъ и Феофилактъ). Говорится о томъ, что, вѣроятно, этими словами Христосъ указываетъ на іудеевъ, которые обвиняли ближнихъ въ малыхъ грѣхахъ, а сами дѣлали большіе.

Но нигдѣ ни слова не говорится о человѣческихъ учрежденіяхъ, судахъ, о томъ, въ какомъ отношеніи находятся суды эти къ этому запрещенію осуждать. Запрещаетъ ли ихъ Христосъ или допускаетъ?

На этотъ естественный вопросъ нѣтъ никакого отвѣта, какъ будто уже слишкомъ очевидно то, что какъ скоро христіанинъ сѣлъ на судейское мѣсто, то тогда онъ не только можетъ осуждать ближняго, но и казнить его.

Справляюсь у греческихъ, католическихъ, протестантскихъ писателей и писателей тюбингенской школы и школы исторической. Всѣми даже самыми свободномыслящими толкователями слова эти понимаются какъ запрещеніе злословить. Но почему слова эти, противно всему ученію Христа,

понимаются такъ узко, что въ запрещеніи судить не входитъ запрещеніе судовъ; почему предполагается, что Христосъ, запрещая осужденіе ближняго, невольно сорвавшееся съ языка, какъ дурное дѣло, такое же осужденіе, совершаемое сознательно и связанное съ причиненіемъ насилія надъ осужденнымъ не считаетъ дурнымъ дѣломъ и не запрещаетъ,— на это нѣтъ отвѣта; и ни малѣйшаго намека о томъ, чтобы можно было подъ осужденіемъ разумѣть и то осужденіе, которое происходитъ на судахъ и отъ котораго страдаютъ милліоны. Мало того, по случаю этихъ словъ: не судите и не осуждайте, этотъ-то самый жестокій пріемъ судейскаго осужденія старательно обходится и даже выгораживается. Богословы-толкователи упоминаютъ о томъ, что въ христіанскихъ государствахъ суды должны быть и не противны закону Христа.

Замѣтивъ это, я уже усомнился въ искренности этихъ толкованій, и обратился къ самому переводу словъ: „судить и осуждать", къ тому, съ чего слѣдовало бы начать.

Въ подлинникѣ слова эти Κρίνω и Καταδικάζω. Невѣрный переводъ слова Καταδικάζω въ посланіи Іакова, переведенный словомъ злословить, подтверждалъ мое сомнѣніе въ вѣрности перевода.

Справляюсь, какъ переводятся въ Евангеліяхъ слова Κρίνω и Καταδικάζω на разные языки, и нахожу, что въ Вульгатѣ слово осуждать переведено Condamnare; также и по французски; по словянски—осуждайте; у Лютера переведено Veradmmen—проклинать.

Различіе этихъ переводовъ еще усиливаетъ мои сомнѣнія. И я задаю себѣ вопросъ: что значатъ и могутъ значить греческое слово Κρίνω, употребленное въ обоихъ Евангеліяхъ, и слово Καταδικάζω, употребленное у Луки—евангелиста, писавшаго, по мнѣнію знатоковъ, на довольно хорошемъ греческомъ языкѣ. Какъ переведетъ эти слова человѣкъ, ничего не знающій объ ученіи евангельскомъ и его толкованіяхъ и имѣющій передъ собою одно это изреченіе?

Справляюсь съ общимъ лексикономъ и нахожу, что слово Κρίνω имѣетъ много различныхъ значеній, и въ томъ числѣ весьма употребительное значеніе — приговаривать по суду, казнить даже, но никогда не имѣетъ значенія злословить. Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта и нахожу, что *слово* это въ новомъ завѣтѣ часто употребляется въ смыслѣ:

приговаривать по суду. Иногда употребляется въ смыслѣ отбирать, но никогда въ смыслѣ злословить. И такъ вижу, что слово Κρίνω можно перевести различно, но что переводъ такой, при которомъ оно получаетъ значеніе — злословить, есть самый далекій и неожиданный.

Справляюсь о словѣ Καταδικάζω присоединенномъ къ слову Κρίνω имѣющему много значеній очевидно для того, чтобы опредѣлить то значеніе, въ которомъ именно понимается писателемъ и первое слово. Справляюсь о словѣ Καταδικάζω въ общемъ лексиконѣ и нахожу, *что слово это никогда не имѣетъ никакого другого значенія, какъ только приговаривать по суду къ наказаніямъ и казнить.* Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта и нахожу, что слово это употреблено въ посланіи Іакова, гл. V, ст. 6, гдѣ сказано: Вы осудили и убили праведнаго. Слово *осудили*, то самое слово Καταδικάζω употреблено по отношенію къ Христу, котораго засудили. *И иначе, въ другомъ смыслѣ, это слово никогда не употребляется ни во всемъ Новомъ Завѣтѣ и ни въ какомъ греческомъ языкѣ.*

Что же это такое? До чего я объюродивѣлъ! Я и каждый изъ насъ, живущій въ нашемъ обществѣ, если только призадумывался надъ участью людей, ужасался передъ тѣми страданіями и тѣмь зломъ, которое вноситъ въ жизнь людей уголовные законы человѣческіе—зло и для судимыхъ и для судящихъ: отъ казней Чингисъ-хана и казней революціи до казней нашихъ дней.

Всякій человѣкъ съ сердцемъ не миновалъ того впечатлѣнія ужаса и сомнѣнія въ добрѣ, при разсказѣ даже, не говорю, при видѣ казни людей такими же людьми: шпицрутеновъ на смерть, гильотины, висѣлицы.

Въ Евангеліи, каждое слово котораго мы считаемъ священнымъ, прямо и ясно сказано: у васъ былъ уголовный законъ—зубъ за зубъ, а я даю вамъ новый *не противьтесь злому*; всѣ исполняйте эту заповѣдь: не дѣлайте зла за зло, а дѣлайте всегда и всѣмъ добро, всѣхъ прощайте.

И далѣе прямо сказано: *Не судите.* И чтобы невозможно было недоразумѣніе о значеніи словъ, которые сказаны, прибавлено: *не приговаривайте по суду къ наказаніямъ.*

Сердце мое говоритъ ясно, внятно: не казните; наука говоритъ: не казните; чѣмъ больше казните — больше зла: разумъ говоритъ: не казните; зломъ нельзя пресѣчь зла. Слово Бога, въ которое я вѣрю, говоритъ тоже. И я читаю

все ученіе, читая эти слова: *не судите, и не будете судимы, не осуждайте, и не будете осуждены, прощайте, и будете прощены*, признаю, что это слово Бога, и говорю, что это значитъ то, что не надо заниматься сплетнями и злословіемъ, и продолжаю считать суды христіанскимъ учрежденіемъ и себя судьей и христіаниномъ.

И я ужаснулся предъ той грубостью обмана, въ которомъ я находился.

IV.

Я понялъ теперь, что̀ говоритъ Христосъ, когда онъ говоритъ: Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противься злому, а терпи его. Христосъ говоритъ: вамъ внушено, вы привыкли считать хорошимъ и разумнымъ то, чтобы силой отстаиваться отъ зла и вырывать глазъ за глазъ, учреждать уголовные суды, полицію, войско, отстаиваться отъ враговъ, а я говорю: не дѣлайте насилія, не участвуйте въ насиліи, не дѣлайте зла никому, даже тѣмъ, которыхъ вы называете врагами.

Я понялъ теперь, что въ положеніи о непротивленіи злому Христосъ говоритъ не только, что̀ выйдетъ непосредственно для каждаго отъ непротивленія злому, но онъ, въ противоположеніе той основы, которою жило при немъ по Моисею, по римскому праву, и теперь по разнымъ кодексамъ живетъ человѣчество, ставитъ положеніе непротивленія злому, которое, по его ученію, должно быть основой жизни людей вмѣстѣ и должно избавить человѣчество отъ зла, наносимаго имъ самому себѣ. Онъ говоритъ; вы думаете, что ваши законы исправляютъ зло,—они только увеличиваютъ его. Одинъ есть путь пресѣченія зла — дѣланіе добра за зло всѣмъ безъ всякаго различія. Вы тысячи лѣтъ пробовали ту основу, попробуйте мою—обратную.

Удивительное дѣло! Въ послѣднее время мнѣ часто случалось говорить съ самыми различными людьми объ этомъ законѣ Христа—непротивленія злому. Рѣдко, но я встрѣчалъ людей, соглашавшихся со мною. Но для рода людей никогда даже въ принципѣ, не допускаютъ прямого пониманія этого закона и горячо отстаиваютъ справедливость противленія злому. Это люди двухъ крайнихъ полюсовъ: христіане патріоты-консерваторы, признающіе свою церковь истинною, и атеисты-революціонеры. Ни тѣ, ни другіе не

хотятъ отказаться отъ права насиліемъ противиться тому, что они считаютъ зломъ. И самые умные, ученые люди изъ нихъ никакъ не хотятъ видѣть той простой очевидной истины, что если допустить, что одинъ человѣкъ можетъ насиліемъ противиться тому, что онъ считаетъ зломъ, то точно также другой можетъ насиліемъ противиться тому, что̀ этотъ другой считаетъ зломъ.

Недавно, у меня была въ рукахъ поучительная въ этомъ отношеніи переписка православнаго славянофила съ христіаниномъ-революціонеромъ. Одинъ отстаивалъ насиліе войны во имя угнетенныхъ братьевъ-славянъ, другой—насиліе революціи во имя угнетенныхъ братьевъ-русскихъ мужиковъ. Оба требуютъ насилія и оба опираются на ученіе Христа.

Всѣ на самые различные лады понимаютъ ученіе Христа, но только не въ томъ прямомъ простомъ смыслѣ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ его словъ.

Мы устроили всю свою жизнь на тѣхъ самыхъ основахъ, которыя онъ отрицаетъ, не хотимъ понять его ученіе въ его простомъ и прямомъ смыслѣ и увѣряемъ себя и другихъ, или что мы исповѣдуемъ его ученіе, или что ученіе его намъ не годится. Такъ называемые вѣрующіе вѣрятъ, что Христосъ-Богъ, 2-ое лицо Троицы, сошедшее на землю для того, чтобы дать людямъ примѣръ жизни, и исполняютъ сложнѣйшія дѣла, нужныя для совершенія таинствъ, для постройки церквей, для посылки миссіонеровъ, учрежденія пастырей, управленія паствой, исправленія вѣры, но одно маленькое обстоятельство они забываютъ —дѣлать то, что̀ онъ сказалъ. Невѣрующіе всячески пробуютъ устроить свою жизнь, но только не по закону Христа, впередъ рѣшивъ, что этотъ законъ не годится. Попытаться же сдѣлать то, что онъ говоритъ, этого никто не хочетъ. Но мало того, прежде чѣмъ даже попытаться дѣлать это, и вѣрующіе и невѣрующіе впередъ рѣшаютъ, что это невозможно.

Онъ говоритъ просто, ясно: тотъ законъ противленія злому насиліемъ, который вы положили въ основу своей жизни, ложенъ и противоестественъ; и даетъ другую основу—непротивленія,—которая, по его ученію, одна можетъ избавить человѣчество отъ зла. Онъ говоритъ: вы думаете, что ваши законы насилія исправляютъ зло; они только увеличиваютъ его. Вы тысячи лѣтъ пытались уничтожить зло зломъ, и не уничтожили, а увеличили его. Дѣлайте то, что̀ я говорю и дѣлаю, и узнаете правда ли это.

И не только говоритъ, но самъ всею своею жизнью и смертью исполняетъ свое ученіе о непротивленіи злому.

Вѣрующіе все это слушаютъ, читаютъ въ церквахъ, называютъ это божественными словами, его называютъ Богомъ, но говорятъ: все это очень хорошо, но это невозможно при нашемъ устройствѣ жизни,—это разстроитъ всю нашу жизнь, а мы къ ней привыкли и любимъ ее. И потому мы вѣримъ во все это въ томъ только смыслѣ, что это есть идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество,—идеалъ, который достигается молитвою и вѣрою въ таинства, въ искупленіе и въ воскресеніе изъ мертвыхъ. Другіе же, невѣрующіе, свободные толкователи ученія Христа, историки религій,—Штраусы, Ренаны, и другіе, усвоивъ вполнѣ церковное толкованіе о томъ, что ученіе Христа не имѣетъ никакого прямого приложенія къ жизни, а есть мечтательное ученіе, утѣшающее слабоумныхъ людей, пресерьезно говорятъ о томъ, что ученіе Христа годно было для проповѣданія дикимъ обитателямъ захолустьевъ Галилеи, но намъ, съ нашей культурой, оно представляется только милою мечто du „charmant docteur“, какъ говоритъ Ренанъ. По ихъ мнѣнію, Христосъ не могъ подняться до высоты пониманія всей мудрости нашей цивилизаціи и культуры. Если бы онъ стоялъ на той же высотѣ образованія, на которой стоятъ эти ученые люди, онъ не говорилъ бы такихъ милыхъ пустяковъ: о птицахъ небесныхъ, о подставленіи щеки и заботѣ только о нынѣшнемъ днѣ. Ученые историки эти судятъ о христіанствѣ по тому христіанству, которое они видятъ въ нашемъ обществѣ. По христіанству же нашего общества и времени признается истинной и священной наша жизнь съ ея устройствомъ: тюремъ одиночнаго заключенія, альказаровъ, фабрикъ, журналовъ, публичныхъ домовъ и парламентовъ, и изъ ученія Христа берется только то, чтò не нарушаетъ этой жизни. А такъ какъ ученіе Христа отрицаетъ всю эту жизнь, то изъ ученія Христа не берется ничего, кромѣ словъ. Ученые историки видятъ это и не имѣя нужды скрывать это, какъ скрываютъ это мнимовѣрующіе, это-то лишенное всякаго содержанія ученія Христа и подвергаютъ глубокомысленной критикѣ и весьма основательно опровергаютъ и доказываютъ, что въ христіанствѣ никогда ничего и не было, кромѣ мечтательныхъ идей.

Казалось бы, прежде чѣмъ судить объ ученіи Христа, *надо понять,* въ чемъ оно состоитъ. И чтобы рѣшать: ра-

зумно ли его ученіе или нѣтъ, надо, прежде всего, признавать, что онъ говорилъ то, что говорилъ: А этого-то мы и не дѣлаемъ: ни церковные, ни вольнодумные толкователи. И очень хорошо знаемъ, почему мы этого не дѣлаемъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что ученіе Христа всегда обнимало и обнимаетъ, отрицая ихъ, всѣ тѣ заблужденія людскія, тѣ „тогу"—пустые идолы, которые мы, назвавъ ихъ церковью, государствомъ, культурою, наукой, искусствомъ, цивилизаціей, думаемъ выгородить изъ ряда заблужденій. Но Христосъ противъ нихъ-то и говоритъ, не выгораживая никакихъ „тогу".

Не только Христосъ, но всѣ пророки еврейскіе—Іоаннъ Креститель, всѣ истинные мудрецы міра объ этой-то самой церкви, объ этомъ самомъ государствѣ, объ этой самой культурѣ, цивилизаціи и говорятъ, называя ихъ зломъ и погибелью людей.

Положимъ строитель скажетъ жителю: вашъ домъ дуренъ, его надо весь перестроить. А потомъ будетъ говорить подробности о томъ, какія бревна, какъ срубить и куда положить. Житель пропуститъ мимо ушей слова о томъ, что домъ дуренъ и надо его перестроить и будетъ съ притворнымъ уваженіемъ слушать слова строителя о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ и размѣщеніи въ домѣ. Очевидно всѣ совѣты строителя будутъ казаться непригодными, а не уважающій строителя будетъ прямо называть эти совѣты глупыми. Это самое совершается такъ точно по отношенію къ ученію Христа.

Не найдя лучшаго сравненія, я употребилъ это. И вспомнилъ, что Христосъ, преподавая свое ученіе, употребилъ это самое сравненіе. Онъ сказалъ: я разрушу вашъ храмъ и въ три дня построю новый. И за это самое его распяли. И за это самое и теперь распинаютъ его ученіе.

Наименьшее, что можно требовать отъ людей, судящихъ о чьемъ-нибудь ученіи, это то, чтобы судили объ ученіи учителя такъ, какъ онъ самъ понималъ его. А онъ понималъ свое ученіе не какъ какой-то далекій идеалъ человѣчества, исполненіе котораго невозможно, не какъ мечтательныя поэтическія фантазіи, которыми онъ плѣнялъ простодушныхъ жителей Галилеи, онъ понималъ свое ученіе, какъ дѣло, такое дѣло, которое спасетъ человѣчество. И онъ не мечталъ на крестѣ, а кричалъ, и умеръ за свое ученіе, и

также умирали и умрутъ еще много людей. Нельзя говорить про такое ученіе, что оно—мечта.

Всякое ученіе истины — мечта для заблудшихъ. Мы до того дошли, что есть много людей (и я былъ въ числѣ ихъ), которые говорятъ, что ученіе это мечтательно, потому что оно несвойственно природѣ человѣка. Несвойственно, говорятъ, природѣ человѣка подставить другую щеку, когда его ударяютъ по одной, несвойственно отдать свое чужому, несвойственно работать не на себя, а на другого. Человѣку свойственно, говорятъ, отстаивать себя, свою безопасность, безопасность своей семьи, собственность, другими словами— человѣку свойственно бороться за свое существованіе. Ученый правовѣдъ научно доказываетъ, что самая священная обязанность человѣка есть отстаиваніе своего права, т. е. борьба.

Но стоитъ на минуту отрѣшиться отъ той мысли, что устройство, которое существуетъ и сдѣлано людьми, есть наилучшее священное устройство жизни, чтобы возраженіе о томъ, что ученіе Христа несвойственно природѣ человѣка, тотчасъ же обратилось противъ возражателей. Кто будетъ спорить о томъ, что не то, что мучить и убивать человѣка, но мучить собаку, убить курицу и теленка противно и мучительно природѣ человѣка. (Я знаю людей, живущихъ земледѣльческимъ трудомъ, которые перестали ѣсть мясо только потому, что имъ приходилось самимъ убивать своихъ животныхъ). А между тѣмъ, все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человѣка пріобрѣтается страданіями другихъ людей, которыя противны природѣ человѣка. Все устройство нашей жизни, весь сложный механизмъ нашихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью насиліе, свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени насиліе противно природѣ человѣка. Ни одинъ судья не рѣшится задушить веревкой того, кого онъ приговорилъ къ смерти по своему правосудію. Ни одинъ начальникъ не рѣшится взять мужика изъ плачущей семьи и запереть его въ острогъ. Ни одинъ генералъ или солдатъ безъ дисциплины, присяги и войны не убьетъ не только сотни турокъ, или нѣмцевъ и не разоритъ ихъ деревень, но не рѣшится ранить ни одного человѣка. Все это дѣлается только благодаря той сложнѣйшей машинѣ государственной и общественной, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы разбивать отвѣтственность совершаемыхъ злодѣйствъ такъ, *чтобы никто* не чувствовалъ противуестественности этихъ

поступко́въ. Одни пишутъ законы, другіе прилагаютъ ихъ, третьи муштруютъ людей, воспитывая въ нихъ привычки дисциплины, т. е. безсмысленнаго и безотвѣтнаго повиновенія; четвертые—эти самые вымуштрованные люди—дѣлаютъ всякаго рода насилія, даже убиваютъ людей, не зная зачѣмъ и для чего. Но стоитъ человѣку хоть на минуту мысленно освободиться отъ этой сѣти устройства мірского, въ которой онъ запутался, чтобы понять, что ему несвойственно.

Не будемъ только утверждать, что привычное зло, которымъ мы пользуемся, есть неизмѣнная божественная истина, и тогда ясно, что̀ естественно и свойственно человѣку: насиліе или законъ Христа? Знать ли, что спокойствіе и безопасность моя и семьи, всѣ мои радости и веселья покупаются нищетой, развратомъ и страданіями милліоновъ,—ежегодными висѣлицами, сотнями тысячъ страдающихъ узниковъ и милліоновъ оторванныхъ отъ семей и одуренныхъ дисциплиной солдатъ, городовыхъ и урядниковъ, которые оберегаютъ мои потѣхи заряженными на голодныхъ людей пистолетами; покупать ли каждый сладкій кусокъ, который я кладу въ свой ротъ, или ротъ моихъ дѣтей, всѣмъ тѣмъ страданіемъ человѣчества, которое неизбѣжно для пріобрѣтенія этихъ кусковъ, или знать, что какой ни есть кусокъ—мой кусокъ, только тогда, когда онъ никому не нуженъ и никто изъ-за него не страдаетъ.

Стоитъ только понять разъ, что это такъ, что всякая радость моя, всякая минута спокойствія при нашемъ устройствѣ жизни покупается лишеніями и страданіями тысячъ, удерживаемыхъ насиліемъ; стоитъ разъ понять это, чтобы понять, что̀ свойственно всей природѣ человѣка, т. е. не одной животной, но и разумной и животной природѣ человѣка; стоитъ только понять законъ Христа во всемъ его значеніи, со всѣми его послѣдствіями, для того, чтобы понять, что не ученіе Христа несвойственно человѣческой природѣ, но все оно только въ томъ и состоитъ, чтобы откинуть несвойственное человѣческой природѣ мечтательное ученіе людей о противленіи злу, дѣлающее ихъ жизнь несчастною.

Ученіе Христа о непротивленіи злому—мечта! А то, что жизнь людей, въ душу которыхъ вложена жалость и любовь другъ къ другу, проходила и теперь проходитъ для однихъ въ устройствѣ костровъ, кнутовъ, колесованій, плетей, рванья ноздрей, пытокъ, кандаловъ, каторгъ, висѣлицъ, разстрѣли-

ваній, одиночныхъ заключеній, остроговъ для женщинъ и дѣтей, въ устройствѣ побоищъ десятками тысячъ на войнѣ, въ устройствѣ періодическихъ революцій и пугачевщинъ, а жизнь другихъ въ томъ, чтобы исполнять всѣ эти ужасы, а третьихъ — въ томъ, чтобы избѣгать этихъ страданій и отплачивать за нихъ, — такая жизнь не мечта!

Стоитъ понять ученіе Христа, чтобы понять, что міръ, не тотъ, который данъ Богомъ для радости человѣка, а тотъ міръ, который учрежденъ людьми для погибели ихъ, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная, бредъ сумасшедшаго, отъ котораго стоитъ только разъ проснуться, чтобы уже никогда не возвращаться къ этому страшному сновидѣнію.

Богъ сошелъ на землю, Сынъ Бога—одно лицо Святой Троицы, вочеловѣчился, искупилъ грѣхъ Адама; Богъ этотъ, насъ пріучили такъ думать, долженъ былъ сказать что нибудь таинственно-мистическое, такое, что трудно понять, чтǒ можно понять только помощью вѣры и благодати, и вдругъ слова Бога такъ просты, такъ ясны, такъ разумны. Богъ говоритъ просто: не дѣлайте другъ другу зла,—не будетъ зла. Неужели такъ просто откровеніе Бога? Неужели только это сказалъ Богъ! Намъ кажется, что мы это все знаемъ? это такъ просто.

Илья пророкъ, убѣгая отъ людей, скрылся въ пещерѣ, и ему было откровеніе, что Богъ явится ему у входа пещеры. Сдѣлалась буря—ломались деревья. Илья подумалъ, что это Богъ, и посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ началась гроза; громъ и молніи были страшные. Илья вышелъ посмотрѣть,—нѣтъ ли Бога, но Бога не было. Потомъ сдѣлалось землетрясеніе: огонь шелъ изъ земли, трескались скалы, валились горы. Илья посмотрѣлъ, но Бога не было. Потомъ стало тихо, и легкій вѣтерокъ пахнулъ съ освѣженныхъ полей. Илья посмотрѣлъ,—и Богъ былъ тутъ. Таковы и эти простыя слова Бога: не противься злому.

Они очень просты, но въ нихъ выраженъ законъ Бога и человѣка, единственный и вѣчный. Законъ этотъ до такой степени вѣченъ, что если и есть въ исторической жизни движеніе впередъ къ устраненію зла, то только благодаря тѣмъ людямъ, которые такъ поняли ученіе Христа и которые переносили зло, а не сопротивлялись ему насиліемъ. Движеніе къ добру человѣчества совершается не мучителями, а мучениками. Какъ огонь не тушитъ огня, такъ зло не можетъ потушить зла. Только добро, встрѣчая зло и не

заражаясь имъ, побѣждаетъ зло. То, что это такъ, есть въ мірѣ души человѣка такой же непреложный законъ, какъ законъ Галилея, но болѣе непреложный, болѣе ясный и полный. Люди могутъ отступать отъ него, скрывая его отъ другихъ, но, все-таки, движеніе впередъ человѣчества къ благу можетъ совершаться только на этомъ пути. Всякій ходъ впередъ сдѣланъ только во имя непротивленія злу. И ученикъ Христа можетъ увѣреннѣе, чѣмъ Галилей, въ виду всѣхъ возможныхъ соблазновъ и угрозъ, утверждать: „И все-таки, не насиліемъ, а добромъ только вы уничтожите зло“. И если медленно это движеніе, то только благодаря тому, что ясность, простота, разумность, неизбѣжность и обязательность ученія Христа,—скрыты отъ большинства людей самымъ хитрымъ, опаснымъ образомъ, скрыты подъ чужимъ ученіемъ, ложно называемымъ его ученіемъ.

V.

Все подтверждало вѣрность открывшагося мнѣ смысла ученія Христа. Но долго я не могъ привыкнуть къ той странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона милліардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь на изученіе этого закона, теперь мнѣ пришлось, какъ что-то новое, открывать законъ Христа. Но какъ ни странно это было, это было такъ; ученіе Христа о непротивленіи злу возстало предо мной, какъ что-то совершенно новое, о чемъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. И я спросилъ себя: отчего это могло произойти? У меня должно было быть какое нибудь ложное представленіе о значеніи ученія Христа, для того, чтобы я могъ такъ не понять его. И ложное представленіе это было.

Приступая къ ученію Евангелія, я не находился въ томъ положеніи человѣка, который, никогда ничего не слыхавъ объ ученіи Христа, вдругъ, въ первый разъ услыхалъ его, а во мнѣ была уже готова цѣлая теорія о томъ, какъ я долженъ понимать его. Христосъ не представлялся мнѣ пророкомъ, который открываетъ мнѣ божескій законъ, а онъ представлялся мнѣ дополнителемъ и разъяснителемъ уже извѣстнаго мнѣ несомнѣннаго закона Бога. Я имѣлъ уже цѣлое, опредѣленное и очень сложное ученіе о Богѣ, о сотвореніи міра и человѣка и о заповѣдяхъ его, данныхъ людямъ черезъ Моисея.

Въ Евангеліяхъ я встрѣтилъ слова: „вамъ сказано: око за око, и зубъ за зубъ; а я говорю вамъ: не противьтесь злому“. Слова „око за око, и зубъ за зубъ“, была заповѣдь Моисея. Слова „я говорю: не противься злу или злому“, была новая заповѣдь, которая отрицала первую.

Если бы я просто относился къ ученію Христа, безъ той богословской теоріи, которая съ молокомъ матери была всосана мною, я бы просто понялъ простой смыслъ словъ Христа. Я бы понялъ, что Христосъ отрицаетъ старый законъ и даетъ свой новый законъ. Но мнѣ было внушено, что Христосъ не отрицаетъ законъ Моисея, а напротивъ, утверждаетъ его весь до малѣйшей черты и іоты, и восполняетъ его. Стихи 17—18, V гл. Мѳ., въ которыхъ утверждается это, всегда, при прежнихъ чтеніяхъ моихъ Евангелій, поражали меня своей неясностью и вызывали сомнѣнія. Насколько я зналъ тогда Ветхій Завѣтъ, въ особенности послѣднія книги Моисея, въ которыхъ изложены такія мелочныя, безсмысленныя и часто жестокія правила, при каждомъ изъ которыхъ говорится: „и Богъ сказалъ Моисею“, мнѣ казалось страннымъ, чтобы Христосъ могъ утвердить весь этотъ законъ, и непонятно, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Но я оставлялъ тогда вопросъ, не рѣшая его. Я принималъ на вѣру то съ дѣтства внушенное мнѣ толкованіе, что оба закона эти суть произведенія Святого Духа, что законы эти соглашаются, что Христосъ утверждаетъ законъ Моисея и дополняетъ его и восполняетъ.

Какъ происходитъ это восполненіе, какъ разрѣшаются тѣ противорѣчія, которыя бросаются въ глаза въ самомъ Евангеліи и въ этихъ стихахъ и въ словахъ: „а я говорю“, я никогда не давалъ себѣ яснаго отчета. Теперь же, признавъ простой и прямой смыслъ ученія Христа, я понялъ, что два закона эти противуположны и что не можетъ быть рѣчи о соглашеніи ихъ или восполненіи одного другимъ, что необходимо принять одинъ изъ двухъ, и что толкованіе стиховъ 17—18 V гл. Мѳ., и прежде поражавшихъ меня своей неясностью, должно быть невѣрно.

И вновь прочтя эти стихи, тѣ самые, которые казались мнѣ всегда такъ неясны, я былъ пораженъ тѣмъ простымъ и яснымъ смысломъ этихъ стиховъ, который вдругъ открылся мнѣ.

Смыслъ этотъ открылся мнѣ не оттого, что я что-нибудь придумывалъ, переставлялъ, а только оттого, что я откинулъ то искусственное толкованіе, которое присоединялось къ *этому мѣсту*.

Христосъ говоритъ (Мѳ. V, 17—18): „Не думайте, чтобы я пришелъ нарушить законъ или (ученіе) пророковъ; я не нарушить пришелъ, но исполнить. Потому что вѣрно говорю вамъ, скорѣе упадетъ небо и земля, чѣмъ выпадетъ одна малѣйшая іота или черта (частица) закона, пока не исполнится все“.

И 20-й стихъ прибавляетъ: „Ибо если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, не войдете въ царство небесное“.

Христосъ говоритъ: я не пришелъ нарушить вѣчный законъ, для исполненія котораго написаны ваши книги и пророчества, но пришелъ научить исполнять вѣчный законъ, но я говорю не про вашъ тотъ законъ, который называютъ закономъ Бога ваши учители-фарисеи, а про тотъ законъ вѣчный, который менѣе, чѣмъ небо и земля, подлежитъ измѣненію.

Я выражаю ту же мысль другими словами только для того, чтобы оторвать мысль отъ обычнаго ложнаго пониманія. Не будь этого ложнаго пониманія, то нельзя точнѣе и лучше выразить эту мысль, чѣмъ какъ она выражена въ этихъ стихахъ.

Толкованіе, что Христосъ не отрицаетъ законъ, основано на томъ, что слову законъ въ этомъ мѣстѣ, благодаря сравненію съ іотой писаннаго закона безъ всякаго основанія и противно смыслу словъ, приписано значеніе писаннаго закона,—вмѣсто закона вѣчнаго. Но Христосъ говоритъ не о писанномъ законѣ. Если бы Христосъ въ этомъ мѣстѣ говорилъ о законѣ писанномъ, то онъ употребилъ бы обычное выраженіе: законъ и пророки, то самое, которое онъ всегда и употребляетъ, говоря о писанномъ законѣ; но онъ употребляетъ совсѣмъ другое выраженіе: *законъ или пророки*. Если бы Христосъ говорилъ о законѣ писанномъ, то онъ и въ слѣдующемъ стихѣ, составляющемъ продолженіе мысли, употребилъ бы слово *„законъ или пророки“*, а не слово законъ безъ прибавленія, какъ оно стоитъ въ этомъ стихѣ. Но, мало того, Христосъ употребляетъ то же выраженіе по Евангелію Луки въ такой связи, что значеніе это становится уже несомнѣннымъ. У Луки (XVI, 15), Христосъ говоритъ фарисеямъ, полагавшимъ праведность въ писанномъ законѣ. Онъ говоритъ: „вы оправдываете сами себя передъ людьми, но Богъ знаетъ ваши сердца“; что у людей высоко, то мерзость передъ Богомъ. 16. „Законъ и пророки до Іоанна, а съ тѣхъ

поръ царство Божіе благовѣствуется, и всякій своимъ усиліемъ входитъ въ него". И тутъ-то, вслѣдъ за этимъ ст. 17, онъ говоритъ: „Легче небу и землѣ пройти, чѣмъ изъ закона выпасть одной черточкѣ". Словами „законъ и пророки до Іоанна" Христосъ упраздняетъ законъ писанный. Словами „легче небу и землѣ прейти, чѣмъ изъ *закона* выпасть черточкѣ" онъ утверждаетъ законъ вѣчный. Въ первыхъ словахъ онъ говоритъ: *законъ и пророки*, т. е. писанный *законъ;* во-вторыхъ—онъ говоритъ: просто законъ, слѣдовательно, *законъ* вѣчный. Стало быть, ясно, что здѣсь противополагается законъ вѣчный закону писанному [1]), и что точно то же противоположеніе дѣлается и въ контекстѣ Матѳея, гдѣ законъ вѣчный опредѣляется словами: *законъ или пророки.*

Замѣчательна исторія текста стиховъ 17 и 18 по варіантамъ. Въ большинствѣ списковъ стоитъ только слово „законъ" безъ прибавленія „пророки". При такомъ чтеніи уже не можетъ быть перетолкованія о томъ, что это значитъ законъ писанный. Въ другихъ же спискахъ, въ Тишендорфовскомъ и въ каноническомъ стоитъ прибавка—„пророки", но не съ союзомъ „и", а съ союзомъ „или", *законъ или пророки,* что точно также исключаетъ смыслъ закона писаннаго и даетъ смыслъ вѣчнаго закона.

Въ нѣкоторыхъ же спискахъ, не принятыхъ церковью, стоитъ прибавка „пророки" съ союзомъ „и", а не „или"; и въ тѣхъ же спискахъ, при повтореніи словъ законъ прибавляется опять: „и пророки". Такъ что смыслъ всему изреченію при этой передѣлкѣ придается такой, что Христосъ говоритъ только о писанномъ законѣ.

Эти варіанты даютъ исторію толкованій этого мѣста. Смыслъ одинъ ясный тотъ, что Христосъ такъ же, какъ и по Лукѣ, говоритъ о законѣ вѣчномъ, но въ числѣ списателей Евангелій находятся такіе, которымъ желательно признать обязательность писаннаго закона Моисея, и эти спи-

---

[1]) Мало этого, какъ бы для того, чтобы ужъ не было никакого сомнѣнія о томъ, про какой законъ онъ говоритъ, онъ тотчасъ же, въ связи съ этимъ, приводитъ примѣръ, самый рѣзкій примѣръ отрицанія закона Моисеева—закономъ вѣчнымъ, тѣмъ изъ котораго не можетъ выпасть ни одна черточка, онъ, приводя самое рѣзкое противорѣчіе закону Моисея, которое есть въ Евангеліи, говоритъ (Лук. XVI, 18); „всякій, кто отпускаетъ жену и женится на другой, прелюбодѣйствуетъ", т. е. въ писанномъ *законѣ позволено разводиться,* а по вѣчному—это грѣхъ.

сатели присоединяютъ къ слову законъ прибавку—„и пророки“—и измѣняютъ смыслъ.

Другіе христіане, не признающіе книгъ Моисея, или исключаютъ вставку, или замѣняютъ слово: „и“—„Χαι“ словомъ „или“—„η.“—И съ этимъ „или“ это мѣсто входитъ въ канонъ. Но, не смотря на ясность и несомнѣнность текста въ томъ видѣ, въ которомъ онъ вошелъ въ канонъ, каноническіе толкователи продолжаютъ толковать его въ томъ духѣ, въ которомъ были сдѣланы не вошедшія въ текстъ измѣненія. Мѣсто это подвергается безчисленнымъ толкованіямъ, тѣмъ болѣе удаляющимся отъ его прямого значенія, чѣмъ менѣе толкующій согласенъ съ самымъ прямымъ, простымъ смысломъ ученія Христа, и большинство толкователей удерживаютъ апокриѳическій смыслъ, тотъ самый, который отвергнутъ текстомъ.

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что въ этихъ стихахъ Христосъ говоритъ только о вѣчномъ законѣ, стоитъ вникнуть въ значеніе того слова, которое подало поводъ лжетолкованіямъ. По-русски—законъ, по-гречески νόμος, по-еврейски—тора, какъ по-русски, по-гречески и по-еврейски имѣютъ два главныя значенія: одно—самый законъ безъ отношенія къ его выраженію; другое понятіе есть писанное выраженіе того, что извѣстные люди считаютъ закономъ. Различіе этихъ двухъ значеній существуетъ и во всѣхъ языкахъ.

По-гречески въ посланіяхъ Павла различіе это даже опредѣляется иногда употребленіемъ члена. Безъ члена Павелъ употребляетъ это слово большею частью въ смыслѣ писаннаго закона, съ членомъ—въ смыслѣ вѣчнаго закона Бога.

У древнихъ евреевъ, у пророковъ, у Исаіи—слово законъ, тора, всегда употребляется въ смыслѣ вѣчнаго единаго невыраженнаго откровенія—наученія Бога. И то же слово—законъ—тора у Ездры въ первый разъ и въ позднѣйшее время, во время Талмуда, стало употребляться въ смыслѣ писанныхъ пяти книгъ Моисея, надъ которыми и пишется общее заглавіе—тора, такъ же, какъ у насъ употребляется слово Библія; но съ тѣмъ различіемъ, что у насъ есть слово, чтобы различать между понятіями—Библіи и закона Бога, а у евреевъ одно и то же слово означаетъ оба понятія.

И потому Христосъ, употребляя слово законъ—„тора“, употребляетъ его, то утверждая его, какъ Исаія и другіе пророки въ смыслѣ закона Бога, который вѣченъ, то отрицая его въ смыслѣ писаннаго закона пяти книгъ. Но для раз-

личія, когда онъ, отрицая его, употребляетъ это слово въ смыслѣ писаннаго закона, онъ прибавляетъ всегда слово: „и пророки“, или слово: „вашъ“, присоединяя его къ слову законъ.

Когда онъ говоритъ: не дѣлай того другому, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, въ этомъ одномъ—весь *законъ и пророки*—онъ говоритъ о писанномъ законѣ. Онъ говоритъ, что весь писанный законъ можетъ быть сведенъ къ одному этому выраженію вѣчнаго закона и этими словами упраздняетъ писанный законъ.

Когда онъ говоритъ (Лук. XVI, 16): „законъ и пророки до Іоанна Крестителя“, онъ говоритъ о писанномъ законѣ и словами этими отрицаетъ его обязательность.

Когда онъ говоритъ (Іоан. VII, 19): не далъ ли вамъ *Моисей закона*, и никто не исполняетъ его, или (Іоан. VIII, 16): не сказано ли въ законѣ *вашемъ;* или: слово, написанное въ законѣ *ихъ* (Іоан. XV, 25), онъ говоритъ о писанномъ законѣ, о томъ законѣ, который онъ отрицаетъ, о томъ законѣ, который его самого присуждаетъ къ смерти. (Іоан. XIX, 7): Іудеи отвѣчали ему: мы имѣемъ законъ, и *по закону нашему онъ долженъ умереть*. Очевидно, что этотъ законъ Іудеевъ тотъ, по которому казнили, не есть тотъ законъ, которому училъ Христосъ. Но когда Христосъ говоритъ: я не нарушить пришелъ законъ, но научить васъ исполнять его, потому что ничто не можетъ измѣниться въ законѣ, а все должно исполниться, онъ говоритъ не о законѣ писанномъ, а о законѣ божественномъ, вѣчномъ и утверждаетъ его.

Но положимъ, что все это формальныя доказательства, положимъ, что я старательно подобралъ контексты, варіанты, старательно скрылъ все то, что было противъ моего толкованія; положимъ, что толкованія церкви очень ясны и убѣдительны, и что Христосъ, дѣйствительно, не нарушалъ закона Моисея, а оставилъ его во всей силѣ. Положимъ, что это такъ. Но тогда чему же учитъ Христосъ?

По толкованіямъ церкви онъ училъ тому, что онъ второе лицо Троицы, Сынъ Бога Отца, пришелъ на землю и искупилъ своей смертью грѣхъ Адама. Но всякій, читавшій Евангеліе, знаетъ, что Христосъ въ Евангеліяхъ или ничего, или очень сомнительно говоритъ про это. Но положимъ, что мы не умѣемъ читать, и тамъ говорится про это. Но, во всякомъ случаѣ, указаніе Христа на то, что онъ есть второе лицо

Троицы и искупляетъ грѣхи человѣчества, занимаетъ самую малую и неясную часть Евангелія. Въ чемъ же все остальное содержаніе ученія Христа? Нельзя отрицать, и всѣ христіане всегда признавали это, что главное содержаніе ученія Христа есть ученіе о жизни людей: какъ надо жить людямъ между собою.

Признавъ, что Христосъ училъ новому образу жизни, надо представить себѣ какихъ-нибудь опредѣленныхъ людей, среди которыхъ онъ училъ.

Представимъ себѣ русскихъ, или англичанъ, или китайцевъ, или индусовъ, или даже дикихъ на островахъ, и мы увидимъ, что у всякаго народа всегда есть свои правила жизни, свой законъ жизни; и что потому, если учитель учитъ новому закону жизни, то онъ этимъ самымъ ученіемъ разрушаетъ прежній законъ жизни; не разрушая его, онъ не можетъ учить. Такъ это будетъ въ Англіи, въ Китаѣ и у насъ. Учитель неизбѣжно будетъ разрушать наши законы, которые мы считаемъ дорогими и почти священными; но среди насъ еще можетъ случиться то, что проповѣдникъ, уча насъ новой жизни, будетъ разрушать только наши законы гражданскіе, государственные, наши обычаи, но не будетъ касаться законовъ, которые мы считаемъ божественными, хотя это и трудно предположить. Но среди Еврейскаго народа, у котораго былъ только одинъ законъ,—весь божественный и обнимавшій всю жизнь со всѣми мельчайшими подробностями, среди такого народа, что могъ проповѣдывать проповѣдникъ, впередъ объявившій, что весь законъ народа, среди котораго онъ проповѣдуетъ, ненарушимъ? Но положимъ, и это не доказательство. Пусть тѣ, которые толкуютъ слова Христа такъ, что онъ утверждалъ весь законъ Моисея, пусть они объяснятъ себѣ: кого же во всю свою дѣятельность обличалъ Христосъ, противъ кого возставалъ, называя ихъ фарисеями, законниками, книжниками.

Кто не принялъ ученія Христа и распялъ его съ своими первосвященниками? Если Христосъ признавалъ законъ Моисея, то гдѣ же были тѣ настоящіе исполнители этого закона, которыхъ бы одобрялъ за это Христосъ? Неужели ни одного не было?

Фарисеи, намъ говорятъ, была секта. Евреи не говорятъ этого. Они говорятъ: фарисеи—истинные исполнители закона. Но положимъ, это секта. Саддукеи тоже секта. Гдѣ же были не секты, а настоящіе?

По Евангелію Іоанна всѣ они — враги Христа, прямо называются іудеи. И они несогласны съ ученіемъ Христа и противны ему только потому, что они іудеи. Но въ Евангеліяхъ не одни фарисеи и саддукеи выставляются врагами Христа; врагами Христа называются законники, тѣ самые, которые блюдутъ законъ Моисея, книжники, тѣ самые, которые читаютъ законъ, старѣйшины, тѣ самые, которые считаются всегда представителями мудрости народной.

Христосъ говоритъ: я не праведныхъ пришелъ призывать къ покаянію, къ перемѣнѣ жизни pietovoia, но грѣшныхъ. Гдѣ же, какіе же были эти праведные? Неужели одинъ Никодимъ? Но и Никодимъ представленъ намъ добрымъ человѣкомъ, но заблудшимъ. Мы такъ привыкли къ тому, по меньшей мѣрѣ странному толкованію, что фарисеи и какіе-то злые іудеи распяли Христа, что тотъ простой вопросъ о томъ, гдѣ же были тѣ не фарисеи и не злые, а настоящіе іудеи, держащіе законъ, и не приходитъ намъ въ голову. Стоитъ задать этотъ вопросъ, чтобы все стало совершенно ясно. Христосъ — будь онъ Богъ, или человѣкъ — принесъ свое ученіе въ міръ среди народа, державшагося закона, опредѣлявшаго всю жизнь людей, и называвшагося закономъ Бога. Какъ могъ отнестись къ этому закону Христосъ?

Всякій пророкъ—учитель вѣры, открывая людямъ законъ Бога, всегда встрѣчаетъ между людьми уже то, что эти люди считаютъ закономъ Бога, и не можетъ избѣжать двоякаго употребленія слова законъ, означающаго то, что эти люди считаютъ ложно закономъ Бога, *вашъ законъ*, и то, что есть истинный, вѣчный законъ Бога. Но мало того, что не можетъ избѣжать двоякаго употребленія этого слова, проповѣдникъ часто не хочетъ избѣжать его и умышленно соединяетъ оба понятія, указывая на то, что въ томъ ложномъ въ его совокупности законѣ, который исповѣдуютъ тѣ, которыхъ онъ обращаетъ, что и въ этомъ законѣ есть истины вѣчныя. И всякій проповѣдникъ эти-то законы, обращаемые въ истины, и беретъ за основу своей проповѣди. То самое дѣлаетъ и Христосъ среди евреевъ, у которыхъ и тотъ и другой законъ называется однимъ словомъ *тора*. Христосъ по отношенію къ закону Моисея, и еще болѣе къ пророкамъ, въ особенности Исаіи, слова котораго онъ постоянно приводитъ, признаетъ, что въ еврейскомъ законѣ и пророкахъ есть истины вѣчныя, божескія, сходящіяся съ вѣчнымъ закономъ, и ихъ-то, какъ изреченіе — люби Бога и ближняго, — беретъ за основаніе *своего ученія.*

Христосъ много разъ выражаетъ эту самую мысль (Лук. X, 26): Онъ говоритъ: въ законѣ что написано? *Какъ читаешь?* — И въ законѣ можно найти вѣчную истину, если умѣешь читать. И онъ указываетъ не разъ на то, что заповѣдь ихъ закона о любви къ Богу и ближнему есть заповѣдь закона вѣчнаго. (Матѳ. XIII, 52). Христосъ послѣ всѣхъ тѣхъ притчъ, которыми онъ объясняетъ ученикамъ значеніе своего ученія, въ концѣ всего, какъ относящееся ко всему предшествующему, говоритъ: поэтому-то, всякій книжникъ, т. е. грамотный, наученный истинѣ, подобенъ хозяину, который беретъ изъ своего сокровища (вмѣстѣ, безразлично) и старое и новое.

Св. Ириней, а за нимъ и вся церковь точно такъ и понимаетъ эти слова: но совершенно произвольно беретъ изъ своего сокровища (вмѣстѣ, безразлично) и старое и новое. Смыслъ ясный тотъ, что кому нужно доброе, тотъ беретъ не одно новое, но и старое, и что потому, что оно старое, его нельзя отбрасывать. Христосъ этими словами говоритъ, что онъ не отрицаетъ того, что въ древнемъ законѣ вѣчно. Но когда ему говорятъ о всемъ законѣ или о формахъ его, — онъ говоритъ, — что нельзя вливать вино новое въ мѣхи старые. Христосъ не можетъ утверждать весь законъ, но онъ не можетъ также и отрицать весь законъ и пророковъ, тотъ законъ, въ которомъ сказано: люби ближняго, какъ самого себя, и тѣхъ пророковъ, словами которыхъ онъ часто высказываетъ свои мысли. И вотъ, вмѣсто этого простого и яснаго пониманія самыхъ простыхъ словъ, какъ они сказаны, и какъ они подтверждаются всѣмъ ученіемъ Христа, подставляется туманное толкованіе, вводящіе противорѣчіе туда, гдѣ его нѣтъ, и тѣмъ уничтожающее значеніе ученія, сводящее его на слова и возстановляющее на дѣлѣ ученіе Моисея во всей его дикой жестокости.

По всѣмъ церковнымъ толкованіямъ, особенно съ пятаго вѣка, Христосъ не нарушалъ писанный законъ, а утверждалъ его. Но какъ онъ утверждалъ его? Какъ можетъ быть соединенъ законъ Христа съ закономъ Моисея? на это нѣтъ никакого отвѣта. Во всѣхъ толкованіяхъ дѣлается игра словъ, и говорится о томъ, что Христосъ исполнилъ *законъ Моисея тѣмъ,* что на немъ исполнились пророчества, и о томъ, что Христосъ *черезъ насъ,* черезъ вѣру людей въ себя, исполнилъ законъ. Единственный же существенный для каждаго вѣрующаго вопросъ о томъ, какъ соединить два противорѣчивые закона, опредѣляющіе жизнь людей, остается даже безъ по-

пытки разрѣшенія. И противорѣчіе между тѣмъ стихомъ, въ которомъ говорится, что Христосъ не разрушаетъ законъ, и стихомъ, гдѣ говорится: вамъ сказано... а я говорю вамъ... и между всѣмъ духомъ ученія Моисея и ученіемъ Христа остается во всей силѣ.

Всякій, интересующійся этимъ вопросомъ, пусть самъ просмотритъ церковныя толкованія этого мѣста, начиная отъ Іоанна Златоуста и до нашего времени. Только прочтя эти длинныя толкованія, онъ ясно убѣдится, что тутъ не только нѣтъ разрѣшенія противорѣчія, но есть искусственно внезапное противорѣчіе тамъ, гдѣ его не было.

Невозможныя попытки соединенія несоединимаго, ясно показываютъ, что соединеніе это не есть ошибка мысли, а что соединеніе имѣетъ ясную и опредѣленную цѣль, что оно нужно. И даже видно, зачѣмъ оно нужно.

Вотъ что говоритъ Іоаннъ Златоустъ, возражая тѣмъ, которые отвергаютъ законъ Моисея (толкованіе на Евангеліе Матѳея І. З., т. I, стр. 320, 321).

„Далѣе, испытывая древній законъ, въ коемъ повелѣвается исторгать око за око и зубъ за зубъ, тотчасъ возражаютъ: какъ можетъ быть благимъ тотъ, который говоритъ сіе? Что же мы на сіе скажемъ? *То, что это, напротивъ, есть величайшій знакъ человѣколюбія божія.* Не для того Онъ постановилъ сей законъ, чтобы мы исторгали глаза одинъ у другого, но чтобы, опасаясь потерпѣть сіе зло отъ другихъ, не причиняли и имъ онаго. Подобно тому, какъ угрожая погибелью Ниневитянамъ, Онъ не хотѣлъ ихъ погубить (ибо, если бы Онъ хотѣлъ сего, то надлежало бы Ему молчать); но хотѣлъ только симъ страхомъ сдѣлать ихъ лучшими, оставить гнѣвъ свой. Такъ и тѣмъ, кои такъ дерзки, что готовы выколоть у другихъ глаза, опредѣлилъ наказанье съ тою цѣлью, если они по доброй волѣ не захотятъ удержаться отъ сей жестокости, то, по крайней мѣрѣ, страхъ препятствовалъ бы имъ отнимать зрѣніе у ближнихъ. Если бы эта была жестокость, то жестокостью было бы и то, что запрещается убійство, возбраняется прелюбодѣяніе. Но такъ говорить могутъ сумасшедшіе, дошедшіе до послѣдней степени безумія. А я столь страшусь назвать сіи постановленія жестокими, что *противное онымъ почелъ бы дѣломъ беззаконнымъ*, судя по здравому человѣческому смыслу. Ты говоришь, что Богъ жестокъ потому, что повелѣлъ исторгать *око за око;* а я скажу, что когда бы онъ не далъ такого

повелѣнія, тогда бы справедливѣе многіе могли бы почесть Его такимъ, какимъ ты его называешь". Іоаннъ Златоустъ прямо признаетъ законъ зубъ за зубъ закономъ божественнымъ и *противное закону зубъ за зубъ*, т. е. ученіе Христа о непротивленіи злу—дѣломъ беззаконнымъ.

(Стран. 322, 323): „Положимъ, что весь законъ уничтоженъ", далѣе говоритъ Іоаннъ Златоустъ, „и никто не страшится опредѣленнаго онымъ наказанія, что всѣмъ порочнымъ позволено безъ всякаго страха жить по своимъ склонностямъ, и прелюбодѣямъ, и убійцамъ, и ворамъ, и клятвопреступникамъ: не извратится ли тогда все, не наполнятся ли безчисленными злодѣяніями, убійствами города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная? Это всякому очевидно. Если и при существованіи законовъ, при страхѣ и угрозахъ злыя намѣренія едва удерживаются, то когда бы отнята была и сія преграда, что тогда препятствовало бы людямъ рѣшиться на зло? Какія бѣдствія не вторглись бы тогда въ жизнь человѣческую? Не только то есть жестокость, когда злымъ позволяютъ дѣлать, что хотятъ, но и то, когда человѣка, не учинившаго никакой несправедливости, оставляютъ страдать невинно безъ всякой защиты. Скажи мнѣ, если бы кто нибудь, собравъ отовсюду злыхъ людей и вооруживши ихъ мечами, приказалъ имъ ходить по всему городу и убивать всѣхъ встрѣчающихся,—можетъ ли быть что-нибудь безчеловѣчнѣе сего? Напротивъ, если бы кто-нибудь другой этихъ вооруженныхъ людей связалъ и силою заключилъ ихъ въ темницу, а тѣхъ, которымъ угрожала смерть, исхитилъ бы изъ рукъ беззаконниковъ оныхъ, можетъ ли что нибудь быть человѣколюбивѣе сего?".

Іоаннъ Златоустъ не говоритъ: чѣмъ будетъ руководствоваться кто нибудь другой въ опредѣленіи злыхъ? Что, если онъ самъ злой и будетъ сажать въ темницу добрыхъ?

„Теперь приложи сіи примѣры и къ закону: Повелѣвающій исторгать око за око, налагаетъ сей страхъ, какъ нѣкія крѣпкія узы на души порочныхъ, и уподобляется человѣку, связавшему оныхъ вооруженныхъ; а кто не опредѣлилъ бы никакого наказанія преступникамъ, тотъ вооружилъ бы ихъ безстрашіемъ и былъ бы подобенъ человѣку, который роздалъ злодѣямъ мечи и разослалъ ихъ по всему городу".

Если Іоаннъ Златоустъ признаетъ законъ Христа, то онъ долженъ сказать: кто же будетъ исторгать глаза и зубы и сажать въ темницу? Если бы повелѣвающій исторгать око

за око, т. е. Богъ самъ бы исторгалъ, то тутъ не было бы противорѣчія, а то это надо дѣлать людямъ, а людямъ этимъ Сынъ Бога сказалъ, что этого не надо дѣлать. Богъ сказалъ: исторгать зубы, а Сынъ сказалъ: не исторгать,—надо признать одно изъ двухъ, и Іоаннъ Златоустъ и за нимъ вся церковь признаетъ повелѣніе Бога-Отца, т. е. Моисея, и отрицаетъ повелѣніе Сына, т. е. Христа, котораго ученіе будто бы исповѣдуетъ. Христосъ отвергаетъ законъ Моисея, даетъ свой. Для человѣка, вѣрующаго Христу, нѣтъ никакого противорѣчія.

Онъ и не обращаетъ никакого вниманія на законъ Моисея, а вѣруетъ въ законъ Христа и исполняетъ его. Для человѣка, вѣрующаго закону Моисея, тоже нѣтъ никакого противорѣчія. Евреи признаютъ слова Христа пустыми и вѣрятъ закону Моисея. Противорѣчіе является только для тѣхъ, которые хотятъ жить по закону Моисея, а увѣряютъ себя и другихъ, что они вѣрятъ закону Христа—для тѣхъ, которыхъ Христосъ называетъ лицемѣрами, порожденіями ехидны.

Вмѣсто того, чтобы признать одно изъ двухъ: законъ Моисея или Христа, признается, что оба божественно-истинны.

Но когда вопросъ касается дѣла самой жизни, то прямо отрицается законъ Христа и признается законъ Моисея.

Въ этомъ ложномъ толкованіи, если вникнуть въ значеніе его, страшная, ужасная драма борьбы зла и тьмы съ благомъ и свѣтомъ.

Среди еврейскаго народа, запутаннаго безчисленными внѣшними правилами, наложенными на него левитами подъ видомъ божескихъ законовъ, предъ каждымъ изъ которыхъ стоитъ изрѣченіе: „и Богъ сказалъ Моисею“,—является Христосъ. Не только отношенія человѣка къ Богу, его жертвы, праздники, посты, отношенія человѣка къ человѣку, народныя, гражданскія, семейныя отношенія, всѣ подробности личной жизни: обрѣзаніе, омовеніе себя и чашъ, одежды—все опредѣлено до послѣднихъ мелочей и все признано повелѣніемъ Бога, закономъ Бога. Что же можетъ сдѣлать, не говорю Христосъ-Богъ, но пророкъ, но самый обыкновенный учитель, уча такой народъ, не нарушая тотъ законъ, который уже опредѣлилъ все до малѣйшихъ подробностей? Христосъ такъ же, какъ и всѣ пророки, беретъ изъ того, *что люди* считаютъ закономъ Бога, то, что есть точно законъ

Бога, беретъ основы, откидывая все остальное, и съ этими основами связываетъ свое откровеніе вѣчнаго закона. Нѣтъ нужды уничтожать все, но неизбѣжно нарушается тотъ законъ, который считается одинаково обязательнымъ во всемъ. Христосъ дѣлаетъ это, и его упрекаютъ въ нарушеніи того, что считается закономъ Бога, и за это самое его казнятъ. Но ученіе его остается у его учениковъ и переходитъ въ другую среду и вѣка. Но въ другой средѣ вѣками наростаютъ опять на это новое ученіе такія же наслоенія, толкованія, объясненія, опять подстановка человѣческихъ низменныхъ измышленій на мѣсто божескаго откровенія; вмѣсто „и Богъ сказалъ Моисею" говорится: „изволися намъ и Св. Духу". И опять буква покрываетъ духъ. И что̀ болѣе всего поразительно—это то, что ученіе Христа связывается со всей той „торы" въ смыслѣ писаннаго закона, который онъ не могъ не отрицать. Эта тора признается произведеніемъ откровенія его духа истины, т. е. Св. Духа, и онъ самъ оказывается въ тенетахъ своего откровенія. И все ученіе его сводится на ничто.

Такъ вотъ отчего послѣ 1800 лѣтъ со мной случилась такая странная вещь, что мнѣ пришлось открывать смыслъ ученія Христа, какъ что-то новое.

Мнѣ не открывать пришлось, а мнѣ пришлось дѣлать то самое, что дѣлали и дѣлаютъ всѣ люди, ищущіе Бога и законъ его: находить то, что̀ есть вѣчный законъ Бога, среди всего того, что люди называютъ этимъ именемъ.

VI.

И вотъ, когда я понялъ законъ Христа, какъ законъ Христа, а не законъ Моисея и Христа, и понялъ то положеніе этого закона, которое прямо отрицаетъ законъ Моисея, такъ всѣ Евангелія, вмѣсто прежней неясности, разбросанности, противорѣчій, слились для меня въ одно неразрывное цѣлое и среди нихъ выдѣлилась сущность всего ученія, выраженная въ простыхъ, ясныхъ и доступныхъ каждому пяти заповѣдяхъ Христа (Матѳ. V, 21 — 48), о которыхъ я ничего не зналъ до сихъ поръ. Во всѣхъ Евангеліяхъ говорится о заповѣдяхъ Христа и объ исполненіи ихъ.

Всѣ богословы говорятъ о заповѣдяхъ Христа, но какія эти *заповѣди*, я не зналъ прежде. Мнѣ казалось, что запо-

вѣдь Христа состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ самого себя. И я видѣлъ, что это не можетъ быть заповѣдь Христа, потому что это есть заповѣдь древнихъ (Второз. и Лев.). Слова (Мѳ. V, 19)—кто нарушитъ одну изъ *заповѣдей сихъ* малѣйшихъ и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ нарѣчется въ царствѣ небесномъ—я относилъ къ заповѣдямъ Моисея. А то, что новыя заповѣди Христа ясно и опредѣленно выражены въ стихахъ V гл. Мѳ. отъ 21—48, никогда не приходило мнѣ въ голову. Я не видѣлъ того, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ говоритъ: „вамъ сказано, а я говорю вамъ", выражены новыя опредѣленныя заповѣди Христа, и именно, по числу ссылокъ на древній законъ (считая двѣ ссылки о прелюбодѣяніи за одну), пять новыхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ заповѣдей Христа.

Про блаженства и про число ихъ я слыхалъ и встрѣчалъ перечисленіе ихъ и объясненіе въ преподаваніи закона Божія; но о заповѣдяхъ Христа я никогда ничего не слыхалъ. Я, къ удивленію моему, долженъ былъ открывать ихъ.

И вотъ какъ я открывалъ ихъ. Матѳ. V, 21—26.—Сказано: „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Ис. 20, 13). А я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему „рака", подлежитъ синедріону, а кто скажетъ „безумный", подлежитъ гееннѣ огненной (23). И такъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой. Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не ввергли бы тебя въ темницу. Истинно говорю: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодракта".

Когда я понялъ заповѣдь о непротивленіи злу, мнѣ представилось, что стихи эти должны имѣть такое же ясное, приложимое къ жизни, значеніе, какъ и заповѣдь о непротивленіи злому. Значеніе, которое я приписывалъ прежде этимъ словамъ, было то, что всякій долженъ всегда избѣгать гнѣва противъ людей, не долженъ никогда говорить бранныхъ словъ и долженъ жить въ мірѣ со всѣми безъ всякаго *исключенія*; но въ текстѣ стояло слово, исключающее

этотъ смыслъ. Сказано было: не гнѣвайся *напрасно*, такъ что изъ словъ не выходило предписанія безусловнаго мира. Слово это смущало меня. И за разъясненіемъ моихъ сомнѣній я обратился къ толкованіямъ богослововъ; и, къ удивленію моему, нашелъ, что толкованія отцовъ преимущественно направлены на разъясненіе того, когда гнѣвъ извинителенъ и когда неизвинителенъ. Всѣ толкователи церкви, особенно напирая на значеніе слова: *напрасно*, объясняютъ это мѣсто такъ, что не надо оскорблять невинно людей, не надо говорить бранныхъ словъ, но что гнѣвъ не всегда несправедливъ, и въ подтвержденіе своего толкованія, приводятъ примѣры гнѣва апостоловъ и святыхъ.

И я не могъ не признать, что объясненіе того, что гнѣвъ, по ихъ выраженію, по слову божію, не воспрещается, хотя и противное всему смыслу Евангелія, послѣдовательно и имѣетъ основаніе въ словѣ *напрасно*, стоящемъ въ 22 стихѣ. Слово это измѣняло смыслъ всего изрѣченія.

Не гнѣвайся *напрасно*. Христосъ велитъ прощать всѣмъ, прощать безъ конца; самъ прощаетъ и запрещаетъ Петру гнѣваться на Малха, когда Петръ защищаетъ своего, ведомаго на распятіе, учителя, казалось бы, не напрасно. Христосъ проповѣдуетъ миръ всѣмъ простымъ людямъ, и вдругъ, какъ бы оговариваясь въ томъ, что это не относится до всѣхъ случаевъ, а есть случаи, когда можно гнѣваться на брата—вставляетъ слово „напрасно". Въ толкованіяхъ объясняется, что бываетъ гнѣвъ благовременный. Но кто же судья тому, говорилъ я, когда гнѣвъ благовременный? Я не видалъ еще людей гнѣвающихся, которые бы считали, что гнѣвъ ихъ неблаговременный. Всѣ считаютъ, что гнѣвъ ихъ законенъ и полезенъ. Слово это разрушало весь смыслъ стиха. Но слово это стояло въ священномъ писаніи и я не могъ выкинуть его. А слово это было подобно тому, какъ если бы къ изрѣченію: *люби ближняго* было прибавлено: *люби хорошаго ближняго*, или: *того ближняго, который тебѣ нравится*.

Все значеніе мѣста разрушалось для меня словомъ: „напрасно". Стихи о томъ, что прежде, чѣмъ молиться, надо помириться съ тѣмъ, кто имѣетъ что противъ тебя, которые безъ слова „напрасно" имѣли бы прямой, обязательный смыслъ, получали тоже смыслъ условный.

Мнѣ представлялось, что Христосъ долженъ былъ запрещать всякій гнѣвъ, всякое недоброжелательство; и для того,

чтобы его не было, предписываетъ каждому: прежде чѣмъ итти приносить жертву, т. е. прежде, чѣмъ становиться въ общеніе съ Богомъ, вспомнить, нѣтъ ли человѣка, который сердится на тебя. И если есть такой, напрасно или не напрасно, то пойти и помириться, а потомъ ужъ приносить жертву или молиться. Такъ мнѣ казалось, но по толкованіямъ выходило, что это мѣсто надо понимать условно.

По всѣмъ толкованіямъ объясняется такъ, что надо стараться помириться со всѣми; но если этого нельзя сдѣлать по испорченности людей, которые во враждѣ съ тобою, то надо помириться въ душѣ—въ мысляхъ; и вражда другихъ противъ тебя не мѣшаютъ тебѣ молиться. Кромѣ того, слова: кто скажетъ рака и безумный, тотъ страшно виновенъ, всегда казались мнѣ странными и неясными. Если запрещается ругаться, то почему избраны примѣры такихъ слабыхъ, почти неругательныхъ, словъ? И потомъ, за что такая страшная угроза тому, у кого сорвется такое слабое ругательство, какъ рака, т. е. ничтожный. Все это было неясно.

Мнѣ чувствовалось, что тутъ происходитъ такое же непониманіе, какъ при словахъ: не судите; я чувствовалъ, что какъ и въ томъ толкованіи, такъ и здѣсь изъ простого, важнаго, опредѣленнаго, исполнимаго, все переходитъ въ область туманную и безразличную. Я чувствовалъ, что Христосъ не могъ такъ понимать слова: поди и помирись съ нимъ, какъ они толкуются: „помирись въ мысляхъ". Что значитъ: помирись въ мысляхъ? Я думалъ, что Христосъ говоритъ то, что онъ высказывалъ словами пророка: не жертвы хочу, но милости, т. е. любви къ людямъ. И потому, если хочешь угодить Богу, то прежде, чѣмъ молиться утромъ и вечеромъ, у обѣдни и у всенощной, вспомни—кто на тебя сердитъ; и поди устрой такъ, чтобъ не былъ онъ сердитъ на тебя, а послѣ ужъ молись, если хочешь. А то *„въ мысляхъ"*. Я чувствовалъ, что все толкованіе, разрушавшее прямой и ясный для меня смыслъ, зиждилось на словѣ *„напрасно"*. Если бы выкинуть его, смыслъ выходилъ бы ясный; но противъ моего пониманія были всѣ толкователи, противъ него было каноническое Евангеліе со словомъ *напрасно*. Отступи я въ этомъ, я могу отступить въ другомъ по своему произволу; другіе могутъ сдѣлать то же. Все дѣло въ одномъ словѣ. Не будь этого слова, все было бы ясно. И я дѣлаю попытку объяснить *какъ нибудь* филологически это слово *„напрасно"*, такъ,

чтобы оно не нарушало смысла всего. Справляюсь съ лексиконами: общимъ, и вижу, что слово это по гречески εἰχῆ— значитъ тоже и безъ цѣли, необдуманно; пытаюсь дать такое значенiе, которое бы не нарушало смысла, но прибавленiе слова, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, который приданъ ему. Справляюсь съ лексикономъ—значенiе слова то самое, которое придано ему здѣсь. Справляюсь съ контекстомъ—слово употреблено въ Евангелiи только одинъ разъ, именно здѣсь. Въ посланiяхъ употребляется нѣсколько разъ. Въ посланiи Коринѳ. I, 15, 2, употребляется именно въ этомъ смыслѣ. Стало быть, нѣтъ возможности объяснить иначе, и надо признать, что Христосъ сказалъ: *не гнѣвайтесь напрасно.* Я долженъ сознаться, что для меня признать, что Христосъ могъ въ этомъ мѣстѣ сказать такiя неясныя слова, давая возможность понимать ихъ такъ, что отъ нихъ ничего не оставалось, для меня признать это было бы тоже, что отречься отъ всего Евангелiя. Остается послѣдняя надежда: во всѣхъ ли спискахъ стоитъ это слово? Справляюсь съ варiантами. Справляюсь по Грисбаху, у котораго означены всѣ варiанты, т. е., какъ, въ какихъ спискахъ и у какихъ отцовъ употреблялось выраженiе. Справляюсь, и меня сразу приводитъ въ восторгъ то, что въ этомъ мѣстѣ есть выноски, есть варiанты. Смотрю—варiанты всѣ относятся къ слову *напрасно*. Большинство списковъ Евангелiй и цитатъ отцовъ не имѣютъ вовсе слова *напрасно*. Стало быть, большинство понимало, какъ и я. Справляюсь съ Тишендорфомъ,—въ спискѣ самомъ древнемъ,—слова этого нѣтъ вовсе. Смотрю въ переводъ Лютера, изъ котораго я бы могъ узнать это самымъ короткимъ путемъ,—тоже нѣтъ этого слова.

То самое слово, которое нарушало весь смыслъ ученiя Христа, слово—это прибавка еще въ V-мъ вѣкѣ, не вошедшая въ лучшiе списки Евангелiя.

Нашелся человѣкъ, который вставилъ это слово, и находились люди, которые одобряли эту вставку и объясняли ее.

Христосъ не могъ сказать и не сказалъ этого ужаснаго слова, и тотъ первый, простой, прямой смыслъ всего мѣста, который поразилъ меня и поражаетъ всякаго, есть истинный.

Но мало того, стоило мнѣ понять, что слова Христа запрещаютъ всегда всякiй гнѣвъ противъ кого бы то ни было, чтобы смущавшее меня прежде запрещенiе говорить

кому нибудь слово *рака* и *безумный*, получили бы тоже другой смыслъ, чѣмъ тотъ, что Христосъ запрещаетъ бранныя слова. Странное непереведенное еврейское слово *рака* дало мнѣ этотъ смыслъ. Рака значитъ растоптанный, уничтоженный, несуществующій; слово *рака* очень употребительное, значитъ исключеніе, *только не*. Рака значитъ человѣкъ, котораго не слѣдуетъ считать за человѣка. Во множественномъ числѣ слово *рекимъ* употреблено въ книгѣ Судей IX, 4, гдѣ оно значитъ пропащіе. Такъ вотъ этого слова Христосъ не велитъ говорить ни о какомъ человѣкѣ. Такъ же, какъ не велитъ ни о комъ говорить другое слово *безумный* какъ и *рака*, мнимо освобождающее насъ отъ человѣческихъ обязанностей къ ближнему. Мы гнѣваемся, дѣлаемъ зло людямъ и, чтобы оправдать себя, говоримъ, что тотъ, на кого мы гнѣваемся, пропащій или безумный человѣкъ. И вотъ, этихъ-то двухъ словъ не велитъ Христосъ говоритъ о людяхъ и людямъ. Христосъ не велитъ гнѣваться ни на кого, и не оправдывать свой гнѣвъ тѣмъ, чтобы признавать другого пропащимъ или безумнымъ.

И вотъ, вмѣсто туманныхъ, подлежащихъ толкованіямъ и произволу, неопредѣленныхъ и неважныхъ выраженій, открылась мнѣ съ стиха 21 по 28 простая, ясная и опредѣленная, первая заповѣдь Христа: живи въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ. Ни одного, никакого человѣка не считай и не называй пропащимъ или безумнымъ, ст. 22. И не только своего гнѣва не признавай не напраснымъ, но чужого гнѣва на себя не признавай напраснымъ, и потому: если есть человѣкъ, который сердится на тебя, хоть и напрасно, то, прежде чѣмъ молиться, поди и уничтожь это враждебное чувство, ст. 23, 24. Впередъ старайся уничтожить вражду между собою и людьми, чтобы вражда не разгорѣлась и не погубила тебя, ст. 25, 26.

Вслѣдъ за 1-ю заповѣдью, съ такою же ясностью, открылась мнѣ и 2-я, начинающаяся также ссылкой на древній законъ. Матѳ. V, 27—30, сказано: Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй (Исх. XX, 14, 28). А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (29). Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ *одинъ изъ членовъ* твоихъ, а не все тѣло твое вержено въ

геену (30). И если правая рука твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“.

Матѳ. V, 31—32. „Сказано также, что если кто разведется съ женой своей, пусть дастъ ей разводную (Втор. XXIV, 1, 32). А я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею, кромѣ вины прелюбодѣянія, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать, и кто женится на разводной, тотъ прелюбодѣйствуетъ“.

Значеніе этихъ словъ представилось мнѣ такое: человѣкъ не долженъ допускать даже мысли о томъ, что онъ можетъ соединиться съ другой женщиной, кромѣ какъ съ тою, съ которой онъ разъ уже соединился, и никогда не можетъ, какъ это было по закону Моисея, переменить эту женщину на другую.

Какъ въ первой заповѣди противъ гнѣва данъ совѣтъ, тушить этотъ гнѣвъ въ началѣ, совѣтъ, разъясненный сравненіемъ съ человѣкомъ, вѣдомымъ къ судьѣ, такъ и здѣсь Христосъ говоритъ, что блудъ происходитъ оттого, что женщины и мужчины смотрятъ другъ на друга, какъ на предметъ похоти. Чтобы этого не было, надо устранить все то, что можетъ вызывать похоть. Избѣгать всего того, что возбуждаетъ похоть, и, соединившись съ женою, ни подъ какимъ предлогомъ не покидать ее; потому что, покиданіе женъ и производитъ разводъ. Покинутыя жены соблазняютъ другихъ мужчинъ и вносятъ развратъ въ міръ.

Мудрость этой заповѣди поразила меня. Все зло между людьми, вытекающее изъ половыхъ сношеній, устранялось ею. Люди, зная, что потѣха половыхъ сношеній ведетъ къ раздору, избѣгаютъ всего того, что вызываетъ похоть, и зная, что законъ человѣка,—жить парами,—соединяются попарно, не нарушая ни въ какомъ случаѣ этого союза; и все зло раздора изъ-за половыхъ сношеній уничтожается тѣмъ, что нѣтъ мужчинъ и женщинъ одинокихъ, лишенныхъ брачной жизни.

Но поражавшія меня всегда при чтеніи нагорной проповѣди слова: *кромѣ вины прелюбодѣянія*, понимаемыя такъ, что человѣкъ можетъ разводиться съ женою, въ случаѣ ея прелюбодѣянія, поразили меня теперь еще больше.

Не говоря уже о томъ, что было что-то недостойное въ самой той формѣ, въ которой была выражена эта мысль,

о томъ, что рядомъ съ глубочайшими, по своему значенію, истинами проповѣди, точно примѣчаніе къ статьѣ свода законовъ, стояло это странное исключеніе изъ общаго правила, самое исключеніе это противорѣчило основной мысли.

Справляюсь съ толкователями, и всѣ (Іоаннъ Златоустъ ст. 365 и другіе), даже ученые богословы-критики, какъ Reuss, признаютъ то, что слова эти означаютъ то, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и что въ XIX главѣ, въ рѣчи Христа, запрещающей разводъ, слова: если не за прелюбодѣяніе, означаютъ то же. Читаю, перечитываю стихъ 32, и кажется мнѣ, что это не можетъ значить разрѣшеніе развода. Чтобы провѣрить себя, я справляюсь съ контекстами, и нахожу въ Евангеліи Матѳея XIX, Мр. X, Лук. XVI, въ первомъ посланіи Павла Коринѳянамъ разъясненіе того же ученія неразрывности брака безъ всякаго исключенія.

У Луки XVI, 18, сказано: „Всякій, разводящійся съ женою своею и женящійся на другой, прелюбодѣйствуетъ; и всякій, женящійся на разведенной съ мужемъ, прелюбодѣйствуетъ“.

У Марка X, 5—12, сказано также безъ всякаго исключенія: „по жестокосердію вашему онъ написалъ вамъ заповѣдь сію. Въ началѣ же сотворенія мужа и жену, сотворилъ ихъ Богъ. Посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два—одна плоть, такъ что они уже не двое, а одна плоть. И такъ, что̀ Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. Опять о томъ же спросили его въ домѣ ученики его. Онъ сказалъ имъ: кто разведется съ женою своею и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ отъ нея. И если жена разведется съ мужемъ своимъ и выйдетъ за другого, прелюбодѣйствуетъ“.

Тоже самое сказано у Матѳея глава XIX, 4—9.

Въ посланіи Павла 1 Коринѳ. VII, съ 1 по 12 развита подробно мысль предупрежденія разврата тѣмъ, что бы каждый мужъ и жена, соединившись, не покидали бы другъ друга, удовлетворяли бы другъ друга въ половомъ отношеніи: и также прямо сказано, что одинъ изъ супруговъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ покидать другого для сношеній съ другимъ или другою.

По Марку, Лукѣ и по посланію Павла не позволено разводиться. По смыслу толкованія о томъ, что мужъ и *жена—единое* тѣло, соединенное Богомъ, толкованія, повто-

реннаго въ двухъ Евангеліяхъ, не позволено разводиться. По смыслу всего ученія Христа, предписывающаго всѣмъ прощать, не исключая изъ этого падшую жену, не позволено. По смыслу всего мѣста, объясняющаго то, что отпущеніе жены производитъ развратъ, тѣмъ болѣе развратной—не позволено.

На чемъ же основано толкованіе, что разводъ допускается въ случаѣ прелюбодѣянія жены? На тѣхъ словахъ 32-го стиха, V-й главы, которыя такъ странно поразили меня. Эти самыя слова толкуются всѣми такъ, что Христосъ разрѣшаетъ разводъ въ случаѣ прелюбодѣянія жены, и эти самыя слова и въ XIX главѣ, повторяются многими списками Евангелій, и многими отцами вмѣсто словъ: *если не за прелюбодѣяніе.*

И я опять сталъ читать эти слова, но очень долго не могъ понять ихъ. Я видѣлъ, что тутъ должна была быть ошибка перевода и толкованія, но въ чемъ она была я долго не могъ найти. Ошибка была очевидна. Противуполагая свою заповѣдь заповѣди Моисея, по которой всякій мужъ, какъ сказано тамъ, возненавидѣши свою жену, можетъ отпустить ее и дать ей разводную. Христосъ говоритъ: *я говорю вамъ, кто разведется съ женой, кромѣ вины прелюбодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать.* Въ словахъ этихъ нѣтъ никакого противоположенія и даже нѣтъ никакого опредѣленія того, что можно или нельзя разводиться. Сказано только, что отпущеніе жены подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать.

И вдругъ при этомъ сдѣлано исключеніе о женѣ, виновной въ прелюбодѣяніи. Исключеніе это, относящееся до виновной въ прелюбодѣяніи жены, когда дѣло идетъ о мужѣ, вообще странно и неожиданно, но въ этомъ мѣстѣ просто глупо, потому что оно уничтожаетъ и тотъ сомнительный смыслъ, который былъ въ этихъ словахъ. Сказано, что отпущеніе жены заставляетъ ее прелюбодѣйствовать, и предписывается отпускать жену, виновную въ прелюбодѣяніи, какъ будто виновная въ прелюбодѣяніи жена не будетъ прелюбодѣйствовать.

Но мало этого, когда я разобралъ внимательнѣе это мѣсто, я увидалъ, что оно не имѣетъ даже грамматическаго смысла. Сказано: *кто разводится съ женою своею, кромѣ вины прелюбодѣянія, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать*; и предложеніе кончено. Говорится о мужѣ, о томъ, что онъ,

отпуская жену, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать. Къ чему же сказано тутъ, *кромѣ вины прелюбодѣянія жены*? Вѣдь, если бы было сказано, что мужъ, разводящійся съ женой, кромѣ какъ за ея прелюбодѣяніе, прелюбодѣйствуетъ, тогда бы предложеніе было правильно. А то къ подлежащему мужъ, который разводится, нѣтъ другого сказуемаго, какъ *подаетъ поводъ*. Какъ же къ этому сказуемому отнести: кромѣ вины прелюбодѣянія? Нельзя подавать поводъ, кромѣ прелюбодѣянія жены. Даже если бы къ словамъ: „кромѣ вины прелюбодѣянія“, было бы прибавлено слово *жены*, или *ея*, чего нѣтъ, то и тогда бы эти слова не могли относиться къ сказуемому: подаетъ поводъ. Слова эти, по принятому толкованію, относятся къ сказуемому: кто *разводится;* но кто *разводится* есть не главное сказуемое; главное сказуемое— подаетъ поводъ. Къ чему же тутъ: *кромѣ вины прелюбодѣянія*? И при винѣ прелюбодѣянія и безъ вины прелюбодѣянія мужъ, разводясь, одинаково подаетъ поводъ. Вѣдь, выраженіе такое же, какъ слѣдующее: тотъ, кто лишитъ пропитанія своего сына, кромѣ вины жестокости, подаетъ ему поводъ быть жестокимъ. Выраженіе это, очевидно, не можетъ имѣть того смысла, что отецъ можетъ лишить пропитанія своего сына, если сынъ жестокъ. Если оно имѣетъ смыслъ, то только тотъ, что отецъ, лишающій сына пропитанія, кромѣ своей вины жестокости, заставляетъ и сына быть жестокимъ. Точно такъ же и евангельское выраженіе имѣло бы смыслъ, если бы, вмѣсто словъ: *вины прелюбодѣянія*, стояло бы: вины сладострастія, распутства или чего нибудь подобнаго, выражающаго не поступокъ, а свойство.

И я спросилъ себя: да не сказано ли здѣсь просто то, что тотъ, кто разводится съ женою, кромѣ того, что самъ виновенъ въ распуствѣ (такъ какъ каждый разводится только для того, чтобы взять другую), подаетъ поводъ и женѣ прелюбодѣйствовать. Если въ текстѣ слово прелюбодѣяніе выражено такими словами, что оно можетъ значить и распутство, то смыслъ ясенъ.

И повторилось тоже, что такъ часто въ такихъ случаяхъ повторялось со мной. Текстъ подтвердилъ мое соображеніе, такъ что уже не могло быть сомнѣнія.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при чтеніи текста, было то, что слово πορνεία, переведенное тѣмъ же словомъ прелюбодѣяніе, какъ и слово μοιχᾶσθαι—совершенно другое слово. Но, можетъ быть, слова эти были синонимы, или въ

Евангеліяхъ употребляется одно за другое? Справляюсь со всѣми лексиконами—общимъ и евангельскимъ, и вижу, что слово πορνεία, соотвѣтствующее еврейскому—ςόνο латинскому fornicatio, нѣмецкому — Hurerei, русскому — распутство — имѣетъ самое опредѣленное значеніе и никогда ни по какимъ лексиконамъ не значило и не можетъ значить поступка прелюбодѣянія, adultère, Ehebruch, какъ оно переводится. Оно значитъ порочное состояніе или свойство, а никакъ не поступокъ, и не можетъ быть переведено прелюбодѣяніемъ. Мало того, вижу, что слово прелюбодѣяніе—прелюбодѣйствовать вездѣ въ Евангеліяхъ и даже въ этихъ стихахъ обозначается другимъ словомъ—μοιχέω. И стоило мнѣ только исправить этотъ, очевидно умышленно неправильный переводъ, чтобы смыслъ, придаваемый толкователями этому мѣсту и контексту XIX главы, сталъ совершенно невозможенъ, и чтобы тотъ смыслъ, при которомъ слово πορνεία относится къ мужу, сталъ бы несомнѣненъ.

Переводъ, который сдѣлаетъ всякій знающій по-гречески, будетъ слѣдующій, παρεχτός—кромѣ, λόγού—вины, πορνεῖας—распутства, ποιεῖ заставляетъ, αὔσην—ее, μοιχάσδαι—прелюбодѣйствовать, и выходитъ слово въ слово: тотъ, кто разводится съ женою, кромѣ вины распутства, заставляетъ ее прелюбодѣйствовать.

Тотъ же смыслъ получается и въ XIX главѣ. Стоитъ только поправить невѣрный переводъ и слова πορνεῖα, и предлога ἐπι переведеннаго *за*, и, вмѣсто „прелюбодѣянія", поставить слово „распутства", и, вмѣсто за, поставить — *по* или *для*, чтобы было ясно, что слова: ει μή ἐπὶ πορνεῖα не могутъ относиться къ женѣ. И какъ слова παρέχτός λόγου πορνεῖας не могутъ ничего значить другого, какъ кромѣ вины распутства мужа, такъ и слова ει μη ἐπὶ πορνεῖα, стоящія въ XIX главѣ, не могутъ относиться ни къ чему иному, какъ къ распутству мужа. Сказано—ει μη ἐπί πορνεῖα—слово въ слово: если не по распутству, не для распутства. И смыслъ выходитъ тотъ, что Христосъ, отвѣчая въ этомъ на мысль фарисеевъ, которые думали, что если человѣкъ оставилъ свою жену не для того, чтобы распутничать, а чтобы жить брачно съ другою, то онъ не прелюбодѣйствуетъ,—Христосъ на это говоритъ, что оставленіе жены, т. е. прекращеніе сношеній съ нею, если и не по распутству, а для брачнаго соединенія съ другою, все-таки прелюбодѣяніе. И выходитъ простой смыслъ, согласный со всѣмъ ученіемъ, съ тѣми словами, въ

связи съ которыми онъ находится, и съ грамматикой и съ логикой.

И этотъ-то простой, ясный смыслъ, вытекающій изъ самихъ словъ и изъ всего ученія, мнѣ надо было открывать съ величайшимъ трудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прочтите эти слова по-нѣмецки, по-французски, гдѣ прямо сказано pour cause d'infidèlité или à moins que cela ne soit pour cause d'infidèlité, и догадаетесь, что это значитъ совсѣмъ другое. Слово παρέκτος, по всѣмъ лексиконамъ значущее excepté, ausgenommen, кромѣ, переводится цѣлымъ предложеніемъ, à moins que cela ne soit. Слово πορνεῖας переводится infidèlité, Ehebruch, прелюбодѣяніе. И вотъ, на этомъ умышленномъ искаженіи текста зиждется толкованіе, нарушающее и нравственный, и религіозный, и грамматическій, и логическій смыслъ словъ Христа.

И опять для меня подтвердилась та ужасная и радостная истина, что смыслъ ученія Христа простъ, ясенъ, что положенія его важны, опредѣлены, но что толкованія его, основанныя на желаніи оправдать существуещее зло, такъ затемнили его, что надо съ усиліемъ открывать его. Мнѣ стало ясно, что если бы Евангелія были открыты на половину сожженныя или стертыя, было бы легче возстановить ихъ смыслъ, чѣмъ теперь, когда по нимъ прошли недобросовѣстныя толкованія, имѣющія прямою цѣлью извратить и скрыть смыслъ ученія. Въ этомъ случаѣ очевиднѣе еще, чѣмъ въ прежнемъ, какъ самая частная цѣль оправдать разводъ какого нибудь Іоанна Грознаго, послужила поводомъ къ затменію всего ученія о бракѣ.

Стоитъ отбросить толкованія, и, вмѣсто туманнаго и неопредѣленнаго, является опредѣленная и ясная вторая заповѣдь Христа.

Не дѣлай себѣ потѣху изъ похоти половыхъ сношеній; всякій человѣкъ, если онъ не скопецъ, т. е. нуждается въ половыхъ сношеніяхъ, пусть имѣетъ жену, а жена мужа, и мужъ имѣй *одну жену*, и жена имѣй одного мужа, и ни подъ какимъ предлогомъ, не нарушайте плотскаго союза другъ съ другомъ.

Тотчасъ же непосредственно послѣ второй заповѣди приводится опять ссылка на древній законъ, и излагается третья заповѣдь. Мѳ. V, 33—37. „Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ *Господомъ клятвы* твои (Лев. XIX, 12. Второз. XXIII, 21).

А я говорю вамъ: не клянись вовсе; ни небомъ, потому что оно престолъ божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго царя; ни головою своею не клянись, потому что ни одного волоса не можешь сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго.

Мѣсто это при прежнихъ чтеніяхъ моихъ всегда смущало меня. Оно смущало меня не своей неясностью, какъ мѣсто о разводѣ, не противорѣчіями съ другими мѣстами, какъ разрѣшеніе ненапраснаго гнѣва, не трудностью исполненія, какъ мѣсто о подставленіи щеки; оно смущаго меня, напротивъ, своей ясностью, простотою и легкостью. Рядомъ съ правилами, глубина и значеніе которыхъ ужасали и умиляли меня, вдругъ стояло такое ненужное мнѣ, пустое, легкое и не имѣющее никакихъ ни для меня, ни для другихъ послѣдствій, правило. Я и такъ не клялся ни Іерусалимомъ, ни Богомъ, ничѣмъ, и мнѣ это никакого труда не стоило: и, кромѣ того, мнѣ казалось, что буду ли или не буду я клясться, это не можетъ имѣть ни для кого никакой важности. И, желая найти объясненія этого, своей легкостью смущавшаго меня, правила, я обратился къ толкователямъ. Въ этомъ случаѣ толкователи помогли мнѣ.

Всѣ толкователи видятъ въ этихъ словахъ подтвержденіе 3-й заповѣди Моисея — не клясться именемъ божіемъ. Они объясняютъ эти слова такъ, что Христосъ, какъ и Моисей, запрещаетъ произносить имя Бога всуе. Но кромѣ этого, толкователи еще объясняютъ и то, что это правило Христа не клясться—не всегда обязательно и никакъ не относится къ той присягѣ, которую каждый гражданинъ даетъ предержащей власти. И подбираются тексты священнаго писанія не для того, чтобы подтвердить прямой смыслъ предписанія Христа, а для того, чтобы доказать то, что можно и должно не исполнять его.

Говорится, что Христосъ самъ утвердилъ клятву на судѣ, когда на слова первосвященника: „заклинаю тебя Богомъ живымъ“, отвѣчалъ: „ты сказалъ“; говорится, что апостолъ Павелъ призываетъ Бога во свидѣтельство истины словъ своихъ, что есть, очевидно, та же клятва; говорится, что клятвы были предписаны закономъ Моисея, но Господь не отмѣнилъ этихъ клятвъ; говорится, что отмѣняются только клятвы *пустыя,* фарисейски-лицемѣрныя.

И понявъ смыслъ и цѣль этихъ объясненій, я понялъ, что предписаніе Христа о клятвѣ совсѣмъ не такъ ничтожно, легко и незначительно, какъ оно мнѣ казалось, когда я въ числѣ клятвъ, запрещенныхъ Христомъ, не считалъ государственную присягу.

И я спросилъ себя: Да не сказано ли тутъ то, что запрещается и та присяга, которую такъ старательно выгораживаютъ церковные толкователи? Не запрещена ли тутъ присяга, та самая присяга, безъ которой невозможно раздѣленіе людей на государства, безъ которой невозможно военное сословіе? Солдаты — это тѣ люди, которые дѣлаютъ всѣ насилія, и они называютъ себя—*„присяга“*. Если бы я поговорилъ съ гренадеромъ о томъ, какъ онъ разрѣшаетъ противорѣчіе между Евангеліемъ и воинскимъ уставомъ, онъ бы сказалъ мнѣ, что онъ присягалъ, т. е. клялся на Евангеліи. Такіе отвѣты давали мнѣ всѣ военные. Клятва эта также нужна для образованія того страшнаго зла, которое производятъ насилія и войны, такъ что во Франціи, гдѣ отрицается христіанство, все-таки, держатся присяги. Вѣдь, если бы Христосъ не сказалъ этого, не сказалъ—не присягайте никому, то онъ долженъ бы былъ сказать это. Онъ пришелъ уничтожить зло, а не уничтожь онъ присягу, какое огромное зло остается еще на свѣтѣ. Можетъ быть, скажутъ, что во время Христа зло это было не замѣтно. Но это неправда: Эпиктетъ, Сенека говорили про то, чтобы не присягать никому: въ законахъ *Ману* есть это правило. Отчего я скажу, что Христосъ не видалъ этого зла? И скажу тогда, когда онъ сказалъ это прямо, ясно и даже подробно.

Онъ сказалъ: *не клянись вовсе*. Выраженіе это также просто, ясно и несомнѣнно, какъ слова: не судите и не присуждайте, и также мало подвержено перетолкованіямъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ прибавлено, что все, что̀ потребуется отъ тебя сверхъ отвѣта *да и нѣтъ*, все это отъ начала зла.

Вѣдь, если ученіе Христа въ томъ, чтобы исполнять всегда волю Бога, то какъ же человѣкъ можетъ клясться, что онъ будетъ исполнять волю человѣка? Воля Богъ можетъ не совпадать съ волею человѣка. И даже въ этомъ самомъ мѣстѣ Христосъ это самое и говоритъ. Онъ говорить: не клянись головою, потому что не только голова твоя, но и *каждый* волосъ на ней, во власти Бога. То же говорится и въ посланіи Якова.

Въ посланіи своемъ, въ концѣ его, какъ бы въ заключеніе всего, апостолъ Яковъ говоритъ (ст. 12 гл. V): *прежде же всего, братія мои, не клянитесь ни небомъ, ни землею, ни другою какою клятвою, но да будетъ у васъ: да, да и нѣтъ, нѣтъ; дабы вамъ не подпасть осужденію.* Апостолъ прямо говоритъ, почему не слѣдуетъ клясться: клятва сама по себѣ кажется непреступною, но отъ нея подпадаютъ осужденію, и потому *не клянитесь никакъ.* Какъ еще яснѣе сказать то, что сказано и Христомъ, и апостоломъ?

Но я былъ такъ запутанъ, что съ удивленіемъ долго спрашивалъ себя: неужели это значитъ то, что значитъ? Какъ же мы всѣ присягаемъ на Евангеліи? Это не можетъ быть.

Но я уже прочелъ толкованія и видѣлъ, какъ это невозможное было сдѣлано.

Что при объясненіяхъ словъ: не судите, не гнѣвайтесь ни на кого, не разрывайте союзъ мужа съ женою, тоже и здѣсь. Мы установили свои порядки, любимъ ихъ и хотимъ считать ихъ священными. Приходитъ Христосъ, котораго мы считаемъ Богомъ, и говоритъ, что эти-то наши порядки не хороши. Мы его считаемъ Богомъ и не хотимъ отказаться отъ нашихъ порядковъ. Что же намъ дѣлать? Гдѣ можно, вставить слово — „*напрасно*," и на нѣтъ свести правило противъ гнѣва; гдѣ можно, какъ самые безсовѣстные кривосуды, такъ перетолковать смыслъ статьи закона, чтобы выходило обратное: вмѣсто — никогда не разводиться съ женою, вышло бы то, что можно разводиться. А гдѣ ужъ никакъ нельзя перетолковать, какъ въ словахъ: *не судите и не присуждайте*, и въ словахъ: *не клянитесь вовсе*, смѣло, прямо дѣйствовать противно ученію, утверждая, что мы ему слѣдуемъ. И въ самомъ дѣлѣ, главная помѣха тому, чтобы понять то, что Евангеліе запрещаетъ всякую клятву и тѣмъ болѣе присягу, есть то, что псевдо-христіанскіе учителя съ необычайной смѣлостью на самомъ на Евангеліи, самымъ Евангеліемъ заставляютъ клясться людей, т. е. дѣлать противное Евангелію.

Какъ придетъ въ голову человѣку, котораго заставляютъ клясться крестомъ и Евангеліемъ, что крестъ оттого и святъ, что на немъ распяли того, кто запрещаетъ клясться, и что присягающій, можетъ быть, цѣлуетъ, какъ святыню, то самое мѣсто, гдѣ ясно и опредѣленно сказано: *не клянитесь никакъ.*

Но меня уже не смущала эта смѣлость. Я ясно видѣлъ, что съ ст. 33 по 37 была выражена ясная, опредѣленная, исполнимая третья заповѣдь: не присягай никогда никому ни въ чемъ. Всякая присяга вымогается отъ людей для зла. Вслѣдъ за этой третьей заповѣдью приводится 4-ая ссылка и излагается 4-ая заповѣдь. Мѳ. V, 38—42. Лук, гл. 6, 29, 30. „Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудилъ тебя итти съ ними на одно поприще, иди съ ними на два. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся".

О томъ, какое прямое, опредѣленное значеніе имѣютъ эти слова, и какъ мы не имѣемъ никакого основанія перетолковывать ихъ иносказательно, я говорилъ уже. Толкованія этихъ словъ, начиная отъ Іоанна Златоуста и до насъ, поистинѣ удивительны. Слова эти всѣмъ очень нравятся, и всѣ дѣлаютъ, по случаю этихъ словъ, всякого рода глубокомысленныя соображенія, за исключеніемъ одного: что слова эти имѣютъ тотъ самый смыслъ, который они имѣютъ. Церковные толкователи, нисколько не стѣсняясь авторитетомъ того, кого они признаютъ Богомъ, преспокойно ограничиваютъ значеніе его словъ. Они говорятъ: „само собой разумѣется, что всѣ эти заповѣди о терпѣніи обидъ, объ отреченіи отъ возмездія, какъ направленныя собственно противъ іудейской любомстительности, не исключаютъ не только общественныхъ мѣръ къ ограниченію зла *и наказанію дѣлающихъ зло,* но и частныхъ, личныхъ усилій и заботъ каждаго человѣка о ненарушимости правды, о вразумленіи обидчиковъ, о прекращеніи для злонамѣренныхъ возможности вредить другимъ; ибо иначе самые духовные законы Спасителя по-іудейски обратились бы только въ букву, могущую послужить къ успѣхамъ зла и подавленію добродѣтели. Любовь христіанина должна быть подобна любви божіей, но любовь божія ограничиваетъ и *наказываетъ зло* только въ той мѣрѣ, въ какой оно остается болѣе или менѣе безвреднымъ для славы божіей и дла спасенія ближняго; въ противномъ случаѣ, должно ограничивать и наказывать зло, что особенно возлагается на начальство. (Толковое Евангеліе Архиманд. Михаила, все основанное на толкованіи святыхъ *отцовъ).* Ученые и свободомыслящіе христіане также не

стѣсняются смысломъ словъ Христа и поправляютъ его. Они говорятъ, что это очень возвышенныя изреченія, но лишенныя всякой возможности приложенія къ жизни, ибо приложеніе къ жизни правила непротивленія злу уничтожаетъ весь тотъ порядокъ жизни, который мы такъ хорошо устроили: это говоритъ Ренанъ, Штраусъ и всѣ вольнодумные толкователи.

Но стоитъ отнестись къ словамъ Христа только такъ, какъ мы относимся къ словамъ перваго встрѣчнаго человѣка, который съ нами говоритъ, т. е. предполагая, что онъ говоритъ то, что говоритъ, чтобы тотчасъ же устранилась необходимость всякихъ глубокомысленныхъ соображеній. Христосъ говоритъ: я нахожу, что способъ обезпеченія вашей жизни очень глупъ и дуренъ. Я вамъ предлагаю совсѣмъ другой, слѣдующій. И онъ говоритъ свои слова отъ ст. 38 по 42. Казалось бы, что пржде чѣмъ поправлять эти слова, надо понять ихъ. А вотъ этого-то никто не хочетъ сдѣлать, впередъ рѣшая, что порядокъ, въ которомъ мы живемъ и который нарушается этими словами, есть священный законъ человѣчества.

Я не считалъ нашу жизнь ни хорошею, ни священною, и потому понялъ эту заповѣдь прежде другихъ. И когда я понялъ слова эти такъ, какъ они сказаны, меня поразила ихъ истинность, точность и ясность; Христосъ говоритъ: вы зломъ хотите уничтожить зло. Это неразумно. Чтобы не было зла, не дѣлайте зла. И потомъ Христосъ перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ мы привыкли дѣлать зло, и говоритъ, что въ этихъ случаяхъ не надо его дѣлать.

Это четвертая заповѣдь Христа была первая заповѣдь, которую я понялъ и которая открыла мнѣ смыслъ всѣхъ остальныхъ. Четвертая простая, ясная, исполнимая заповѣдь говоритъ: никогда силой не противься злому, насиліемъ не отвѣчай на насиліе: бьютъ тебя—терпи, отнимаютъ—отдай, заставляютъ работать—работой; хотятъ взять у тебя то, что̀ мы считаемъ своимъ—отдавай.

И вслѣдъ за этой 4-й заповѣдью слѣдуетъ 5-я ссылка и 5-я заповѣдь Мѳ. V, 43—48. „Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего (Лев. XIX, 17, 18). А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, 45.

Да будете сынами Отца вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ; 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? 47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особенно дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и *язычники*? 48. И такъ будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный".

Стихи эти прежде представлялись мнѣ разъясненіемъ, дополненіемъ и усиленіемъ, скажу даже преувеличеніемъ словъ о непротивленіи злу. Но найдя простой, приложимый, опредѣленный смыслъ каждаго мѣста, начинающагося съ ссылки на древній законъ, я предчувствовалъ такой же и въ этомъ. Послѣ каждой ссылки была изложена заповѣдь, и каждый стихъ заповѣди имѣлъ значеніе и не могъ быть выкинутъ, и здѣсь должно было быть тоже. Послѣднія слова, повторенныя у Луки, о томъ, что Богъ не дѣлаетъ различія между людьми и даетъ благо всѣмъ, и что потому и вы должны быть таковы же, какъ Богъ: не дѣлать различія между людьми, и должны не такъ дѣлать, какъ язычники, а должны всѣхъ любить и всѣмъ дѣлать добро одинаково— эти слова были ясны, они представлялись мнѣ подтвержденіемъ и объясненіемъ какого-то яснаго правила, но въ чемъ было это правило—я долго не могъ понять.

Любить враговъ? это было что-то невозможное. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которыя нельзя иначе смотрѣть, какъ на указаніе недостижимаго нравственнаго идеала. Это было слишкомъ много или ничего. Можно не вредить своему врагу, но любить—нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможное. Кромѣ того, въ самыхъ первыхъ словахъ, въ ссылкѣ на законъ древнихъ, вамъ сказано: *ненавидь врага*, было что-то сомнительное. Въ прежнихъ мѣстахъ Христосъ приводитъ дѣйствительныя, подлинныя слова закона Моисея; но здѣсь онъ приводитъ слова, которыя никода не были сказаны. Онъ какъ будто клевещетъ на законъ.

Толкованія, какъ и въ прежнихъ моихъ сомнѣніяхъ, ничего не разъяснили мнѣ. Во всѣхъ толкованіяхъ признается, что словъ: вамъ сказано: ненавидь врага—нѣтъ въ законѣ Моисея, но объясненія этого невѣрно приведеннаго мѣста изъ закона нигдѣ не дается. Говорится о томъ, какъ трудно *любить враговъ*-злыхъ людей, и большею частью дѣлаются

поправки къ словамъ Христа; говорится, что нельзя любить враговъ, а можно не желать и не дѣлать имъ зла. Между прочимъ, внушается, что можно и должно обличать, т. е. противиться врагамъ; говорится о разныхъ степеняхъ достиженія этой добродѣтели, такъ что по толкованіямъ церкви конечный выводъ тотъ, что Христосъ, неизвѣстно зачѣмъ, неправильно привелъ слова изъ закона Моисея и наговорилъ много прекрасныхъ, но, собственно, пустыхъ и неприложимыхъ словъ.

Мнѣ казалось, что это не можетъ быть такъ. Тутъ долженъ быть ясный и опредѣленный смыслъ, такой же, какъ и въ первыхъ четырехъ заповѣдяхъ. И для того, чтобы понять этотъ смыслъ, я, прежде всего, постарался понять значеніе словъ невѣрной ссылки на законъ; „вамъ сказано: *ненавидь враговъ*". Не даромъ же Христосъ при каждомъ правилѣ приводитъ слова закона: не убій, не прелюбодѣйствуй, и т. д., и этимъ словамъ противуполагаетъ свое ученіе. Не понявъ того, что онъ разумѣлъ подъ словами приводимаго имъ закона, нельзя понять того, что онъ предписываетъ. Въ толкованіяхъ прямо говорится (да и нельзя этого не сказать), что онъ приводитъ такія слова, которыхъ не было въ законѣ, но не объясняется, почему онъ это дѣлаетъ и что значитъ эта невѣрная ссылка? Мнѣ казалось, что, прежде всего, надо объяснить, что могъ разумѣть Христосъ, приводя слова, которыхъ не было въ законѣ? И я спросилъ себя: что же могутъ значить слова, невѣрно приведенныя Христомъ изъ закона? Во всѣхъ прежнихъ ссылкахъ Христа на законъ приводится только одно постановленіе древняго закона, какъ: не убей, не прелюбодѣйствуй, держи клятвы, зубъ за зубъ... и по случаю этого одного приводимаго постановленія излагается соотвѣтствующее ему ученіе. Здѣсь же приводятся два постановленія, противополагающіяся другъ другу: вамъ сказано—люби ближняго и ненавидь врага, такъ что очевидно—основой новаго закона должно быть самое различіе между двумя постановленіями древняго закона, относительно ближняго и врага. И чтобы понять яснѣе, въ чемъ это было различіе, я спросилъ себя: что значитъ слово „ближній" и слово врагъ на евангельскомъ языкѣ? И справившись съ лексиконами и контекстами библіи, я убѣдился, что ближній на языкѣ еврея всегда означаетъ только еврея. Такое опредѣленіе ближняго дается и въ Евангеліи притчей о самарянинѣ. По понятію еврея-

законника, спрашивающаго—кто ближній? самарянинъ не могъ быть ближнимъ. Такое же опредѣленіе ближняго дается и въ Дѣяніяхъ VII, 27. Ближній, на евангельскомъ языкѣ, значитъ: землякъ, человѣкъ, принадлежащій къ одной народности. И потому, предполагая, что противоположеніе, которое выставляетъ Христосъ въ этомъ мѣстѣ, приводя слова закона: вамъ сказано: люби ближняго и ненавидь врага, состоитъ въ противоположеніи между землякомъ и чужеземцемъ, спрашиваю себя, что такое врагъ по понятіямъ іудеевъ, и нахожу подтвержденіе своего предположенія. Слово врагъ употребляется въ Евангеліяхъ почти всегда въ смыслѣ враговъ не личныхъ, но общихъ, народныхъ (Лук. I, 71—74; Мѳ. XXII; 44, Марк. XII, 36; Лук. XX, 43, и др.). Единственное число, въ которомъ употреблено слово врагъ, въ этихъ стихахъ въ выраженіи *ненавидь врага*—показываетъ мнѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о врагѣ народа. Въ ветхомъ завѣтѣ понятіе вражескаго народа всегда выражается единственнымъ числомъ.

И какъ только я понялъ это, такъ тотчасъ же устранилось то затрудненіе: зачѣмъ и какимъ образомъ могъ Христосъ, всякій разъ приводя подлинныя слова закона, здѣсь вдругъ привести слова: вамъ сказано: ненавидь врага, которыя не были сказаны. Стоитъ только понимать слово врагъ въ смыслѣ врага народнаго и—ближняго въ смыслѣ земляка, чтобы затрудненія этого вовсе не было. Христосъ говоритъ о томъ, какъ по закону Моисея предписано евреямъ обращаться съ врагомъ народнымъ. Всѣ тѣ разбросанныя по разнымъ книгамъ писанія мѣста, въ которыхъ предписывается и угнетать, и убивать, и истреблять другіе народы, Христосъ соединяетъ въ одно выраженіе: ненавидѣть—дѣлать зло врагу. И онъ говоритъ: вамъ сказано, что надо любить своихъ и ненавидѣть врага народнаго; а я говорю вамъ: надо любить всѣхъ, безъ различія той народности, къ которой они принадлежатъ. И какъ только я понялъ эти слова такъ, такъ тотчасъ устранилось и другое, главное затрудненіе: какъ понимать слова: любите враговъ вашихъ. Нельзя любить личныхъ враговъ. Но людей вражескаго народа можно любить точно такъ же, какъ и своихъ. И для меня стало очевиднымъ, что, говоря: вамъ сказано: люби ближняго и ненавидь врага, а я говорю: люби враговъ, Христосъ говоритъ о томъ, что всѣ люди пріучены считать *своими* ближними людей своего народа, а чужіе народы счи-

тать врагами; и что онъ не велитъ этого дѣлать. Онъ говоритъ: по закону Моисея сдѣлано различіе между евреемъ и не-евреемъ—врагомъ народнымъ, а я говорю вамъ: не надо дѣлать этого различія. И точно, и по Матѳею и по Лукѣ, вслѣдъ за этимъ правиломъ онъ говоритъ, что для Бога всѣ равны, на всѣхъ свѣтитъ одно солнце, на всѣхъ падаетъ дождь; Богъ не дѣлаетъ различія между народами и всѣмъ дѣлаетъ равное добро; то же должны дѣлать и люди для всѣхъ людей безъ различія ихъ народностей, а не такъ, какъ *язычники*, раздѣляющіе себя на разные народы.

Такъ что опять съ разныхъ сторонъ подтвердилось для меня простое, важное, ясное и приложимое пониманіе словъ Христа. Опять, вмѣсто изреченія туманнаго и неопредѣленнаго любомудрія, выяснилось ясное, опредѣленное и важное и исполнимое правило: не дѣлать различія между своимъ и чужимъ народомъ и не дѣлать всего того, что вытекаетъ изъ этого различія, не враждовать съ чужими народами, не воевать, не участвовать въ войнахъ, не вооружаться для войны, а ко всѣмъ людямъ, какой бы они народности ни были, относиться такъ же, какъ мы относимся къ своимъ.

Все это было такъ просто, такъ ясно, что мнѣ было удивительно, какъ могъ я сразу не понять этого?

Причина моего непониманія была та же, что и причина непониманія запрещенія судовъ и клятвы. Очень трудно понять, что тѣ суды, которые открываются христіанскими молебствіями, благословляются тѣми, которые считаютъ себя блюстителями закона Христа, что эти-то самые суды несовмѣстимы съ исповѣданіемъ Христа и прямо противны ему. Еще труднѣе догадаться, что та самая клятва, къ которой приводятъ всѣхъ людей блюстители закона Христа, прямо запрещена этимъ закономъ; но догадаться, что то, что въ нашей жизни считается не только необходимымъ и естественнымъ, но самымъ прекраснымъ и доблестнымъ,—любовь къ отечеству, защита, возвеличиваніе его, борьба съ врагомъ и т. п.,—суть не только преступленія закона Христа, но явное отреченіе отъ него,—догадаться, что это такъ—ужасно трудно. Жизнь наша до такой степени удалилась отъ ученія Христа, что самое удаленіе это становится теперь главной помѣхой пониманія его. Мы такъ пропустили мимо ушей и забыли все то, что онъ сказалъ намъ о нашей жисни—о томъ, что не только убивать, но гнѣваться нельзя на другого человѣка, что нельзя защи-

щаться, а надо подставлять щеку, что надо любить враговъ,—что намъ, теперь, привыкшимъ называть людей, посвятившихъ свою жизнь убійству,—христолюбивымъ воинствомъ, привыкшимъ слушать молитвы, обращенныя къ Христу о побѣдѣ надъ врагами, славу и гордость свою полагающимъ въ убійствѣ, въ нѣкотораго рода святыню возведшимъ символъ убійства, шпагу, такъ что человѣкъ безъ этого символа,—безъ ножа,—это осрамленный человѣкъ, что намъ теперь кажется, что Христосъ не запретилъ войны, что если бы онъ запрещалъ, онъ бы сказалъ это яснѣе.

Мы забываемъ то, что Христосъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы люди, вѣрующіе въ его ученіе смиренія, любви и всеобщаго братства, спокойно и сознательно могли бы учреждать убійство братьевъ.

Христосъ не могъ себѣ представить этого, и потому онъ не могъ христіанину запрещать войну, какъ не можетъ отецъ, дающій наставленіе своему сыну о томъ, какъ надо жить честно, не обижая никого, а отдавая свое другимъ, запрещать ему, что не надо рѣзать людей на большой дорогѣ.

То, чтобы нужно было христіанину запрещать убійство, называемое войною, не могъ себѣ представить и ни одинъ апостолъ и ни одинъ человѣкъ Христа первыхъ вѣковъ христіанства. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Оригенъ въ своемъ отвѣтѣ Цельзію... Глава 63.

Онъ говоритъ: „Цельзій увѣщеваетъ насъ помогать всѣми нашими силами государю, участвовать въ его законныхъ трудахъ, вооружаться за него, служить подъ его знаменами, если нужно, „водить въ сраженіяхъ его войска“. На это надо отвѣтить, что мы при случаѣ подаемъ помощь царямъ, но, такъ сказать, божественную помощь, потому что мы облечены бронею Бога. Этимъ поведеніемъ мы подчиняемся голосу апостола. „Умоляю васъ прежде всего,—говоритъ онъ,—молиться, просить и благодарить за всѣхъ людей, за царей и за высокихъ въ почестяхъ“.

Такъ что, чѣмъ набожнѣе, тѣмъ полезнѣе бываетъ человѣкъ для царей и польза его болѣе дѣйствительна, чѣмъ польза солдата, который, завербовавшись подъ знамена царя, побиваетъ столько враговъ, сколько можетъ. Кромѣ того, людямъ, которые, не зная нашей вѣры, требуютъ отъ насъ того, чтобы мы рѣзали людей, мы можемъ еще отвѣчать то, что и ваши жрецы не оскверняютъ своихъ рукъ, чтобы *вашъ Богъ принялъ* ихъ жертвы. Тоже и мы“. И кончая

эту главу объясненіемъ того, что христіане приносятъ пользу своею мирною жизнію болѣе, чѣмъ солдаты, Оригенъ говоритъ: „Итакъ, мы воюемъ лучше, чѣмъ кто-нибудь за спасеніе императора. Правда, *что мы не служимъ подъ его знаменами. Мы и не станемъ служить, если бы даже онъ принуждалъ насъ къ этому*".

Такъ относились къ войнѣ христіане первыхъ вѣковъ и такъ говорили ихъ учителя, обращаясь къ сильнымъ міра, и говорили такъ въ то время, когда сотнями и тысячами гибли мученики за исповѣданіе Христовой вѣры.

А теперь? Теперь и вопроса нѣтъ о томъ, можетъ ли христіанинъ участвовать въ войнахъ. Всѣ молодые люди, воспитываемые въ церковномъ законѣ, называемомъ христіанскимъ, каждую осень, когда настанетъ срокъ, идутъ въ воинскія присутствія и съ помощью церковныхъ пастырей отрекаются отъ закона Христа. Только недавно нашелся одинъ крестьянинъ, который на основаніи Евангелія отказался отъ военной службы. Учители церкви внушали крестьянину его заблужденіе; но такъ какъ крестьянинъ повѣрилъ не имъ, но Христу, то его посадили въ тюрьму и продержали до тѣхъ поръ, пока онъ не отрекся отъ Христа. И все это дѣлается послѣ того, какъ намъ, христіанамъ, 1800 лѣтъ тому назадъ, объявлена нашимъ Богомъ заповѣдь вполнѣ ясная и опредѣленная: „не считай людей другихъ народовъ своими врагами, а считай всѣхъ людей братьями и ко всѣмъ относись такъ же, какъ ты относишься къ людямъ своего народа, и потому не только не убивай тѣхъ, которыхъ называешь своими врагами, но люби ихъ и дѣлай имъ добро".

И понявъ такимъ образомъ эти столь простыя, опредѣленныя, не подверженныя никакимъ перетолкованіямъ, заповѣди Христа, я спросилъ себя: что бы было, если бы христіанскій міръ повѣрилъ въ эти заповѣди не въ томъ смыслѣ, что ихъ нужно пѣть или читать для умилостивленія Бога, а что ихъ нужно исполнять для счастія людей? Что бы было, если бы люди повѣрили обязательности этихъ заповѣдей хоть такъ же твердо, какъ они повѣрили тому, что надо каждый день молиться, каждое воскресенье ходитъ въ церковь, каждую пятницу ѣсть постное и каждый годъ говѣть? Что бы было, если бы люди повѣрили въ эти заповѣди хоть такъ же, какъ они вѣрятъ въ церковныя требованія? И я представилъ себѣ все христіанское общество, живущее и воспитывающее молодыя поколѣнія въ этихъ запо-

вѣдяхъ. Я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ съ дѣтства словомъ и примѣромъ внушается не то, что внушается теперь, что человѣкъ долженъ соблюдать свое достоинство, отстаивать передъ другими свои права (чего нельзя иначе сдѣлать, какъ унижая и оскорбляя другихъ), а внушается то, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ и не можетъ быть ниже или выше другого, что ниже и позорнѣе всѣхъ только тотъ, который хочетъ стать выше другихъ; что нѣтъ болѣе унизительнаго для человѣка состоянія, какъ состояніе гнѣва противъ другого человѣка, что кажущееся мнѣ ничтожество или безуміе человѣка не можетъ оправдать мой гнѣвъ противъ него и мой раздоръ съ нимъ. Вмѣсто всего устройства нашей жизни отъ витрины магазиновъ до театровъ, романовъ и женскихъ нарядовъ, вызывающихъ плотскую похоть, я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ внушается словомъ и дѣломъ, что увеселеніе себя похотливыми книгами, театрами и балами есть самое подлое увеселеніе, что всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью украшеніе тѣла, или выставленіе его, есть самый низкій и отвратительный поступокъ. Вмѣсто устройства нашей жизни, при которой считается необходимымъ и хорошимъ, чтобы молодой человѣкъ распутничалъ до женитьбы, вмѣсто того, чтобы жизнь, разлучающую супруговъ, считать самой естественной, вмѣсто узаконенія сословія женщинъ, служащихъ разврату; вмѣсто допусканія и благословенія развода, вмѣсто всего этого я представилъ себѣ, что намъ дѣломъ и словомъ внушается, что одинокое безбрачное состояніе человѣка, созрѣвшаго для половыхъ сношеній и не отрекшагося отъ нихъ, есть уродство и позоръ, что покиданіе человѣкомъ той, съ какой онъ сошелся, перемѣна ея для другой, есть не только такой же неестественный поступокъ, какъ кровосмѣшеніе, но есть и жестокій, безчеловѣчный поступокъ.—Вмѣсто того, чтобы вся жизнь наша была установлена въ насиліи, чтобы каждая радость наша добывалась и ограждалась насиліемъ, вмѣсто того, чтобы каждый изъ насъ былъ наказываемымъ или наказывающимъ съ дѣтства и до глубокой старости,—я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ внушается словомъ и дѣломъ, что месть есть самое низкое животное чувство, что насиліе есть не только позорный поступокъ, но поступокъ, лишающій человѣка истиннаго счастья, что радость жизни есть только та, которую *не нужно* ограждать насиліемъ, что высшее уваженіе

заслуживаетъ не тотъ, кто отнимаетъ или удерживаетъ свое отъ другихъ и кому служатъ другіе, а тотъ, кто больше отдаетъ свое и больше служитъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы считать прекраснымъ и законнымъ то, чтобы всякій присягалъ и отдавалъ все, что у него есть самаго драгоцѣннаго, т. е. всю свою жизнь, въ волю самъ не зная кого, я представилъ себѣ, что всѣмъ внушается то, что разумная воля человѣка есть та высшая святыня, которую человѣкъ никому не можетъ отдать, и что обѣщаться съ клятвой кому-нибудь въ чемъ-нибудь есть отреченіе отъ своего разумнаго существа, есть поруганіе самой высшей святыни. Я представилъ себѣ, что, вмѣсто тѣхъ народныхъ ненавистей, которыя, подъ видомъ любви къ отечеству, внушаются намъ, вмѣсто тѣхъ восхваленій убійства—войнъ, которыя съ дѣтства представляются намъ, какъ самые доблестные поступки, я представилъ себѣ, что намъ внушается ужасъ и презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ дѣятельностямъ—государственнымъ, дипломатическимъ, военнымъ, которыя служатъ раздѣленію людей, что намъ внушается то, что признаніе какихъ бы то ни было государствъ, особенныхъ законовъ, границъ, земель—есть признакъ самаго дикаго невѣжества, что воевать, т. е. убивать чужихъ, незнакомыхъ людей безъ всякаго повода, есть самое ужасное злодѣйство, до котораго можетъ дойти только заблудшій и развращенный человѣкъ, упавшій до степени животнаго. Я представилъ себѣ, что всѣ люди повѣрили въ это, и спросилъ себя: что бы тогда было?

Прежде я спрашивалъ себя, что будетъ изъ исполненія ученія Христа, какъ я понималъ его, и невольно отвѣчалъ себѣ: ничего. Мы всѣ будемъ молиться, пользоваться благодатью таинствъ, вѣрить въ искупленіе и спасеніе наше и всего міра Христомъ, и все-таки спасеніе это произойдетъ не отъ насъ, а оттого, что придетъ время конца міра. Христосъ придетъ въ свой срокъ во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ, и установится царство Бога независимо отъ нашей жизни. Теперь же ученіе Христа, какъ оно представилось мнѣ, имѣло еще и другое значеніе, установленіе царства Бога на землѣ зависѣло и отъ насъ. Исполненіе ученія Христа, выраженнаго въ пяти заповѣдяхъ, установляло это царство божіе. Царство Бога на землѣ есть миръ всѣхъ людей между собою. Миръ между людьми есть высшее, доступное на землѣ благо людей. Такъ представлялось царство Бога всѣмъ пророкамъ еврейскимъ. И такъ оно представля-

лось и представляется всякому сердцу человѣческому. Всѣ пророчества обѣщаютъ миръ людямъ.

Все ученіе Христа состоитъ въ томъ, чтобы дать царство Бога—миръ людямъ. Въ нагорной проповѣди, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ посланіи учениковъ, во всѣхъ поученіяхъ своихъ Онъ говоритъ только о томъ, что раздѣляетъ людей и мѣшаетъ имъ быть въ мирѣ и войти въ царство Бога. Всѣ притчи суть только описанія того, что есть царство Бога и что только, любя братьевъ и будучи въ мирѣ съ ними, можно войти въ него. Іоаннъ Креститель, предшественникъ Христа, говоритъ, что приблизилось царство Бога и что Іисусъ Христосъ даетъ его міру.

Христосъ говоритъ, что принесъ миръ на землю. Іоан. XIV, 27. „Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ не такъ, какъ міръ отдаетъ, я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается“.

И вотъ, эти пять заповѣдей Его дѣйствительно даютъ этотъ миръ людямъ. Всѣ пять заповѣдей имѣютъ только одну эту цѣль мира между людьми. Стоитъ людямъ повѣрить ученію Христа и исполнять его, и миръ будетъ на землѣ, и миръ не такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, частный, но миръ общій, ненарушимый, вѣчный.

Первая заповѣдь говоритъ: Будь въ мирѣ со всѣми, не позволяй себѣ считать другого человѣка ничтожнымъ или безумнымъ. (Мѳ. V, 22). Если нарушенъ миръ, то всѣ силы употребляй на то, чтобы возстановить его. Служеніе Богу есть уничтоженіе вражды. (Мѳ. V, 23—24). Мирись при малѣйшемъ раздорѣ, чтобы не потерять истинной жизни. Въ этой заповѣди сказано все; но Христосъ предвидитъ соблазны міра, нарушающіе миръ между людьми, и даетъ вторую заповѣдь противъ соблазна половыхъ отношеній, нарушающаго миръ. Не смотри на красоту плотскую, какъ на потѣху; впередъ избѣгай этого соблазна (28—30); бери мужъ одну жену, и жена одного мужа, и не покидайте другъ друга ни подъ какимъ предлогомъ (32). Другой соблазнъ это клятвы, вводящіе людей въ грѣхъ. Знай впередъ, что это зло, и не давай никакихъ обѣтовъ (34—47). Третій соблазнъ—это месть, называющаяся человѣческимъ правосудіемъ, не мсти и не отговаривайся тѣмъ, что тебя обидятъ,—неси обиды, а не дѣлай зла за зло (38—42). Четвертый соблазнъ—это различіе народовъ—вражда племенъ и государствъ. Знай, что всѣ люди—братья и сыны одного Бога,

и не нарушай мира ни съ кѣмъ во имя народныхъ цѣлей (43—48). Не исполнятъ люди одну изъ этихъ заповѣдей — миръ будетъ нарушенъ. Исполнятъ люди всѣ заповѣди, и царство мира будетъ на землѣ. Заповѣди исключаютъ все зло изъ жизни людей.

При исполненіи этихъ заповѣдей жизнь людей будетъ то, чего ищетъ и желаетъ всякое сердце человѣческое. Всѣ люди будутъ братья, и всякій будетъ всегда въ мирѣ съ другими, наслаждаясь всѣми благами мира тотъ срокъ жизни, который удѣленъ ему Богомъ. Перекуютъ люди мечи на орала и копья на серпы. Будетъ то царство Бога, царство мира, которое обѣщали всѣ пророки, и которое близилось при Іоаннѣ Крестителѣ, и которое возвѣщалъ и возвѣстилъ Христосъ, говоря словами Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ, ибо онъ помазалъ меня благовѣтствовать нищимъ и послалъ меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу. Проповѣдывать лѣто Господне благопріятное". (Лук. IV, 18—19; Исаіи 61, 1—2).

Заповѣди мира, данныя Христомъ, простыя, ясныя, предвидящія всѣ случаи раздора и предотвращающія его, открываютъ это царство Бога на землѣ. Стало быть, Христосъ точно Мессія. Онъ исполнилъ обѣщанное. Мы только не исполняемъ того, чего вѣчно желали всѣ люди,—того, о чемъ мы молились и молимся.

VII.

Отчего же люди не дѣлаютъ того, что Христосъ сказалъ имъ и что даетъ имъ высшее доступное человѣку благо, чего они вѣчно желали и желаютъ? И со всѣхъ сторонъ я слышу одинъ, разными словами выражаемый, одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Ученіе Христа очень хорошо, и правда, что при исполненіи его установилось бы царство Бога на землѣ, но оно трудно и потому неисполнимо".

Ученіе Христа о томъ, какъ должны жить люди, божественно хорошо, и даетъ благо людямъ, но людямъ трудно исполнять его. Мы такъ часто повторяемъ и слышимъ это, что намъ не бросается въ глаза то противорѣчіе, которое находится въ этихъ словахъ.

Человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. И всякое ученіе о жизни людей есть только ученіе о томъ,

что лучше для людей. Если людямъ показано, что имъ лучше дѣлать, то какъ же они могутъ говорить, что они желаютъ дѣлать то, что лучше, но не могутъ? Люди не могутъ дѣлать только то, что хуже, а не могутъ не дѣлать того, что лучше.

Разумная дѣятельность человѣка съ тѣхъ поръ, какъ есть человѣкъ, направлена къ тому, чтобы найти, что лучше изъ тѣхъ противорѣчій, которыми наполнена жизнь и отдѣльнаго человѣка, и всѣхъ людей вмѣстѣ.

Люди дерутся за землю, за предметы, которые имъ нужны и потомъ доходятъ до того, что дѣлятъ все и называютъ это собственностью; они находятъ, что хотя и трудно учредить это, но такъ лучше, и держатся собственности; люди дерутся за женъ, бросаютъ дѣтей, потомъ находятъ, что лучше, чтобы у каждаго была своя семья, и хотя очень трудно питать семью, люди держатся собственности, семьи и многаго другого. И какъ только люди нашли, что такъ лучше, то какъ бы это трудно ни было, такъ и дѣлаютъ. Что же такое значитъ, что мы говоримъ: ученіе Христа прекрасно, жизнь по ученію Христа лучше, чѣмъ та, которою мы живемъ; но мы не можемъ жить такъ, чтобы было лучше, потому что это „трудно".

Если это слово „трудно" понимать такъ, что трудно жертвовать мгновеннымъ удовлетвореніемъ своей похоти большому благу, то почему же мы не говоримъ, что трудно пахать для того, чтобы былъ хлѣбъ, сажать яблони, чтобы были яблоки? То, что надо переносить трудности для достиженія большаго блага—это знаетъ всякое существо, одаренное первымъ зачаткомъ разума. И вдругъ оказывается, что мы говоримъ, что ученіе Христа прекрасно, но что оно неисполнимо, потому что трудно. Трудно же потому, что слѣдуя ему, мы должны лишаться того, чего мы прежде не лишались. Мы какъ будто никогда не слыхали того, что выгоднѣе иногда потерпѣть и лишиться, чѣмъ ничего не терпѣть и удовлетворять всегда свою похоть.

Человѣкъ можетъ быть животнымъ, и никто не станетъ упрекать его въ томъ; но человѣкъ не можетъ разсуждать о томъ, что онъ хочетъ быть животнымъ. Какъ только онъ разсуждаетъ, онъ сознаетъ себя разумнымъ, и, сознавая себя разумнымъ, онъ не можетъ не признавать того, что разумно и того, что неразумно. Разумъ ничего не приказываетъ, онъ *только освѣщаетъ*.

Я въ темнотѣ избилъ руки и колѣна, отыскивая дверь. Вошелъ человѣкъ со свѣтомъ, и я увидалъ дверь. Я не могу уже биться въ стѣну, когда я вижу дверь, и еще менѣе могу утверждать, что я вижу дверь, нахожу, что лучше пройти въ дверь, но что это трудно и потому я хочу продолжать биться колѣнками объ стѣну.

Въ этомъ удивительномъ разсужденіи: христіанское ученіе хорошо и даетъ благо міру; но люди слабы, люди дурны, и хотятъ дѣлать лучше, а дѣлаютъ хуже; и потому не могутъ дѣлать лучше,—есть очевидное недоразумѣніе.

Тутъ, очевидно, не ошибка разсужденія, а что нибудь другое. Тутъ должно быть какое нибудь ложное представленіе. Только ложное представленіе о томъ, что есть то, чего нѣтъ, и нѣтъ того, что̀ есть, можетъ привести людей къ такому странному отрицанію исполнимости того, что, по ихъ же признанію, даетъ имъ благо.

Ложное представленіе, приведшее къ этому, есть то̀, что называется догматическою христіанскою вѣрою,—тою самою, которой съ дѣтства учатъ всѣхъ исповѣдующихъ церковную христіанскую вѣру по разнымъ православнымъ, католическимъ и протестантскимъ катехизисамъ.

Вѣра эта, по опредѣленію вѣрующихъ, есть признаніе существующимъ того, что̀ кажется (это сказано у Павла и повторяется во всѣхъ богословіяхъ и катехизисахъ, какъ лучшее опредѣленіе вѣры). И вотъ это-то признаніе существующимъ того, что кажется, и привело людей къ такому странному утвержденію того, что ученіе Христа хорошо для людей, но не годится для людей.

Ученіе этой вѣры, въ самомъ точномъ его выраженіи такое: личный Богъ, существующій вѣчно, одинъ въ трехъ лицахъ, вдругъ вздумалъ сотворить міръ духовъ. Богъ благой сотворилъ этотъ міръ духовъ для ихъ блага; но случилось, что одинъ изъ духовъ сдѣлался самъ злымъ и потому несчастнымъ. Прошло много времени, и Богъ сотворилъ другой міръ, вещественный, и человѣка тоже для его блага. Богъ сотворилъ человѣка блаженнымъ, безсмертнымъ и безгрѣшнымъ. Блаженство человѣка состояло въ пользованіи благомъ жизни безъ труда; безсмертіе его состояло въ томъ, что онъ всегда долженъ былъ такъ жить; безгрѣшность его состояло въ томъ, что онъ не зналъ зла.

Человѣкъ этотъ въ раю былъ соблазненъ тѣмъ духомъ перваго творенія, который самъ собой сдѣлался злымъ, и

человѣкъ съ тѣхъ поръ палъ и стали рождаться такіе же падшіе люди, и съ тѣхъ поръ люди стали работать, болѣть, страдать, умирать, бороться тѣлесно и духовно, т. е. воображаемый человѣкъ сдѣлался дѣйствительнымъ, такимъ, какимъ мы его знаемъ и котораго не можемъ и не имѣемъ права и основанія вообразить себѣ инымъ. Состояніе человѣка трудящагося, страдающаго и избирающаго добро и избѣгающаго зла и умирающаго, то, которое есть и помимо котораго мы не можемъ себѣ ничего представить, по ученію этой вѣры, не есть настоящее положеніе человѣка, а есть несвойственное ему, случайное, временное положеніе.

Не смотря на то, что состояніе это продолжалось для всѣхъ людей, по этому ученію, отъ изгнанія Адама изъ рая, т. е. отъ начала міра до рожденія Христа, и точно такъ же продолжается и послѣ для всѣхъ людей, вѣрующіе должны воображать, что это есть только случайное, временное состояніе. По этому ученію сынъ Бога — самъ Богъ, второе лицо Троицы, посланъ Богомъ на землю въ образѣ человѣка затѣмъ, чтобы спасти людей отъ этого, несвойственнаго имъ, случайнаго, временнаго состоянія, снять съ нихъ всѣ проклятія, наложенныя на нихъ тѣмъ же Богомъ за грѣхъ Адама и возстановить ихъ въ ихъ прежнемъ естественномъ состояніи блаженства, т. е. безболѣзненности, безсмертія, безгрѣшности и праздности. Второе лицо Троицы—Христосъ, по этому ученію, тѣмъ, что люди его казнили, этимъ самымъ искупилъ грѣхъ Адама и прекратилъ это неестественное состояніе человѣка, продолжавшееся отъ начала міра. И съ тѣхъ поръ человѣкъ повѣрившій въ Христа, сталъ опять такимъ же, какимъ онъ былъ въ раю, т. е. безсмертнымъ, неболѣющимъ, безгрѣшнымъ и празднымъ.

На этой части осуществленія искупленія, вслѣдствіе которой послѣ Христа земля для вѣрующихъ уже стала рождать вездѣ безъ труда, болѣзни прекратились, и чада стали родиться у матерей безъ страданій, — ученіе это не очень останавливается, потому что тѣмъ, которымъ тяжело работать и больно страдать, какъ бы они ни вѣрили, трудно внушить, что не трудно работать и не больно страдать. Но та часть ученія, по которой смерти и грѣха уже нѣтъ, утверждается съ особенной силой.

Утверждается, что мертвые продолжаютъ быть живы. *И такъ какъ* мертвые никакъ не могутъ ни подтвердить того,

что они умерли, ни того, что они живы, такъ же какъ камень не можетъ подтвердить того, что онъ можетъ или не можетъ говорить, то это отсутствіе отрицанія принимается за доказательство и утверждается, что люди, которые умерли, не умерли. И еще съ большей торжественностью и увѣренностью утверждается то, что послѣ Христа, вѣрою въ него, человѣкъ освобождается отъ грѣха, т. е. что человѣку послѣ Христа, не нужно уже разумомъ освѣщать свою жизнь и избирать то, что для него лучше. Ему нужно вѣрить только, что Христосъ искупилъ его отъ грѣха, и тогда онъ всегда безгрѣшенъ, т. е. совершенно хорошъ. По этому ученію люди должны воображать, что въ нихъ разумъ безсиленъ и что потому-то они и безгрѣшны, т. е. не могутъ ошибаться.

Истинно вѣрующій долженъ воображать, что со времени Христа земля родитъ безъ труда, дѣти родятся безъ мукъ, болѣзней нѣтъ, смерти нѣтъ и грѣха, т. е. ошибокъ нѣтъ, т. е. нѣтъ того, что есть, и что есть то, чего нѣтъ.

Такъ говоритъ строго-логическая богословская теорія.

Ученіе это само по себѣ кажется невинно. Но отступленіе отъ истины никогда не бываетъ невинно и влечетъ за собой свои послѣдствія, тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ значительнѣе тотъ предметъ, о которомъ говорится неправда. Здѣсь же предметъ, о которомъ говорится неправда, есть вся жизнь человѣческая.

То, что по этому ученію называется истинною жизнью, есть жизнь личная, блаженная, безгрѣшная и вѣчная, т. е. такая, какую никто никогда не зналъ и которой нѣтъ. Жизнь же та, которою жило и живетъ все человѣчество, есть по этому ученію жизнь падшая, дурная, есть только образчикъ той хорошей жизни, которая намъ слѣдуетъ.

Та борьба между стремленіемъ къ жизни животной и жизни разумной, которая лежитъ въ душѣ каждаго человѣка и составляетъ сущность жизни каждаго, по этому ученію совершенно устраняется. Борьба эта переносится въ событіе, совершившееся въ раю съ Адамомъ при сотвореніи міра. И вопросъ о томъ: ѣсть ли мнѣ или не ѣсть тѣ яблоки, которые соблазняютъ меня? — не существуетъ для человѣка по этому ученію. Вопросъ этотъ разъ навсегда рѣшенъ Адамомъ въ раю въ отрицательномъ смыслѣ. Адамъ за меня согрѣшилъ, т. е. ошибся, и всѣ люди, всѣ мы безвозвратно пали, и всѣ наши усилія жить разумно — без-

полезны и даже безбожны. Я дуренъ непоправимо, и долженъ знать это. И спасеніе мое не въ томъ, что я разумомъ могу освѣтить свою жизнь, и, узнавъ хорошее и дурное, дѣлать то, чтò лучше. Нѣтъ, Адамъ разъ навсегда за меня сдѣлалъ дурно, и Христосъ разъ навсегда поправилъ это дурное, сдѣланное Адамомъ, и потому я долженъ, какъ зритель, сокрушаться о паденіи Адама и радоваться о спасеніи Христомъ.

Вся же та любовь къ добру и истинѣ, которая лежитъ въ душѣ человѣка, всѣ усилія его освѣтить разумомъ явленія жизни, вся моя духовная жизнь—все это не только не важно по этому ученію, но это есть прелесть или гордость.

Жизнь, какая есть здѣсь на землѣ со всѣми ея радостями, красотами, со всею борьбою разума противъ тьмы,—жизнь всѣхъ людей, жившихъ до меня, вся моя жизнь съ моей внутренней борьбой и побѣдами разума есть жизнь не истинная, а жизнь павшая, безнадежно испорченная; жизнь же истинная, безгрѣшная—въ вѣрѣ, т. е. въ воображеніи, т. е. въ сумасшествіи.

Пусть человѣкъ, отрѣшившись отъ привычки, взятой съ дѣтства допускать все это, постарается взглянуть просто, прямо на это ученіе, пусть онъ перенесется мыслью въ свѣжаго человѣка, воспитаннаго внѣ этого ученія, и представитъ себѣ, какимъ покажется это ученіе такому человѣку? Вѣдь это полное сумасшествіе!

И какъ ни странно и не страшно это думать, я не могъ не признать этого, потому что это одно объясняло мнѣ то удивительное, противорѣчивое, безсмысленное возраженіе, которое я слышу со всѣхъ сторонъ противъ исполнимости ученія Христа: *оно хорошо и даетъ счастіе людямъ, но люди не могутъ исполнять его.*

Только представленіе существующимъ того, чтò не существуетъ, и несуществующимъ того, что существуетъ, могло привести къ этому удивительному противорѣчію. И такое ложное представленіе я нашелъ въ проповѣдуемой 1500 лѣтъ псевдохристіанской вѣрѣ.

Но возраженіе противъ ученія Христа о томъ, что оно хорошо, но неисполнимо, дѣлаютъ не одни вѣрующіе, его дѣлаютъ и невѣрующіе, такіе люди, которые не вѣрятъ или думаютъ, что не вѣрятъ въ догматъ грѣхопаденія и искупленія. Возраженіе противъ ученія Христа, состоящее

въ его неисполнимости, дѣлаютъ люди науки, философы, вообще люди образованные и считающіе себя совершенно свободными отъ всякихъ суевѣрій, они не вѣрятъ или думаютъ, что не вѣрятъ ни во что, и потому считаютъ себя свободными отъ суевѣрія, грѣхопаденія и искупленія. И мнѣ такъ казалось это сначала. Мнѣ тоже казалось, что эти ученые люди имѣютъ другія основанія для отрицанія исполнимости ученія Христа. Но, вникнувъ глубже въ основы ихъ отрицанія, я убѣдился, что у невѣрующихъ тоже ложное представленіе о томъ, что наша жизнь не есть то, что есть, а то, что имъ кажется, и что представленіе это зиждется на той же основѣ, какъ и представленіе вѣрующихъ. Признающіе себя невѣрующими, правда, не вѣруютъ ни въ Бога, ни въ Христа, ни въ Адама; но въ основное ложное представленіе о правахъ человѣка на блаженную жизнь, на которомъ зиждется все, въ него они вѣруютъ также и еще тверже, чѣмъ богословы.

Какъ ни храбрись привиллегированная наука съ философіей, увѣряя, что она рѣшительница и руководительница умовъ,—она не руководительница, а слуга. Міросозерцаніе всегда дано ей готовое религіей, и наука только работаетъ на пути, указанномъ ей религіей. Религія открываетъ смыслъ жизни людей, а наука прилагаетъ этотъ смыслъ къ различнымъ сторонамъ жизни. И потому, если религія даетъ ложный смыслъ жизни, то наука, воспитанная въ этомъ религіозномъ міросозерцаніи, будетъ съ разныхъ сторонъ прикладывать этотъ ложный смыслъ къ жизни людей. Вотъ это-то и случилось съ нашей европейско-христіанской наукой—философіей.

Церковное ученіе дало основной смыслъ жизни людей въ томъ, что человѣкъ имѣетъ право на блаженную жизнь и что блаженство это достигается не усиліями человѣка а чѣмъ-то внѣшнимъ, и это міросозерцаніе и стало основой всей нашей науки и философіи.

Религія, наука, общественное мнѣніе, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что дурна та жизнь, которую мы ведемъ: но что ученіе о томъ, какъ самимъ стараться быть лучше и этимъ сдѣлать и самую жизнь лучше—ученіе это неисполнимо.

Ученіе Христа, въ смыслѣ улучшенія жизни людей своими разумными силами, неисполнимо потому, что Адамъ палъ и міръ лежитъ во злѣ,—говоритъ религія.

Ученіе это неисполнимо потому, что жизнь человѣческая совершается по извѣстнымъ, независимымъ отъ воли человѣка, законамъ,—говоритъ наша философія. Философія и вся наука только другими словами говоритъ совершенно тоже, что говоритъ религія догматомъ первороднаго грѣха и искупленія.

Въ ученіи искупленія два основныя положенія, на которыя все опирается: 1) законная жизнь человѣческая есть жизнь блаженная, жизнь же мірская здѣсь есть жизнь дурная, непоправимая усиліями человѣка, и 2) спасеніе отъ этой жизни въ вѣрѣ.

Эти два положенія стали основой міросозерцанія и вѣрующихъ и невѣрующихъ нашего псевдо-христіанскаго общества. Изъ второго положенія вытекла церковь съ ея учрежденіями. Изъ перваго вытекаетъ наше общественное мнѣніе и наши философскія и политическія теоріи.

Всѣ философскія и политическія теоріи, оправдывающія существующій порядокъ, гегельянизмъ и его дѣти зиждутся на этомъ положеніи. Пессимизмъ, требующій отъ жизни того, что она не можетъ дать, и потому отрицающій жизнь, вытекаетъ изъ него же.

Матеріализмъ съ его удивительнымъ, восторженнымъ утвержденіемъ, что человѣкъ есть процессъ и больше ничего, есть законное дѣтище этого ученія, признавшаго, что жизнь здѣшняя есть жизнь падшая. Спиритизмъ съ его учеными послѣдователями есть лучшее доказательство того, что научное и философское воззрѣніе не свободно, а основано на религіозномъ ученіи блаженной, вѣчной жизни, свойственной человѣку.

Извращеніе смысла жизни извратило всю разумную дѣятельность человѣка. Догматъ паденія и искупленія человѣка заслонилъ отъ людей самую важную и законную область дѣятельности человѣка и исключилъ изъ всей области знанія человѣческаго знаніе того, что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы ему самому быть счастливѣе и лучше. Наука и философія, воображая, что они дѣйствуютъ враждебно псевдохристіанству, гордясь этимъ, только работаютъ на него. Наука и философія трактуютъ обо всемъ, о чемъ хотите, но только не о томъ, какъ человѣку самому быть и жить лучше. То, что называется этикой — нравственнымъ ученіемъ, совершенно исчезло въ нашемъ псевдо-христіанскомъ обществѣ.

И вѣрующіе и невѣрующіе одинаково не спрашиваютъ себя о томъ, какъ надо жить и какъ употребить тотъ разумъ, который данъ намъ, а спрашиваютъ себя: отчего жизнь наша людская не такая, какою мы себѣ ее вообразили, и когда она сдѣлается такою, какою намъ хочется?

Только благодаря этому ложному ученію, всосавшемуся въ плоть и кровь нашихъ поколѣній, могло случиться то удивительное явленіе, что человѣкъ точно выплюнулъ то яблоко познанія добра и зла, которое онъ, по преданію, съѣлъ въ раю, и, забывъ то, что вся исторія человѣка только въ томъ, чтобы разрѣшать противорѣчія разумной и животной природы, сталъ употреблять свой разумъ на то, чтобы находить законы историческіе одной своей животной природы.

Религіозныя и философскія ученія всѣхъ народовъ, за исключеніемъ философскихъ ученій псевдо-христіанскаго міра, всѣ, которыя мы знаемъ: іудаизмъ, конфуціанство, буддизмъ, браманизмъ, греческая мудрость,—всѣ ученія имѣютъ цѣлью устройство жизни людской и уясненіе людямъ того, какъ каждый долженъ стремиться къ тому, чтобы быть и жить лучше. Все конфуціанство—въ личномъ совершенствованіи, іудаизмъ—въ личномъ слѣдованіи каждаго завѣту съ Богомъ, буддизмъ—въ ученіи о томъ, какъ каждому спастись отъ зла жизни. Сократъ училъ личному совершенствованію во имя разума, стоики разумную свободу признаютъ единой основой истинной жизни.

Вся разумная дѣятельность человѣка не могла не быть и всегда была въ одномъ—въ освѣщеніи разумомъ стремленія къ благу. Свобода воли,—говоритъ наша философія,—есть иллюзія, и очень гордится смѣлостью этого утвержденія. Но свобода воли есть не только иллюзія—это есть слово, не имѣющее никакого значенія. Это слово, выдуманное богословами и криминалистами, и опровергать это слово—бороться съ мельницами. Но разумъ, тотъ, который освѣщаетъ нашу жизнь и заставляетъ пасъ измѣнять наши поступки, есть не иллюзія и его-то ужъ никакъ нельзя отрицать. Слѣдованіе разуму для достиженія блага, въ этомъ было всегда ученіе всѣхъ истинныхъ учителей человѣчества, и въ этомъ все ученіе Христа, и его-то, т. е. разумъ, отрицать разумомъ уже никакъ нельзя.

Ученіе Христа есть ученіе о сынѣ человѣческомъ, общемъ всѣмъ людямъ, т. е. объ общемъ всѣмъ людямъ разумѣ, освѣщающемъ человѣка въ этомъ стремленіи (Доказывать,

что сынъ человѣческій значитъ сынъ человѣческій, совершенно излишне. Для того, чтобы подъ сыномъ человѣческимъ разумѣть что-нибудь другое, чѣмъ то, что значатъ слова, надо доказать то, что Христосъ умышленно употреблялъ для обозначенія того, что онъ хотѣлъ сказать, слова, имѣющія совсѣмъ другое значеніе. Но если даже, какъ это хочетъ церковь, сынъ человѣческій значитъ сынъ Божій, то и тогда сынъ человѣческій значитъ тоже человѣкъ по своей сущности, потому что сынами божьими Христосъ называетъ всѣхъ людей).

Ученіе Христа о сынѣ человѣческомъ—сынѣ Бога, составляющее основу всѣхъ Евангелій, яснѣе всего выражено въ бесѣдѣ съ Никодимомъ. Каждый человѣкъ, — говоритъ онъ,—кромѣ сознанія своей плотской, личной жизни, происшедшей отъ мужскаго отца въ утробѣ плотской матери не можетъ не сознать свое рожденіе свыше (Іоан. III, 5, 6, 7). То, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ свободнымъ,—это-то и есть то, что рождено отъ безконечнаго, отъ того, что мы называемъ Богомъ (11—14). Это-то, рожденное отъ Бога, этого сына Бога въ человѣкѣ мы должны возвысить въ себѣ для того, чтобы получить жизнь истинную (14—17). Сынъ человѣческій есть сынъ Бога однородный (а не единородный). Тотъ, кто возвыситъ въ себѣ этого сына Бога надъ всѣмъ остальнымъ, кто повѣритъ, что жизнь только въ немъ, тотъ не будетъ въ раздѣленіи съ жизнью. Раздѣленіе съ жизнью происходитъ только отъ того, что люди не вѣрятъ въ свѣтъ, который есть въ нихъ, 18—21 (Тотъ свѣтъ, о которомъ сказано въ Евангеліи Іоанна, что въ немъ жизнь, и что жизнь есть свѣтъ людей).

Христосъ учитъ тому, чтобы надъ всѣмъ возвысить сына человѣческаго, который есть сынъ Бога и свѣтъ людей. Онъ говоритъ: Когда возвысите (вознесете, возвеличите) сына человѣческаго, вы узнаете, что я ничего не говорю отъ себя лично. Іоан. XII, 32, 44, 49. Евреи не понимаютъ его ученія и спрашиваютъ: кто этотъ сынъ человѣческій, котораго надо возвысить? Іоан. XII, 34. И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: Іоан. XII, 35. „Еще на малое время свѣтъ *въ васъ* [1]) есть. Ходите, пока есть свѣтъ, чтобы тьма не объяла

---

[1]) Во всѣхъ церковныхъ переводахъ въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ *умышленно ложный* переводъ: вмѣсто словъ *въ васъ* ἐν ὑμῖν, вездѣ, гдѣ *встрѣчаются эти слова*, стоитъ: *съ вами*.

васъ. Тотъ, кто ходитъ во тьмѣ, не знаетъ, куда идетъ". На вопросъ, что значитъ: возвысить сына человѣческаго, Христосъ отвѣчаетъ: жить въ томъ свѣтѣ, который есть въ людяхъ.

Сынъ человѣческій, по отвѣту Христа,—это свѣтъ, въ которомъ люди должны ходить, пока есть свѣтъ въ нихъ.

Лука XI, 35. Смотри, не сдѣлался ли свѣтъ, находящійся въ тебѣ,—тьмою?

Мѳ. VI, 23. Если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?—говоритъ онъ, поучая всѣхъ людей.

Прежде и послѣ Христа люди говорили то же самое; то, что въ человѣкѣ живетъ божественный свѣтъ, сошедшій съ неба, и свѣтъ этотъ есть разумъ,—и что ему одному надо служить и въ немъ одномъ искать благо. Это говорили и учители браминовъ, и пророки еврейскіе, и Конфуцій и Сократъ, и Маркъ Аврелій и Эпиктетъ, и всѣ истинные мудрецы, не составители философскихъ теорій, а тѣ люди, которые искали истины для блага своего и всѣхъ людей [1]).

И вдругъ мы по догмату искупленія признали, что объ этомъ-то свѣтѣ въ человѣкѣ говорить и думать вовсе и не нужно. Надо думать, говорятъ вѣрующіе, о томъ, какое естество у какого лица Троицы, какія таинства надо и не надо совершать; потому что спасеніе людей произойдетъ не отъ нашихъ усилій, а отъ Троицы и отъ правильнаго совершенія таинствъ. Надо думать, говорятъ невѣрующіе, о томъ, по какимъ законамъ совершаетъ движенія безконечно малая частица матеріи въ безконечномъ пространствѣ въ безконечное время; но о томъ, чего для его блага требуетъ разумъ человѣка, объ этомъ думать не надо, потому что улучшеніе состоянія человѣка произойдетъ не отъ него, а отъ общихъ законовъ, которые мы откроемъ.

---

[1]) Маркъ Аврелій говоритъ: „Почитай то, что могущественнѣе всего въ мірѣ, то, что пользуется всѣмъ и всѣмъ управляетъ. Почитай тоже то, что могущественно въ тебѣ. Оно подобно первому, потому что оно пользуется тѣмъ, что есть въ тебѣ и управляетъ твоей жизнью".

Эпиктетъ говоритъ: «Богъ посѣялъ сѣмя свое не только въ моего отца и дѣда, но и во всѣ существа, живущія на землѣ, въ особенности въ разумныя, потому что они одни входятъ въ сношеніе съ Богомъ черезъ разумъ, которымъ они соединены съ нимъ».

Въ книгѣ Конфуція сказано: „Законъ великой науки въ томъ, чтобы развивать и возстановлять начало свѣта разума, которое мы получили съ неба". Это положеніе повторяется нѣсколько разъ и служитъ основой ученія Конфуція.

Я убѣжденъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ называемой научной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній. Нѣсколько вѣковъ ученые люди западной малой части большого материка находились въ повальномъ сумасшествіи, воображая, что имъ принадлежитъ вѣчная блаженная жизнь, и занимались всякаго рода элукубраціями о томъ, какъ, по какимъ законамъ наступитъ для нихъ эта жизнь; сами же ничего не дѣлали и не думали никогда ничего о томъ, какъ сдѣлать эту свою жизнь лучше. И что будетъ представляться еще трогательнѣе будущему историку—это то, что онъ найдетъ, что у людей этихъ былъ учитель, ясно, опредѣленно указавшій имъ, что имъ должно дѣлать, чтобы жить счастливѣе, и что слова этого учителя были объяснены одними такъ, что онъ на облакахъ придетъ все устроить, а другими такъ, что слова этого учителя прекрасны, но неисполнимы, потому что жизнь человѣческая не такая, какую бы мы хотѣли, и потому не стоитъ ею заниматься, а разумъ человѣческій долженъ быть направленъ на изученіе законовъ этой жизни безъ всякаго отношенія къ благу человѣка.

Церковь говоритъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь здѣшняя есть образчикъ жизни настоящей; она хороша быть не можетъ, она вся есть зло. Наилучшее средство прожить эту жизнь состоитъ въ томъ, чтобы презирать ее и жить вѣрою (т. е. воображеніемъ) въ жизнь будущую, блаженную, вѣчную; а здѣсь жить, какъ живется, и молиться.

Философія, наука, общественное мнѣніе говорятъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь человѣка зависитъ не отъ того свѣта разума, которымъ онъ можетъ освѣтить самую эту жизнь, а отъ общихъ законовъ, и потому не надо освѣщать эту жизнь разумомъ и жить согласно съ нимъ, а надо жить, какъ живется, твердо вѣруя, что, по законамъ прогресса историческаго, соціалогическаго и другихъ, послѣ того, какъ мы очень долго будемъ жить дурно, наша жизнь сдѣлается сама собой очень хорошей.

Приходятъ люди во дворъ, находятъ въ этомъ дворѣ все, что нужно для ихъ жизни: домъ со всею утварью, амбары, полные хлѣбомъ, погреба, подвалы со всѣми запасами; на дворѣ—орудія земледѣльческія, снасть, сбруя, лошади, коровы, овцы, полное хозяйство—все, что нужно для довольной жизни. *Люди* съ разныхъ сторонъ приходятъ въ этотъ дворъ и начи-

наютъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что они находятъ тутъ, каждый только для себя, не думая ничего оставлять ни тѣмъ, которые теперь съ ними въ домѣ, ни тѣмъ, которые придутъ послѣ. Каждый хочетъ все для себя. Каждый торопится воспользоваться, чѣмъ можетъ, и начинается истребленіе всего—борьба, драка за предметы обладанія: корову молочную, не стриженныхъ котныхъ овецъ бьютъ на мясо; станками и телѣгами топятъ печи, дерутся за молоко, за зерно, проливаютъ и просыпаютъ и губятъ больше, чѣмъ пользуются. Никто спокойно не съѣстъ куска, ѣстъ и огрызается; приходитъ сильнѣйшій и отнимаетъ, а у того отнимаетъ другой.

Намучившись, избитые, голодные люди уходятъ изъ двора. Опять хозяинъ приготовляетъ все во дворѣ такъ, чтобы люди могли спокойно жить въ немъ. Опять дворъ—полная чаша, опять приходятъ прохожіе, и опять свалка, драка, все идетъ тунью, и опять измученные, избитые и озлобленные люди выходятъ вонъ, ругаясь и злобясь и на товарищей и на хозяина, что онъ плохо и мало заготовилъ. Опять добрый хозяинъ учреждаетъ дворъ такъ, чтобы могли жить въ немъ люди, и опять тоже и опять, и опять, и опять. И вотъ въ одинъ изъ новыхъ приходовъ людей находится учитель, который говоритъ другимъ: братцы! мы не то дѣлаемъ. Смотрите, сколько добра во дворѣ, какъ все хозяйственно устроено! На всѣхъ насъ хватитъ и останется тѣмъ, которые послѣ насъ придутъ, только давайте съ умомъ жить. Не будемъ другъ у дружки отнимать, а будемъ помогать другъ другу. Станемъ сѣять, пахать, скотину водить, и всѣмъ хорошо будетъ жить. И вотъ случилось, что кое-кто понялъ, что говорилъ учитель, и стали эти понявшіе такъ дѣлать: перестали драться, отнимать другъ у дружки и стали работать. Но остальные, которые или не слыхали рѣчей учителя, или и слышали, да не вѣрили имъ, не дѣлали по словамъ человѣка, а по прежнему дрались и губили хозяйское добро, и уходили. Приходили другіе и было то же самое. Тѣ, которые послушали учителя, говорили все свое: не деритесь, не губите хозяйское добро, вамъ лучше будетъ. Дѣлайте, какъ сказалъ учитель. Но все еще было много такихъ, которые не слыхали и не вѣрили, и дѣло шло долго все по старому. Все это понятно, и такъ точно могло быть, пока люди не вѣрили тому, что говорилъ учитель. Но вотъ разсказываютъ, что пришло время, всѣ услыхали во дворѣ слова учителя, всѣ поняли ихъ, всѣ, мало что поняли, всѣ признали, что это

самъ Богъ говоритъ черезъ учителя, что и учитель-то былъ самъ Богъ, и всѣ повѣрили, какъ въ святыню, въ каждое слово учителя. Но разсказываютъ, что будто послѣ этого, вмѣсто того, чтобы всѣмъ жить по словамъ учителя, вышло то, что послѣ этого ужъ никто не сталъ удерживаться отъ свалки и пошли всѣ бузовать другъ друга, и стали всѣ говорить, что теперь-то мы вѣрно знаемъ, что такъ надо и что иначе нельзя.

Что же это такое значитъ? Вѣдь скотина—и та сладится, какъ ей такъ кормъ ѣсть, чтобы не сбивать его даромъ, а люди узнали, какъ надо лучше жить, повѣрили, что самъ Богъ имъ велѣлъ такъ жить, и живутъ еще хуже, потому что, говорятъ, нельзя жить иначе. Что-нибудь другое вообразили себѣ эти люди. Ну, что же могли вообразить себѣ эти люди во дворѣ, чтобы, повѣривъ словамъ учителя, продолжать жизнь попрежнему, отнимать другъ у друга, драться, губить добро и себя? А вотъ что: Учитель сказалъ имъ: ваша жизнь въ этомъ дворѣ дурная, живите лучше, и ваша жизнь будетъ хорошая, а они вообразили, что учитель осудилъ всю жизнь въ этомъ дворѣ и обѣщалъ имъ другую хорошую жизнь не на этомъ дворѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И они рѣшили, что этотъ *дворъ постоялый* и что не стоитъ стараться жить въ немъ хорошо: а что надо только заботиться о томъ, какъ бы не прозѣвать ту обѣщанную хорошую жизнь въ другомъ мѣстѣ. Только этимъ можно объяснить странное поведеніе во дворѣ тѣхъ людей, которые вѣрятъ, что учитель былъ Богъ, и тѣхъ, которые считаютъ его умнымъ человѣкомъ и слова его справедливыми, но продолжаютъ жить по старому, противно совѣтамъ учителя.

Люди все слышали, все поняли, но только пропустили мимо ушей то, что учитель говорилъ только о томъ, что людямъ надо дѣлать свое счастье самимъ здѣсь, на томъ дворѣ, на которомъ они сошлись, а они вообразили себѣ, что это дворъ постоялый, а тамъ гдѣ-то будетъ настоящій. И вотъ отъ этого вышло то удивительное разсужденіе, что слова учителя очень прекрасны и даже слова Бога, но исполнять ихъ теперь трудно.

Только бы люди перестали себя губить и ожидать, что кто-то придетъ и поможетъ имъ: Христосъ на облакахъ съ трубнымъ гласомъ, или историческій законъ, или законъ дифференціаціи и интеграціи силъ. Никто не поможетъ, коли *сами себѣ* не помогутъ. А самимъ себѣ и помогать нечего.

Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли, а самимъ перестать губить себя.

VIII.

Но положимъ, что ученіе Христа даетъ блаженство міру, положимъ, что оно разумно, и человѣкъ, на основаніи разума, не имѣетъ права отрекаться отъ него; но что̀ дѣлать одному среди міра людей, не исполняющихъ законъ Христа? Если бы всѣ люди вдругъ согласились исполнять ученіе Христа, тогда бы исполненіе его было возможно. Но нельзя итти одному человѣку противъ всего міра. „Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученіе Христа", говорятъ обыкновенно, „стану исполнять его, буду отдавать то, что̀ имѣю, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы итти присягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь".

Возраженіе это основано на томъ же недоразумѣніи, на которомъ основывается и возраженіе о неисполнимости ученія Христа.

Такъ говорятъ обыкновенно и такъ думалъ и я, пока не освободился вполнѣ отъ церковнаго ученія, и потому не понималъ ученія Христа о жизни во всемъ его значеніи.

Христосъ предлагаетъ свое ученіе о жизни, какъ спасеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя его ученію, и вдругъ я говорю, что я бы и радъ послѣдовать его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь. Христосъ учитъ спасенію отъ гибельной жизни, а я жалѣю эту погибельную жизнь. Стало быть, я считаю эту свою жизнь вовсе не погибельной, считаю эту жизнь чѣмъ-то дѣйствительнымъ, мнѣ принадлежащимъ и хорошимъ. Въ этомъ-то признаніи своей этой мірской, личной жизни за что-то дѣйствительное, мнѣ принадлежащее, и лежитъ недоразумѣніе, препятствующее пониманію ученія Христа. Христосъ знаетъ это заблужденіе людей, по которому они эту свою личную жизнь считаютъ за что-то дѣйствительное и себѣ принадлежащее и цѣлымъ рядомъ проповѣдей и притчъ показываетъ имъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ правъ на жизнь, нѣтъ никакой жизни до тѣхъ поръ, пока они не пріобрѣ-

тутъ истинной жизни, отрекшись отъ призрака жизни, того, что они называютъ своей жизнью.

Для того, чтобы понять ученіе Христа о спасеніи жизни, надо прежде всего понять то, чтó говорили всѣ пророки, чтó говорилъ Соломонъ, чтó говорилъ Будда, чтó говорили всѣ мудрецы міра о личной жизни человѣка. Можно, по выраженію Паскаля, не думать объ этомъ, нести передъ собой ширмочки, которыя бы скрывали отъ взгляда ту пропасть смерти, къ которой мы всѣ бѣжимъ,—но стоитъ подумать о томъ, чтò такое одинокая, личная жизнь человѣка чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизнь эта, если она есть только личная жизнь, не имѣетъ для каждаго отдѣльнаго человѣка не только никакого смысла, но что она есть злая насмѣшка надъ сердцемъ, надъ разумомъ человѣка и надъ всѣмъ тѣмъ, чтó есть хорошаго въ человѣкѣ. И потому, чтобы понять ученіе Христа, надо прежде всего опомниться, одуматься, надо, чтобы въ насъ совершилась μετανοῖα, то самое, что, проповѣдуя свое ученіе, говоритъ предшественникъ Христа—Іоаннъ такимъ же, какъ мы, запутаннымъ людямъ. Онъ говорилъ: „прежде всего покайтесь, т. е. одумайтесь, а то всѣ погибнете". Онъ говоритъ: „Топоръ уже лежитъ подлѣ дерева, чтобы срубить его. Смерть и погибель тутъ, подлѣ каждаго. Не забывайте этого, одумайтесь". И Христосъ, начиная свою проповѣдь, говоритъ то же: „Одумайтесь, а то всѣ погибнете".

Луки XIII, 1—5. Христу разсказали о погибели галилеянъ, убитыхъ Пилатомъ. И онъ говоритъ: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете. Или думаете, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете".

Если бы онъ жилъ въ наше время въ Россіи, онъ сказалъ бы: развѣ вы думаете, что сгорѣвшіе въ бердичевскомъ циркѣ или погибшіе на кукуевской насыпи были виновнѣе другихъ?—всѣ также погибнете, если не одумаетесь, если не найдете въ своей жизни того, чтò не погибаетъ. Смерть задавленныхъ башней, сгорѣвшихъ въ циркѣ ужасаетъ васъ, но, вѣдь, ваша смерть, столь же ужасная и столь же неизбѣжная, стоитъ также передъ вами. И вы напрасно стараетесь забыть ее. Когда она придетъ неожиданная, она будетъ еще ужаснѣе.

Онъ говоритъ: Лука XII, 45—57. Когда вы видите облако, поднимающееся съ запада, тотчасъ говорите: дождь будетъ; и бываетъ такъ. И когда дуетъ южный вѣтеръ, говорите: зной будетъ; и бываетъ. Лицемѣры! лицо земли и неба распознавать умѣете; какъ же времени сего не узнаете? Зачѣмъ же вы и по самимъ себѣ не судите, чему быть должно?

Вѣдь вы по примѣтамъ узнаете впередъ погоду, какъ же вы не видите, что̀ съ вами быть должно? Убѣгай отъ опасности, оберегай свою жизнь сколько хочешь и, все-таки, не Пилатъ убьетъ, такъ башня задавитъ, а не Пилатъ и не башня, то умрешь въ постели, въ страданіяхъ еще злѣйшихъ.

Сдѣлайте простой расчетъ, какъ дѣлаютъ люди мірскіе, когда они что-нибудь затѣваютъ: башню строятъ, или идутъ на войну, или заводъ строятъ. Они затѣваютъ и трудятся надъ тѣмъ, что должно имѣть разумный конецъ.

Лука XIV, 28—31. Ибо кто изъ васъ, желая построить башню, не сядетъ прежде и не вычислитъ издержекъ, имѣетъ ли онъ, что нужно для совершенія ея (29), дабы, когда положитъ основаніе, и не возможетъ совершить, всѣ видящіе не стали смѣяться надъ нимъ (30), говоря: этотъ человѣкъ началъ строить и не могъ окончить? (31). Или какой царь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противостать идущему на него съ двадцатью тысячами?

Развѣ не безсмысленно трудиться надъ тѣмъ, что сколько бы ты ни старался, никогда не будетъ закончено. Всегда смерть придетъ раньше, чѣмъ будетъ окончена башня твоего мірского счастья. И если ты впередъ знаешь, что сколько ни борись со смертью, не ты, а она поборетъ тебя; такъ не лучше ли ужъ и не бороться съ нею и не класть свою душу въ то, что погибаетъ навѣрно, а поискать такого дѣла, которое не разрушилось бы неизбѣжною смертью?

Лука XII, 22—27. И сказалъ ученикамъ своимъ: посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться (23). Душа больше пищи, и тѣло—одежды (24). Посмотрите на вороновъ: они не сѣютъ, не жнутъ; нѣтъ у нихъ ни хранилищъ, ни житницъ, и Богъ питаетъ ихъ; сколько же вы лучше ихъ? (25). Да кто же изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? (26). Итакъ, если и малѣйшаго сдѣлать не можете, что̀ заботитесь о прочемъ? (27). Посмотрите

на лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ; но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ.

Сколько не заботьтесь о тѣлѣ и пищѣ, никто не можетъ прибавить себѣ жизни на одинъ часъ [1]). Такъ развѣ не безсмысленно заботиться о томъ, чего вы не можете сдѣлать?

Вы знаете очень хорошо, что жизнь ваша кончится смертью, а вы заботитесь о томъ, чтобы обезпечить свою жизнь имѣніемъ. Жизнь не можетъ обезпечиться имѣніемъ. Поймите, что это смѣшной обманъ, которымъ вы сами себя обманываете.

Не можетъ быть смысла жизни, говоритъ Христосъ, въ томъ, чѣмъ мы владѣемъ и что̀ мы пріобрѣтаемъ, въ томъ, что̀ не мы сами; онъ долженъ быть въ чемъ-нибудь иномъ.

Онъ говоритъ (Лука XII, 16—21): жизнь человѣка, при всемъ избыткѣ его, не зависитъ отъ его имѣнія (16). У одного богатаго человѣка,—говоритъ онъ,—былъ хорошій урожай въ полѣ (17) и онъ разсуждалъ самъ съ собой: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ (18). И сказалъ: вотъ что̀ сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и сберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое (19). И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись (20). Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? (21). Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровище для себя, а не въ Бога богатѣетъ.

Смерть всегда всякое мгновеніе стоитъ надъ нимъ. И потому (Лука XII, 35, 36, 38, 39, 40): Да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи (36). И вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда пріидетъ и постучитъ, тотчасъ отворить ему (38). И если придетъ во вторую стражу, и въ третью стражу пріидетъ, и найдетъ ихъ такъ, то блажены рабы тѣ (39). Вы знаете, что если бы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ пріидетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой (40). Будьте же и вы готовы, ибо въ который часъ не думаете, пріидетъ Сынъ человѣческій.

---

[1]) *Слова* эти невѣрно переведены: слово: ἐλιχία—возрастъ, *время жизни. И потому* все выраженіе значитъ: не можете прибавить часу жизни.

Притча о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, завершеніе вѣка и страшный судъ, всѣ эти мѣста, по мнѣнію всѣхъ толкователей, кромѣ другого значенія конца міра, имѣютъ значеніе: всегда, всякій часъ предстоящей человѣку смерти.

Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша всегда совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Если есть жизнь разумная, то она должна быть какая-нибудь другая, т. е. такая, цѣль которой не въ жизни для себя въ будущемъ. Чтобы жить разумно, надо жить такъ, чтобы смерть не могла разрушить жизни.

(Лука X, 41). „Мароа! Мароа! хлопочешь и заботишься о многомъ, а одно только нужно“.

Всѣ тѣ безчисленныя дѣла, которыя мы дѣлаемъ для себя, въ будущемъ не нужны для насъ; все это обманъ, которымъ мы сами обманываемъ себя. Нужно только одно.

Со дня рожденія положеніе человѣка таково, что его ждетъ неизбѣжная погибель, т. е. безсмысленная жизнь и безсмысленная смерть, если онъ не найдетъ этого, чего-то одного, которое нужно для истинной жизни. Это-то одно, дающее истинную жизнь, Христосъ открываетъ людямъ. Онъ не выдумываетъ это, не обѣщаетъ дать это по своей божеской власти, онъ только показываетъ людямъ, что вмѣстѣ съ той личной жизнью, которая есть несомнѣнный обманъ, должно быть то, что есть истина, а не обманъ.

Притчей о виноградаряхъ (Мѳ. XXI, 33—42) Христосъ разъясняетъ этотъ источникъ заблужденія людей, скрывающаго отъ нихъ эту истину и заставляющаго ихъ принимать призракъ жизни, свою личную жизнь, за жизнь истинную.

Люди, живя въ хозяйскомъ обработанномъ саду, вообразили себѣ, что они собственники этого сада. И изъ этого ложнаго представленія вытекаетъ рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ этихъ людей, кончающійся ихъ изгнаніемъ, исключеніемъ изъ жизни; точно также мы вообразили себѣ, что жизнь каждаго изъ насъ есть наша личная собственность, что мы имѣемъ право на нее и можемъ пользоваться ею, какъ хотимъ, ни предъ кѣмъ не имѣя никакихъ обязательствъ. И для насъ, вообразившихъ себѣ это, неизбѣженъ такой же рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ и

несчастій, и такое же исключеніе изъ жизни. И какъ виноградарямъ кажется, что чѣмъ злѣе они будутъ, тѣмъ лучше обезпечать себя,—убьютъ пословъ и хозяйскаго сына,—такъ и намъ кажется, что чѣмъ злѣе мы будемъ, тѣмъ будемъ обезпеченнѣе.

Какъ неизбѣжно кончается съ виноградарями тѣмъ, что ихъ, никому не дающихъ плодовъ сада, изгоняетъ хозяинъ, такъ точно кончается и съ людьми, вообразившими себѣ, что жизнь личная есть настоящая жизнь. Смерть изгоняетъ ихъ изъ жизни, замѣняя ихъ новыми; но не въ наказаніе, а только потому, что люди эти не поняли жизни. Какъ обитатели сада или забыли, или не хотѣли знать того, что имъ переданъ садъ окопанный, огороженный, съ вырытымъ колодцемъ, и что кто-нибудь да поработалъ на нихъ, и потому ждетъ и отъ нихъ работы; такъ точно и люди, живущіе личной жизнью, забыли и хотятъ забыть все то, что сдѣлано для нихъ прежде ихъ рожденія и дѣлается во все время ихъ жизни, и что поэтому ожидается отъ нихъ; они хотятъ забыть то, что всѣ блага жизни, которыми они пользуются, даны и даются, и потому должны быть передаваемы и отдаваемы.

Эта поправка взгляда на жизнь, эта μετάνοια есть краеугольный камень ученія Христа, какъ онъ и сказалъ въ концѣ этой притчи. По ученію Христа, какъ виноградари, живя въ саду, не ими обработанномъ, должны понимать и чувствовать, что они въ неоплатномъ долгу передъ хозяиномъ, такъ точно и люди должны понимать и чувствовать, что, со дня рожденія и до смерти, они всегда въ неоплатномъ долгу передъ кѣмъ-то, передъ жившими до нихъ и теперь живущими и имѣющими жить, и передъ тѣмъ, что было и есть и будетъ началомъ всего. Они должны понимать, что всякимъ часомъ своей жизни, во время которой они не прекращаютъ этой жизни, они утверждаютъ это обязательство, и что потому человѣкъ, живущій для себя и отрицающій это обязательство, связывающее его съ жизнью и началомъ ея, самъ лишаетъ себя жизни, долженъ понимать, что, живя такъ, онъ, желая сохранить свою жизнь, губитъ ее,—то самое, что̀ много разъ повторяетъ Христосъ.

Жизнь истинная есть только та, которая продолжаетъ жизнь прошедшую, содѣйствуетъ благу жизни современной и благу жизни будущей.

Чтобы быть участникомъ въ этой жизни, человѣкъ дол-

женъ отречься отъ своей воли для исполненія воли Отца жизни, давшаго ее сыну человѣческому.

Іоаннъ VIII, 35. Рабъ, дѣлающій свою волю, а не волю хозяина, не живетъ вѣчно въ домѣ хозяина; только сынъ, исполняющій волю Отца, только тотъ живетъ вѣчно,—говоритъ Христосъ ту же мысль въ другомъ мѣстѣ.

Воля же Отца жизни есть жизнь не отдѣльнаго человѣка, а единаго сына человѣческаго, живущаго въ людяхъ, и потому человѣкъ сохраняетъ жизнь только тогда, когда онъ на жизнь свою смотритъ какъ на залогъ, какъ на талантъ, данный ему Отцомъ для того, чтобы служить жизни всѣхъ, когда онъ живетъ не для себя, а для сына человѣческаго.

Матѳ. XXV, 14, 46. Хозяинъ далъ рабамъ своимъ каждому по части имѣнія своего и, ничего не сказавъ имъ, оставилъ ихъ одних. Одни рабы, хотя и не слыхали приказанія хозяина о томъ, какъ употребить часть имѣнія господина, поняли, что имѣніе не ихъ, а хозяйское, и что имѣніе должно рости, и работали для хозяина. И рабы, которые работали для хозяина, стали участниками жизни хозяина, а не работавшіе лишены того, что было дано имъ.

Жизнь сына человѣческаго дана всѣмъ людямъ и имъ не сказано, зачѣмъ она дана имъ. Одни люди понимаютъ, что жизнь не ихъ собственность, а дана имъ какъ даръ и должна служить жизни сына человѣческаго, и живутъ такъ. Другіе, подъ предлогомъ не пониманія цѣли жизни, не служатъ жизни. И люди, служащіе жизни, сливаются съ источникомъ жизни; люди, не служащіе жизни, лишаются ея. И вотъ со стиха 31 по 46 Христосъ говоритъ о томъ, въ чемъ состоитъ служеніе сыну человѣческому и въ чемъ награда этого служенія. Сынъ человѣческій, по выраженію Христа, какъ царь (34) скажетъ: „Придите благословенные Отца, наслѣдуйте царство за то, что вы поили, кормили, одѣвали, принимали и утѣшали меня, потому что я все тотъ же одинъ и въ васъ и въ малыхъ сихъ, которыхъ вы жалѣли и которымъ дѣлали добро. Вы жили жизнью не личной, а жизнью сына человѣческаго и потому вы имѣете жизнь вѣчную“.

Только этой вѣчной жизни учитъ Христосъ по всѣмъ Евангеліямъ, и какъ ни странно это сказать про Христа, который лично воскресъ и обѣщалъ всѣхъ воскресить, никогда Христосъ не только ни однимъ словомъ не утверждалъ личное воскресеніе и безсмертіе личности за гробомъ,

но и тому возстановленію мертвыхъ въ царствѣ Мессіи, которое основали фарисеи, придавалъ значеніе, исключающее представленіе о личномъ воскресеніи.

Саддукеи оспаривали возстановленіе мертвыхъ. Фарисеи признавали его, такъ же какъ признаютъ его теперь правовѣрные евреи.

Возстановленіе мертвыхъ (а не воскресеніе, какъ неправильно переводится это слово), по вѣрованіямъ евреевъ, совершится при наступленіи вѣка Мессіи и установленіи царства Бога на землѣ. И вотъ Христосъ, встрѣчаясь съ этимъ вѣрованіемъ временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія, отрицаетъ его и на мѣсто его ставитъ свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ.

Когда Саддукеи, не признающіе возстановленія мертвыхъ, спрашиваютъ Христа, предполагая, что онъ раздѣляетъ понятіе фарисеевъ, „чья будетъ жена семи братьевъ?“ Онъ ясно и опредѣленно отвѣчаетъ о томъ и о другомъ.

Онъ говоритъ: Мѳ. XXII, 29—32. Мр. XII, 24—27. Лк. XX, 34—38: Вы заблуждаетесь, не понимая писанія и силу Божію. И отвергая представленіе фарисеевъ, онъ говоритъ: Возстановленіе изъ мертвыхъ бываетъ не плотское и не личное. Тѣ, которые достигнутъ возстановленія изъ мертвыхъ, дѣлаются сынами Бога и живутъ, какъ ангелы, (сила Бога) на небѣ (т. е. съ Богомъ), и вопросовъ личныхъ, чья жена, для нихъ не можетъ быть, потому что они, соединяясь съ Богомъ, перестаютъ быть личностями. „Что же касается того, что̀ есть возстановленіе мертвыхъ“, говоритъ онъ, возражая саддукеямъ, признающимъ одну земную жизнь и ничего кромѣ плотской земной жизни, „то развѣ вы не читали того, что̀ сказано вамъ Богомъ? Въ писаніи сказано, что Богъ при купинѣ сказалъ Моисею: „Я—Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова.“ Если Богъ сказалъ Моисею, что Онъ Богъ Іакова, то Іаковъ не умеръ для Бога, потому что Богъ есть Богъ только живыхъ, а не мертвыхъ. *Для Бога всѣ живы.* И потому, если есть живой Богъ, то и живъ тотъ человѣкъ, который сталъ въ общеніе съ вѣчно живымъ Богомъ“.

Противъ фарисеевъ Христосъ говоритъ, что возстановленіе жизни не можетъ быть плотское и личное. Противъ саддукеевъ онъ говоритъ, что кромѣ личной и временной жизни есть еще жизнь въ общеніи съ Богомъ.

Христосъ, отрицая личное, плотское воскресеніе, при-

знаетъ возстановленіе жизни въ томъ, что человѣкъ жизнь свою переноситъ въ Бога. Христосъ учитъ спасенію отъ жизни личной и полагаетъ это спасеніе въ возвеличеніи сына человѣческаго и жизни въ Богѣ. Связывая это свое ученіе съ ученіемъ евреевъ о пришествіи Мессіи, онъ говоритъ евреямъ о возстановленіи сына человѣческаго изъ мертвыхъ, разумѣя подъ этимъ не плотское и личное возстановленіе мертвыхъ, а пробужденіе жизни въ Богѣ. О плотскомъ же личномъ воскресеніи онъ никогда не говорилъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что Христосъ никогда не проповѣдывалъ воскресенія людей, служатъ тѣ единственныя два мѣста, которыя приводятся богословами въ подтвержденіе его ученія о воскресеніи. Эти два мѣста слѣдующія: Мѳ. XXV, 31—46 и Іоанна V, 28, 29. Въ первомъ говорится о пришествіи, т. е. возстановленіи, возвеличеніи сына человѣческаго (точно такъ же, какъ это говорится у Мѳ. X, 23), и потомъ величіе и власть сына человѣческаго сравниваются съ царемъ. Во второмъ мѣстѣ говорится о возстановленіи истинной жизни здѣсь па землѣ, какъ это и выражено въ предшествующемъ 24 стихѣ.

Стоитъ вдуматься въ смыслъ ученія Христа о жизни вѣчной въ Богѣ, стоитъ возстановить въ своемъ воображеніи ученіе еврейскихъ пророковъ, чтобы понять, что если бы Христосъ хотѣлъ проповѣдывать ученіе о воскресеніи мертвыхъ, которое тогда только начинало входить въ Талмудъ и было предметомъ спора, то онъ ясно и опредѣленно высказалъ бы это ученіе; онъ же, наоборотъ, не только не сдѣлалъ этого, но даже отвергъ его, и во всѣхъ Евангеліяхъ нельзя найти ни одного мѣста, которое бы подтверждало это ученіе. А два приведенныя выше мѣста означаютъ совсѣмъ другое.

О своемъ же личномъ воскресеніи, какъ это ни покажется страннымъ всѣмъ, кто не изучалъ самъ Евангелій, *Христосъ никогда нигдѣ не говоритъ*. Если, какъ учатъ богословы, основа вѣры Христовой — въ томъ, что Христосъ воскресъ, то казалось бы меньшее, чего можно желать, — это то, чтобы Христосъ, зная, что онъ воскреснетъ и что въ этомъ будетъ состоять главный догматъ вѣры въ него, хотя бы одинъ разъ опредѣленно и ясно сказалъ это. Но онъ не только не сказалъ этого опредѣленно и ясно, но ни разу, ни одного разу по всѣмъ каноническимъ Евангеліямъ, даже не упомянулъ объ этомъ. Ученіе Христа въ томъ, чтобы

возвысить сына человѣческаго, т. е. сущность жизни человѣка — признать себя сыномъ Бога. Въ самомъ себѣ Христосъ олицетворяетъ человѣка, признавшаго свою сыновность Богу: Мѳ. XVI, 13—20. Онъ спрашиваетъ у учениковъ: что̀ про него — *сына человѣческаго* — толкуютъ люди? Ученики говорятъ, что одни считаютъ его за чудесно воскрешеннаго Іоанна, или за пророка, другіе за Илію, пришедшаго съ неба. Ну, а вы, какъ понимаете меня? — спрашиваетъ онъ. И Петръ, понимая Христа такъ же, какъ онъ самъ понималъ себя, отвѣчаетъ: ты — Мессія, сынъ Бога живого. И Христосъ говоритъ: не плоть и кровь открыли тебѣ это, а Отецъ нашъ небесный, т. е. ты понялъ это не потому, что ты повѣрилъ человѣческимъ толкованіямъ, а потому, что ты, сознавъ себя сыномъ Бога, понялъ меня. И, объяснивъ Петру, что на этой сыновности Богу зиждется истинная вѣра, Христосъ говоритъ другимъ ученикамъ (20), чтобы они не говорили впередъ, что именно онъ Іисусъ—Мессія.

И послѣ этого Христосъ говоритъ: что несмотря на то, что его будутъ мучить и убьютъ, сынъ человѣческій, сознавшій себя сыномъ Бога, все-таки будетъ возстановленъ и восторжествуетъ надъ всѣмъ. И эти-то слова толкуются за предсказанія о его воскерсеніи.

Іоан. II, 19, 22. Мѳ. XII, 40. Лук. XI, 30. Мѳ. XVI, 4. Мѳ. XVI, 21. Мр. VIII, 31. Лк. IX, 22. Мѳ. XVII, 23. Мр. IX, 31. Мѳ. XX, 19. Мр. X, 34. Лк. XVIII, 33. Мѳ. XXVI, 32. Мр. XIV, 28. Вотъ всѣ 14 мѣстъ, которыя понимаются такъ, что Христосъ предсказывалъ свое воскресеніе. Въ трехъ изъ этихъ мѣстъ говорится о Іонѣ во чревѣ китовѣ, и въ одномъ о возстановленіи храма. Въ остальныхъ же десяти мѣстахъ говорится о томъ, что сынъ человѣческій не можетъ быть уничтоженъ; но нигдѣ ни однимъ словомъ не говорится о воскресеніи Іисуса Христа.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ въ подлинникѣ нѣтъ даже слова „*воскресеніе*“. Дайте человѣку, не знающему богословскихъ толкованій, но знающему по-гречески, перевести всѣ эти мѣста, и никогда никто не переведетъ ихъ такъ, какъ они переведены. Въ подлинникѣ въ этихъ мѣстахъ стоятъ два разныя слова: одно ἀνίστημι, друое ἐγείρω. Одно изъ этихъ словъ значитъ: „возстановить“; другое значитъ: „будить“, и и въ медіумѣ: „проснуться“, „встать“. Но ни то, ни другое никогда ни въ какомъ случаѣ не можетъ значить: „воскрес*нуть*“. *Для того*, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что

греческія слова эти и соотвѣтствующее имъ еврейское *кумъ* не могутъ значить „воскреснуть“, стоитъ только сличить тѣ мѣста Евангелія, гдѣ употребляются эти слова, а употребляются они множество разъ и ни разу не переведены словомъ: „воскреснуть“, „auferstehen“, „ressusciter“; ихъ нѣтъ ни на греческомъ, ни на еврейскомъ языкѣ, такъ какъ не было и соотвѣтствующаго имъ понятія. Чтобы на греческомъ или на еврейскомъ языкѣ выразить понятіе о воскресеніи, нужна перифраза, нужно сказать: „всталъ“, или „проснулся“ изъ мертвыхъ. Такъ, въ Евангеліи говорится: Мѳ. XIV, 2, про то, что Иродъ полагалъ, что Іоаннъ Креститель „воскресъ“, и тамъ сказано: „проснулся изъ мертвыхъ“. Такъ и въ Евангеліи Луки XVI, 31 говорится въ притчѣ о Лазарѣ про то, что если бы кто и воскресъ, то и воскресшему бы не повѣрили, и сказано: „возсталъ бы изъ мертвыхъ“. Тамъ же, гдѣ къ словамъ: „встать“, „проснуться“ не прибавлено словъ: *изъ мертвыхъ*, слова „встать“ и „проснуться“ никогда не значили и не могутъ значить „воскреснуть“. А говоря о себѣ, Христосъ ни разу, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя приводятся въ доказательство предсказаній Его о „воскресеніи“, ни разу, ни одного разу не употребляетъ словъ: „изъ мертвыхъ“.

Наше понятіе о воскресеніи до такой степени чуждо понятію евреевъ о жизни, что нельзя себѣ представить даже, какъ могъ бы говорить Христосъ евреямъ о воскресеніи и вѣчной, личной, свойственной каждому человѣку жизни. Понятіе о будующей личной жизни пришло къ намъ не изъ еврейскаго ученія и не изъ ученія Христа. Оно вошло въ церковное ученіе совершенно со стороны. Какъ ни странно это покажется, но нельзя не сказать, что вѣрованіе въ будущую личную жизнь есть очень низменное и грубое представленіе, основанное на смѣшеніи сна со смертью и свойственное всѣмъ дикимъ народамъ, и что еврейское ученіе, не говоря уже о христіанскомъ, стояло незмѣримо выше его. Мы же такъ увѣрены въ томъ, что это суевѣріе есть что-то очень возвышенное, что пресерьезно доказываемъ преимущество нашего ученія передъ другими именно тѣмъ, что мы держимся этого суевѣрія, а другіе, какъ китайцы и индусы, не держатся его. Это даказываютъ не только богословы, но и вольнодумные ученые историки религій—Тиле, Максъ-Мюллеръ и др.; классифицируя религіи, они признаютъ, что тѣ изъ нихъ, которыя раздѣляютъ это суевѣріе, выше тѣхъ, кото-

рыя его не раздѣляютъ. Вольнодумный Шопенгауеръ прямо называетъ еврейскую религію самой пакостной (niederträchtigste) изъ всѣхъ религій, за то, что въ ней нѣтъ и понятія (keine Idee) о безсмертіи души. Дѣйствительно, въ еврейской религіи ни понятія, ни слова такого не было. Жизнь вѣчная по-еврейски—„*хайе-ойломъ*". *Ойломъ* значитъ безконечное, во времени непоколебимое. *Ойломъ* значитъ тоже: міръ—космосъ. Жизнь вообще, и тѣмъ болѣе жизнь вѣчная, *хайе-ойломъ*, по ученію евреевъ, есть свойство одного Бога. Богъ есть Богъ жизни, Богъ живой. Человѣкъ, по понятію евреевъ, всегда смертенъ, только Богъ есть всегда живой. Въ Пятикнижіи два раза употреблены слова: „жизнь вѣчная". Одинъ разъ во Второзаконіи 169 — 173, другой разъ въ книгѣ Бытія. Во Второзаконіи гл. XXXII, 39, 40, Богъ говоритъ: поймите, что я—Я. Что нѣтъ Бога, кромѣ Меня; Я живлю, Я умерщвляю, Я бью, Я исцѣляю, и отъ Меня никто не освобождается; Я поднимаю руку до неба и говорю: *Я живу вѣчно*. Въ другой разъ: въ книгѣ Бытія III, 22. Богъ говоритъ: вотъ человѣкъ съѣлъ плода отъ древа познанія добра и зла, и сталъ такимъ, какъ мы (однимъ изъ насъ); какъ бы онъ не протянулъ руки и не взялъ съ дерева жизни и не съѣлъ и не сталъ бы *жить вѣчно*. Эти два единственные случая употребленія словъ: *жизнь вѣчная* въ Пятикнижіи и во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ (за исключеніемъ одной главы апокриѳическаго Даніила) ясно опредѣляютъ понятія евреевъ о жизни вообще и жизни вѣчной. Жизнь сама по себѣ по понятію евреевъ, вѣчна, и такова она въ Богѣ; человѣкъ же всегда смертенъ, таково его свойство.

Нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ не сказано того, чему учатъ насъ въ священныхъ исторіяхъ—что Богъ вдунулъ въ человѣка *душу безсмертную*, или того, что первый человѣкъ до грѣха былъ безсмертенъ. Богъ сотворилъ, по первому сказанію книги Бытія, ст. 26, I гл., человѣка точно такъ же, какъ и животныхъ, точно такъ же мужскій и женскій полъ, и точно такъ же велѣлъ и плодиться и множиться. Какъ о животныхъ не сказано, что они безсмертны, точно такъ же не сказано этого и о человѣкѣ. Во второй главѣ говорится о томъ, какъ человѣкъ позналъ добро и зло. Но о жизни сказано прямо, что Богъ выгналъ человѣка изъ рая и загородилъ ему путь къ древу жизни. Человѣкъ такъ и не вкусилъ плода древа жизни, онъ такъ и не получилъ *хайе-ойломъ*, *т. е. жизни* вѣчной, и остался смертенъ.

По ученію евреевъ, человѣкъ есть человѣкъ точно такой, какой онъ есть, т. е. смертный. Жизнь есть въ немъ только какъ жизнь, продолжающаяся изъ рода въ родъ въ народѣ. Одинъ только народъ, по ученію евреевъ, имѣетъ въ себѣ возможность жизни. Когда Богъ говоритъ: будете жить и не умрете, то Онъ говоритъ это народу. Вдунутая въ человѣка Богомъ жизнь есть смертная для каждаго отдѣльнаго человѣка; но жизнь эта продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе, если люди исполняютъ завѣтъ съ Богомъ, т. е. условія, положенныя для этого Богомъ.

Изложивъ всѣ законы и сказавъ, что законы эти не на небѣ, а въ сердцахъ ихъ, Моисей говоритъ во Второзаконіи XXX, 15: „Вотъ нынѣ я кладу передъ вами благо и жизнь, смерть и зло, увѣщевая васъ любить Бога и итти но Его путямъ, исполняя Его законъ, съ тѣмъ, чтобы вы удержали жизнь". И въ ст. 19: „Беру въ свидѣтели противъ васъ небо и землю. Вотъ *жизнь* и *смерть*, благословеніе и проклятіе я кладу передъ вами. Изберите же жизнь съ тѣмъ, чтобы жить вамъ и потомству вашему, любя Бога, повинуясь ему и прилѣпляясь къ Нему, потому что отъ Него ваша жизнь и продолженіе ея".

Главное различіе между нашимъ понятіемъ о жизни человѣческой и понятіемъ евреевъ состоитъ въ томъ, что, по нашимъ понятіямъ, наша смертная жизнь, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію, не настоящая жизнь, а жизнь падшая, почему-то временно испорченная; а по понятію евреевъ, эта жизнь есть самая настоящая, есть высшее благо, данное человѣку, подъ условіемъ исполненія воли Бога. Съ нашей точки зрѣнія, переходъ этой падшей жизни отъ поколѣнія къ поколѣніямъ есть продолженіе проклятія. Съ точки зрѣнія евреевъ, это есть высшее благо, котораго можетъ достигнуть человѣкъ, и то только исполняя волю Бога.

Вотъ на этомъ-то понятіи о жизни и основываетъ Христосъ свое ученіе о жизни истинной или вѣчной, которую онъ противополагаетъ жизни личной и смертной. Изслѣдуйте писанія, говоритъ Христосъ евреямъ (Іоан. V, 39), ибо вы черезъ нихъ думаете имѣть жизнь вѣчную.

Юноша спрашиваетъ Христа (Мѳ. XIX, 16): какъ войти въ жизнь вѣчную? Христосъ, отвѣчая ему на вопросъ о жизни вѣчной, говоритъ: если хочешь войти въ *жизнь* (онъ не говоритъ жизнь вѣчную,—а просто жизнь), соблюди запо-

вѣди. Тоже говоритъ законнику: такъ поступай и будешь жить (Лук. X, 28), и тоже говоритъ—жить, просто, не прибавляя—жить вѣчно. Христосъ въ обоихъ случаяхъ опредѣляетъ, чтò должно разумѣть подъ словами: жизнь вѣчная; когда онъ употребляетъ ихъ, то говоритъ евреямъ тоже самое, чтò сказано много разъ въ законѣ ихъ, а именно: исполненіе воли Бога есть жизнь вѣчная.

Христосъ, въ противоположность жизни временной, частной, личной, учитъ той вѣчной жизни, которую по Второзаконію Богъ обѣщалъ Израилю, но только съ той разницею, что, по понятію евреевъ, жизнь вѣчная продолжалась только въ избранномъ народѣ израильскомъ и для пріобрѣтенія этой жизни нужно было соблюдать исключительные законы Бога для Израиля, а по ученію Христа, жизнь вѣчная продолжается въ сынѣ человѣческомъ, и для сохраненія ея нужно соблюдать законы Христа, выражающіе волю Бога для всего человѣчества.

Христосъ противополагаетъ личной жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную съ жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человѣчества, жизнь сына человѣческаго.

Спасеніе жизни личной отъ смерти, по ученію евреевъ, было исполненіемъ воли Бога, выраженной въ законѣ Моисея по его заповѣдямъ. Только при этомъ условіи жизнь евреевъ не погибала, а переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію въ избранномъ Богомъ народѣ. Спасеніе жизни личной отъ смерти, по ученію Христа, есть тоже самое исполненіе воли Бога, выраженное въ заповѣдяхъ Христа. Только при этомъ условіи, по ученію Христа, жизнь личная не погибаетъ, а становится вѣчною непоколебимо въ сынѣ человѣческомъ. Разница только въ томъ, что служеніе Богу Моисея было служеніе Богу одного народа, а служеніе Отцу Христа есть служеніе Богу всѣхъ людей. Продолженіе жизни въ поколѣніяхъ одного народа было сомнительно потому, что могъ исчезнуть самъ народъ, и потому еще, что продолженіе это зависѣло отъ плотского потомства. Продолженіе жизни, по ученію Христа, несомнѣнно потому, что жизнь, по его ученію, переносится въ сына человѣческаго, живущаго по волѣ Отца.

Но положимъ, что слова Христа о страшномъ судѣ и совершеніи вѣка и другія слова изъ Евангелія Іоанна *имѣютъ зна*ченіе обѣщанія загробной жизни для душъ умер-

шихъ людей, все-таки несомнѣнно и то, что ученіе его о свѣтѣ жизни, о царствѣ Бога, имѣетъ и то доступное его слушателямъ и намъ теперь значеніе, что жизнь истинная есть только жизнь сына человѣческаго по волѣ Отца. Это тѣмъ легче допустить, что ученіе о жизни истинной по волѣ Отца жизни включаетъ въ себя понятіе о безсмертіи и жизни за гробомъ.

Можетъ быть справедливѣе предположить, что человѣка, послѣ этой мірской жизни, пережитой для исполненія его личной воли, все-таки ожидаетъ вѣчная, личная жизнь въ раю со всевозможными радостями; можетъ быть это справедливѣе, но думать, что это такъ, стараться вѣрить въ то, что за добрыя дѣла я буду награжденъ вѣчнымъ блаженствомъ, а за дурныя вѣчными муками,—думать такъ не содѣйствуетъ пониманію ученія Христа; думать такъ значитъ, напротивъ, лишать ученіе Христа самой главной его основы.

Все ученіе Христа въ томъ, чтобы ученики его, понявъ призрачность личной жизни, отреклись отъ нея и переносили ее въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь сына человѣческаго. Ученіе же о безсмертіи личной души не только не призываетъ къ отреченію отъ своей личной жизни, но на вѣки закрѣпляетъ эту личность.

По понятію евреевъ, китайцевъ, индусовъ и всѣхъ людей міра, не вѣрующихъ въ догматъ паденія человѣка и искупленія его, жизнь есть жизнь, какъ она есть. Человѣкъ совокупляется, рождаетъ дѣтей, воспитываетъ ихъ, старѣется и умираетъ. Дѣти его выростаютъ и продолжаютъ жизнь, которая, не прерываясь, ведется отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, точно такъ же, какъ ведется все въ мірѣ существующее: камни, земля, металлы, растенія, звѣри, свѣтила и все въ мірѣ. Жизнь есть жизнь и ею надо воспользоваться какъ можно лучше. Жить для себя одного неразумно. И потому, съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, они отыскиваютъ для жизни цѣли внѣ себя: живутъ для своего ребенка, для семьи, для народа, для человѣчества, для всего, что не умираетъ съ личной жизнью.

Наоборотъ, по ученію нашей церкви, жизнь человѣческая, какъ высшее благо, извѣстное намъ, представляется только частицей той жизни, которая на время удержана отъ насъ. Наша жизнь, по нашему понятію, не есть жизнь такая, какую Богъ хотѣлъ и долженъ былъ намъ дать, а жизнь наша есть испорченная, дурная, падшая жизнь, обрa-

чикъ жизни, насмѣшка надъ настоящей, надъ тою, которую почему-то мы воображаемъ, что Богъ долженъ былъ дать намъ. Главная задача нашей жизни по этому представленію не въ томъ, чтобы прожить ту данную намъ смертную жизнь такъ, какъ хочетъ податель жизни, не въ томъ, чтобы сдѣлать ее вѣчною въ поколѣніяхъ людей, какъ евреи, или сліяніемъ ея съ волею Отца, какъ училъ Христосъ, а въ томъ, чтобы увѣрить себя, что послѣ этой жизни начнется настоящая.

Христосъ не говоритъ про эту нашу мнимую жизнь, которую Богъ долженъ былъ дать, но не далъ почему-то людямъ. Теорія грѣхопаденія Адама и вѣчной жизни въ раю и безсмертной души, вдунутой Богомъ въ Адама, была неизвѣстна Христу, и онъ не упоминалъ про нее, и ни однимъ словомъ не намекнулъ на существованіе ея.

Христосъ говоритъ о жизни, какая она есть и какая будетъ всегда. Мы же говоримъ о той жизни, которую мы себѣ вообразили и которой никогда не было; какъ же намъ понять ученіе Христа?

Христосъ и не могъ представить себѣ такого страннаго понятія у своихъ учениковъ. Онъ предполагаетъ, что всѣ люди понимаютъ неизбѣжность погибели личной жизни и открываетъ жизнь не погибающую. Онъ даетъ благо тѣмъ, которые во злѣ; но тѣмъ, которые увѣрились, что они имѣютъ гораздо больше того, что̀ даетъ Христосъ, ученіе его ничего не можетъ дать. Я буду усовѣщевать человѣка, чтобы онъ работалъ, увѣряя его, что онъ за это получитъ одежду и пищу, и вдругъ этотъ человѣкъ увѣрится, что онъ и такъ милліонеръ; очевидно, что онъ не приметъ моихъ увѣщаній. Это самое происходитъ и съ ученіемъ Христа. Что̀ мнѣ еще заработывать, когда я и такъ могу быть богачемъ? Что мнѣ стараться прожить эту жизнь по божьи, когда я увѣренъ, что и безъ того буду вѣчно лично жить?

Насъ учатъ, что Христосъ спасъ людей тѣмъ, что онъ — второе лицо Троицы, что онъ—Богъ и вочеловѣчился, и, принявъ на себя грѣхъ Адама и всѣхъ людей, искупилъ грѣхъ людей предъ первымъ лицомъ Троицы и установилъ для нашего спасенія церковь и таинства. Вѣруя въ это, мы спасаемся и получаемъ вѣчную личную жизнь за гробомъ. Но нельзя же отрицать и того, что онъ спасъ и спасаетъ людей еще и тѣмъ, что, указавъ имъ на ихъ неизбѣжную *погибель, онъ*, по словамъ своимъ: я есмь *путь*, *жизнь и*

истина, далъ намъ истинный путь жизни, взамѣнъ того ложнаго пути жизни личной, по которому мы шли прежде.

Если могутъ найтись люди, которые усомнятся въ загробной жизни и спасеніи, основанномъ на искупленіи, то въ спасеніи людей всѣхъ и каждаго отдѣльно, чрезъ указаніе неизбѣжной погибели личной жизни и истиннаго пути спасенія въ сліяніи своей воли съ волею Отца, не можетъ быть сомнѣнія. Пусть всякій разумный человѣкъ спроситъ себя: чтó такое его жизнь и смерть? И пусть придастъ этой жизни и смерти какой-нибудь другой смыслъ, кромѣ того, который указалъ Христосъ.

Всякое осмысливаніе личной жизни, если она не основывается на отреченіи отъ себя для служенія людямъ, человѣчеству—сыну человѣчества, есть призракъ, разлетающійся при первомъ прикосновеніи разума. Въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра по волѣ Отца не погибаетъ, и что одно только сліяніе съ ней даетъ мнѣ возможность спасенія, въ этомъ я ужь не могу усомниться. Но это такъ мало въ сравненіи съ тѣми возвышенными, религіозными вѣрованіями въ будущую жизнь! Хоть мало, но вѣрно.

Я заблудился въ снѣжную мятель. Одинъ увѣряетъ меня, и ему такъ кажется, что вотъ они—огоньки, вотъ и деревня; но это такъ кажется, и ему, и мнѣ, потому что намъ этого хочется, а ужъ мы ходили на эти огоньки и ихъ не оказалось. А другой пошелъ по снѣгу: походилъ, вышелъ на дорогу, и кричитъ намъ: „никуда не ѣздите, огоньки у васъ въ глазахъ, вездѣ заблудитесь и пропадете, а вотъ крѣпкая дорога, и я стою на ней, она ведетъ насъ“. Это очень мало. Когда мы вѣрили огонькамъ, мелькавшимъ въ нашихъ ошалѣлыхъ глазахъ, была уже вотъ-вотъ и деревня, и теплая изба, и спасенье, и отдыхъ, а тутъ только крѣпкая дорога. Но если послушаемся перваго, навѣрно замерзнемъ, а если послушаемся второго, навѣрно выѣдемъ.

И такъ чтó же я долженъ дѣлать, если одинъ понялъ ученіе Христа и повѣрилъ въ него, одинъ среди непонимающихъ и неисполняющихъ его.

Чтó мнѣ дѣлать? Жить какъ всѣ, или жить по ученію Христа? Я понялъ ученіе Христа въ его заповѣдяхъ и вижу, что исполненіе ихъ даетъ блаженство и мнѣ, и всѣмъ людямъ міра. Я понялъ, что исполненіе этихъ заповѣдей есть воля того начала всего, отъ котораго произошла и моя жизнь.

Я понялъ, кромѣ того, что бы я ни дѣлалъ, я неизбѣжно погибну безсмысленною жизнью и смертью со всѣмъ, окружающимъ меня, если я не буду исполнять этой воли Отца, и что только въ исполненіи ея—единственная возможность спасенія.

Дѣлая какъ всѣ, я навѣрно противодѣйствую благу всѣхъ людей, навѣрно дѣлаю противное волѣ Отца жизни, навѣрно лишаю себя единственной возможности улучшить свое отчаянное положеніе. Дѣлая то, чему Христосъ учитъ меня, я продолжаю то, что люди дѣлали до меня: я содѣйствую благу всѣхъ людей, теперь живущихъ и тѣхъ, которые будутъ жить послѣ меня, дѣлаю то, что хочетъ отъ меня тотъ, кто произвелъ меня, и дѣлаю то, что одно можетъ спасти меня.

Горитъ циркъ въ Бердичевѣ, всѣ жмутся и душатъ другъ друга, напирая на дверь, которая отворяется внутрь. Является спаситель и говоритъ: „отступите отъ двери, вернитесь назадъ; чѣмъ больше вы напираете, тѣмъ меньше надежды спасенія. Вернитесь, и вы найдете выходъ и спасетесь“. Многіе ли, одинъ ли я услыхалъ это и повѣрилъ, все равно; но, услыхавши и повѣривши, что же я могу сдѣлать, какъ не то, чтобы пойти назадъ и звать всѣхъ на голосъ спасителя? Задушатъ, задавятъ, убьютъ меня можетъ быть; но спасеніе для меня все-таки лишь въ томъ, чтобы итти туда, гдѣ единственный выходъ. И я не могу не итти туда. Спаситель долженъ быть точно спаситель, т. е. точно спасать. И спасеніе Христа есть точно спасеніе. Онъ явился, сказалъ—и человѣчество спасено.

Циркъ горитъ часъ, и надо спѣшить, и люди могутъ не успѣть спастись. Но міръ горитъ ужъ 1800 лѣтъ, горитъ съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ сказалъ: я огонь низвелъ на землю; и какъ томлюсь, пока онъ не разгорится,— и будетъ горѣть, пока не спасутся люди. Не затѣмъ ли и люди, не затѣмъ ли и горитъ, чтобы люди имѣли блаженство спасенія?

И, понявъ это, я понялъ и повѣрилъ, что Іисусъ не только Мессія, Христосъ, но что онъ точно и спаситель міра.

Я знаю, что выхода другого нѣтъ ни для меня, ни для всѣхъ тѣхъ, которые со мной вмѣстѣ мучаются въ этой жизни. Я знаю, что всѣмъ, и мнѣ съ ними вмѣстѣ, нѣтъ другого спасенія, какъ исполнять тѣ заповѣди Христа, которыя даютъ высшее, доступное моему пониманію благо *всего* человѣчества.

Больше ли у меня будетъ непріятностей, раньше ли я умру, исполняя ученіе Христа, мнѣ не страшно. Это можетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру. И потому мнѣ совсѣмъ не можетъ быть страшно. Я умру такъ же, какъ и всѣ, такъ же, какъ и не исполняющіе ученія; но моя жизнь и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ, — а этому-то и училъ Христосъ.

IX.

Исполняй всѣ люди ученіе Христа, и было бы царство Бога на землѣ; исполняй я одинъ — я сдѣлаю самое лучшее для всѣхъ и для себя. Безъ исполненія ученія Христа, нѣтъ спасенія.

„Но гдѣ взять вѣры для того, чтобы исполнять его, всегда слѣдовать ему и никогда не отрекаться отъ него? Вѣрую, господи, помоги моему невѣрію“.

Ученики просили Христа утвердить въ нихъ вѣру. „Хочу дѣлать хорошее, дѣлаю дурное“,—говоритъ апостолъ Павелъ.

„Трудно спастись“, такъ говорятъ и думаютъ обыкновенно.

Человѣкъ тонетъ и проситъ о спасеніи. Ему подаютъ веревку, которая одна можетъ спасти его, а утопающій человѣкъ говоритъ: утвердите во мнѣ вѣру, что веревка эта спасетъ меня. Вѣрю, говоритъ человѣкъ, что веревка спасетъ меня, но помогите моему невѣрію.

Что это значитъ? Если человѣкъ не хватается за то, что спасаетъ его, то это значитъ только то, что человѣкъ не понялъ своего положенія.

Какъ можетъ христіанинъ, исповѣдующій божественность Христа и его ученія, какъ бы онъ ни понималъ его, говорить, что онъ хочетъ вѣрить и не можетъ? Самъ Богъ, придя на землю, сказалъ: вамъ предстоятъ вѣчныя мученія, огонь, вѣчная тьма кромѣшная, и вотъ спасенье вамъ — въ моемъ ученіи и исполненіи его. Не можетъ такой христіанинъ не вѣрить въ предлагаемое спасенье, не исполнять его и говорить: „помоги моему невѣрію“.

Для того, чтобы человѣкъ могъ сказать это, надо не только не вѣрить въ свою погибель, но надо вѣрить въ то, что онъ не погибнетъ.

Дѣти попрыгали съ корабля въ воду. Ихъ еще держитъ теченіе, ненамокшее платье и ихъ слабыя движенія, и они не понимаютъ своей погибели. Сверху изъ убѣгающаго корабля выкинута имъ веревка. Имъ говорятъ, что они навѣрно погибнутъ, ихъ умоляютъ съ корабля (притчи: о женщинѣ, нашедшей полушку, о пастухѣ, нашедшемъ пропавшую овцу, объ ужинѣ, о блудномъ сынѣ, говорятъ только про это); но дѣти не вѣрятъ. Они не вѣрятъ не веревкѣ, а тому, что они погибаютъ. Такія же легкомысленныя дѣти, какъ и они, увѣрили ихъ, что они всегда, когда и уйдетъ корабль, будутъ весело купаться. Дѣти не вѣрятъ въ то, что скоро платье ихъ намокнетъ, рученки намахаются, что они станутъ задыхаться, захлебнутся и пойдутъ ко дну. Въ это они не вѣрятъ и только потому не вѣрятъ въ веревку спасенія.

Какъ дѣти, упавшія съ корабля, увѣрились въ томъ, что они не погибнутъ, и оттого не берутся за веревку, такъ точно и люди, исповѣдующіе безсмертіе душъ, увѣрились въ томъ, что они не погибнутъ, и оттого не исполняютъ ученіе Христа — Бога. Они не вѣрятъ въ то, во что нельзя не вѣрить, только потому, что они вѣрятъ въ то, во что̀ нельзя вѣрить.

И вотъ они взываютъ къ кому-то: „Утверди въ насъ вѣру въ то, что мы не погибнемъ“.

Но это невозможно сдѣлать. Для того, чтобы у нихъ была вѣра въ то, что они не погибнутъ, имъ надо перестать дѣлать то, что̀ ихъ губитъ, и начать дѣлать то, что̀ ихъ спасаетъ — имъ надо взяться за веревку спасенья. А они не хотятъ этого сдѣлать, а хотятъ увѣриться въ томъ, что они не погибнутъ, несмотря на то, что на ихъ глазахъ одинъ за другимъ гибнутъ ихъ товарищи. И это-то желаніе свое увѣриться въ томъ, чего нѣтъ, они называютъ вѣрой. Понятно, что имъ всегда мало вѣры и хочется имѣть больше.

Когда я понялъ ученіе Христа, только тогда я понялъ также, что то, что̀ люди эти называютъ вѣрой, не есть вѣра, и что эту-то самую ложную вѣру и опровергаетъ апостолъ Іаковъ въ своемъ посланіи. (Посланіе это долго не принималось церковью и, когда было принято, подверглось *нѣкоторымъ* извращеніямъ: нѣкоторыя слова выкидываются,

нѣкоторыя переставляются или переводятся произвольно. Я оставляю принятый переводъ, исправляя только неточности по Тишендорфскому тексту).

II, 14. „Чтò въ томъ пользы, братія мои, говоритъ Яковъ, если человѣкъ *полагаетъ*, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Не можетъ вѣра спасти его, 15. Если, напримѣръ, братъ или сестра ходятъ голые, и нѣтъ у нихъ дневного пропитанія, 16. И скажетъ имъ кто-нибудь изъ васъ: идите съ Богомъ, грѣйтесь и питайтесь, и вы не дадите имъ того, чтò нужно для ихъ тѣла, чтò въ томъ пользы? 17. Такъ-то и вѣра, если отъ нея нѣтъ дѣлъ, мертва сама по себѣ, 18. И всякій можетъ сказать: у тебя вѣра, а у меня дѣла, покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ, а я покажу тебѣ дѣлами моими мою вѣру, 19. Ты вѣришь, что Богъ одинъ — хорошо! и бѣсы вѣрятъ, и трепещутъ, 20. Хочешь ли узнать, пустой человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва? 21. Авраамъ, отецъ нашъ, не дѣлами ли сталъ праведенъ, положивъ сына своего Исаака на жертвенникъ? 22. Видишь, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, а дѣлами совершилась вѣра? 24. Видите, что дѣлами становится праведнымъ человѣкъ, а не вѣрою только. 26. Потому что такъ же, какъ тѣло безъ души мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва".

Іаковъ говоритъ, что единственный признакъ вѣры — дѣла, вытекающія изъ нея, и что потому вѣра, изъ которой не вытекаютъ дѣла, есть только слова, которыми какъ не накормишь никого, такъ и не сдѣлаешь себя праведнымъ и не спасешься. И потому вѣра, изъ которой не вытекаютъ дѣла, не есть вѣра. Это только желаніе вѣрить во чтò-нибудь, это только ошибочное утвержденіе на словахъ, что я вѣрю въ то, во чтò я не вѣрю.

Вѣра, по этому опредѣленію, есть то, что содѣйствуетъ дѣламъ, а дѣла то, что совершаетъ вѣру, т. е. то, что дѣлаетъ вѣру вѣрою.

Іудеи говорили Христу (Іоан. VI, 30): „Какое же Ты дашь знаменіе, чтобы мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Что Ты дѣлаешь"?

Это же говорили ему, когда онъ былъ на крестѣ. Марк. XV, 32. Пусть сойдетъ теперь съ креста, чтобы мы видѣли, и увѣруемъ.

Мѳ. XXVII, 42. Другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти! Если Онъ Царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и увѣруемъ въ Него.

И на такое требованіе усиленія вѣры Христосъ отвѣчаетъ имъ, что желаніе ихъ напрасно и что ничѣмъ нельзя заставить ихъ вѣрить тому, во что они не вѣрятъ (Лук. XXII, 67). Онъ говоритъ: „Если скажу вамъ, вы не повѣрите (Іоан. X, 25). Я сказалъ вамъ, и не вѣрите. 26. Вы не вѣрите, ибо вы не изъ овецъ Моихъ, какъ Я сказалъ вамъ".

Іудеи требуютъ то-же, что требуютъ церковные христіане чего-нибудь такого, что заставило бы ихъ внѣшнимъ образомъ повѣрить въ ученіе Христа. И Онъ отвѣчаетъ имъ, что это невозможно, и объясняетъ имъ, почему невозможно. Онъ говоритъ, что они не могутъ вѣрить потому, что они не изъ овецъ Его, т. е. не слѣдуютъ тому пути жизни, который Онъ показалъ овцамъ своимъ. Онъ объясняетъ (Іоан. V, 44), въ чемъ различіе Его овецъ и другихъ, объясняетъ, почему одни вѣрятъ, а другіе нѣтъ, и на чемъ зиждется вѣра. „Какъ вы можете вѣровать, говоритъ Онъ, когда другъ отъ друга принимаете δόξα ученіе [1]), а то ученіе, которое отъ единаго Бога, того не ищете".

Чтобы вѣрить, говоритъ Христосъ, надо искать то ученіе, которое отъ одного только Бога. Говорящій отъ себя ищетъ свое личное ученіе (δόξαν την ἰδιαν), а кто ищетъ ученіе пославшаго его, тотъ истиненъ и нѣтъ неправды въ немъ (Іоан. VII, 18).

Ученіе о жизни (докса) есть основа вѣры.

Поступки всѣ вытекаютъ изъ вѣры. Вѣры же всѣ вытекаютъ изъ (докса) того смысла, который мы приписываемъ жизни. Поступковъ можетъ быть безчисленное количество, вѣръ тоже очень много; но ученій о жизни (докса) есть только два: одно изъ нихъ отрицаетъ, а другое признаетъ Христосъ. Одно ученіе — то, которое отрицаетъ Христосъ, состоитъ въ томъ, что личная жизнь есть что-то дѣйствительно существующее и принадлежащее человѣку. Это то ученіе, котораго держалось и держится большинство людей и изъ котораго вытекаютъ всѣ разнообразныя вѣры людей міра и всѣ ихъ поступки. Другое ученіе — то, которое проповѣдывали всѣ пророки и Христосъ, именно: что жизнь наша личная получаетъ смыслъ только въ исполненіи воли Бога.

---

[1]) δόξα, какъ и во многихъ мѣстахъ, совершенно неправильно переводится словомъ: слова: δόξα отъ δοκέω, значитъ воззрѣніе, сужденіе, ученіе.

Если человѣкъ имѣетъ ту докса, что важнѣе всего его личность, то онъ будетъ считать, что его личное благо есть самое главное и желательное въ жизни и, смотря по тому, въ чемъ онъ будетъ полагать это благо, — въ пріобрѣтеніи ли имѣнья, въ знатности ли, въ славѣ, въ удовлетвореніи ли похоти и пр., у него будетъ соотвѣтственная этому взгляду вѣра, и всѣ поступки его будутъ всегда сообразны съ нею.

Если докса человѣка—другая, если онъ понимаетъ жизнь такъ, что смыслъ ея только въ исполненіи воли Бога, какъ понималъ это Авраамъ и какъ училъ этому Христосъ, то, смотря по тому, въ чемъ онъ будетъ полагать волю Бога, у него будетъ и соотвѣтствующая этому взгляду вѣра, и всѣ поступки его будутъ всегда сообразны съ нею.

Вотъ почему и не могутъ вѣрующіе въ благо личной жизни повѣрить въ ученіе Христа. И всѣ усилія ихъ повѣрить этому всегда останутся тщетны. Чтобы повѣрить — имъ надо измѣнить свой взглядъ на жизнь. А пока они не измѣнили его, дѣла ихъ будутъ всегда совпадать съ ихъ вѣрой, а не съ ихъ желаніями и словами.

Желаніе вѣрить въ ученіе Христа тѣхъ, которые просили у него знаменій, и нашихъ вѣрующихъ не совпадаетъ и не можетъ совпадать съ ихъ жизнью, какъ бы они ни старались объ этомъ. Они могутъ молиться Христу—Богу, причащаться, дѣлать дѣла человѣколюбія, строить церкви, обращать другихъ; они все это и дѣлаютъ, но не могутъ дѣлать дѣла Христа потому, что дѣла эти вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ другомъ ученіи докса чѣмъ то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ, между тѣмъ какъ Авраамъ не могъ даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести сына своего въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ давалъ смыслъ и благо его жизни. И точно такъ же Христосъ и ученики его не могли не отдавать своей жизни другимъ, потому что въ этомъ одномъ былъ смыслъ и благо ихъ жизни. Изъ этого-то непониманія сущности вѣры и вытекаетъ то странное желаніе людей — сдѣлать такъ, чтобы повѣрить въ то, что жить по ученію Христа лучше, тогда какъ всѣми силами души, согласно съ вѣрой въ благо личной жизни, имъ хочется жить противно этому ученію.

Основа вѣры есть смыслъ жизни, изъ котораго вытекаетъ оцѣнка того, что важно и хорошо въ жизни, и того, что не-

важно и дурно. Оцѣнка всѣхъ явленій жизни есть вѣра. И какъ теперь люди, имѣя вѣру, основанную на своемъ ученіи, никакъ не могутъ согласовать ее съ вѣрою, вытекающей изъ ученія Христа, такъ не могли этого сдѣлать и ученики его. И это недоразумѣніе много разъ рѣзко и ясно выражено въ Евангеліи. Ученики Христа много разъ просили его утвердить ихъ вѣру въ то, что онъ говорилъ: Мѳ. XX, 20—28 и Марк. X, 35—45. По обоимъ Евангеліямъ, послѣ слова, страшнаго для каждаго вѣрующаго въ личную жизнь и полагающаго благо въ богатствѣ міра, послѣ словъ о томъ, что богатый не войдетъ въ царство Бога, и послѣ еще болѣе страшныхъ для людей, вѣрующихъ только въ личную жизнь, словъ о томъ, что кто не оставитъ всего и жизни своей, ради ученія Христа, тотъ не спасется,—Петръ спрашиваетъ: что же будетъ намъ, послѣдовавшимъ за тобой и оставившимъ все? Потомъ по Марку, Іаковъ и Іоаннъ сами, а по Матѳею, ихъ мать, просятъ его, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, чтобы они сѣли по обѣимъ сторонамъ его, когда онъ будетъ во славѣ. Они просятъ, чтобы онъ утвердилъ ихъ вѣру обѣщаніемъ награды. На вопросъ Петра Іисусъ отвѣчалъ притчей о нанятыхъ въ разное время работникахъ. (Мѳ. XX, 1—16); на вопросъ же Іакова онъ говоритъ: вы сами не знаете, чего хотите, т. е. вы просите невозможнаго. Вы не понимаете ученія. Ученіе—въ отреченіи отъ личной жизни, а вы просите личной славы, личной награды. Пить чашу (провести жизнь) вы можете такую же, какъ и Я, но сѣсть справа и слѣва отъ Меня, т. е. быть равными Мнѣ, этого никто не можетъ сдѣлать. И тутъ Христосъ говоритъ: только въ мірской жизни сильные міра пользуются и радуются славой и властью личной жизни; но вы, ученики Мои, должны знать, что смыслъ жизни человѣческой не въ личномъ счастьѣ, а въ служеніи всѣмъ, въ униженіи передъ всѣми. Человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы ему служили, а затѣмъ, чтобы самому служить и отдавать свою личную жизнь, какъ выкупъ за всѣхъ. Христосъ, на требованіе учениковъ, показавшее ему все непониманіе ими его ученія, не приказываетъ имъ вѣрить, т. е. измѣнить ту оцѣнку благъ и золъ жизни, которая вытекаетъ изъ ихъ ученія (онъ знаетъ, что это невозможно), а разъясняетъ имъ тотъ смыслъ жизни, на которомъ зиждется вѣра, т. е. истинная оцѣнка того, что хорошо и дурно, важно и не важно.

На вопросъ Петра: (Марк. X, 28) что намъ будетъ, какая

награда за наши жертвы? Христосъ отвѣчаетъ притчей о работникахъ, нанятыхъ въ разное время и получившихъ одинаковую награду. Христосъ разъясняетъ Петру его непониманіе ученія, отъ котораго и зависитъ отсутствіе его вѣры. Христосъ говоритъ: только въ жизни личной и безсмысленной дорого и важно вознагражденіе за работу по мѣрѣ работы. Вѣра въ вознагражденіе за работу по мѣрѣ работы вытекаетъ изъ ученія личной жизни. Вѣра эта зиждется на предположеніи о правахъ, которыя мы будто имѣемъ на что-то; но правъ человѣкъ ни на что не имѣетъ и не можетъ имѣть; онъ только имѣетъ обязательства за благо, данное ему, и потому ему нельзя считаться ни съ кѣмъ. Отдавъ всю свою жизнь, онъ, все-таки, не можетъ отдать того, что ему дано, и потому хозяинъ не можетъ быть несправедливъ къ нему. Если же человѣкъ заявляетъ права на свою жизнь, считается въ началомъ всего, съ тѣмъ, что дала ему жизнь, то этимъ онъ только показываетъ, что онъ не понимаетъ смысла жизни.

Люди, получивъ счастье, требуютъ еще чего-то. Люди эти стояли на базарѣ праздные и несчастные — не жили. Хозяинъ взялъ ихъ и далъ высшее счастье жизни—трудъ. Они приняли милость хозяина и потомъ остались недовольны. Они недовольны потому, что у нихъ нѣтъ яснаго сознанія своего положенія. Они пришли на работу съ своимъ ложнымъ ученіемъ о томъ, что они имѣютъ право на свою жизнь и на свой трудъ, и что поэтому трудъ ихъ долженъ быть вознагражденъ. Они не понимаютъ того, что этотъ трудъ есть самое высшее благо, которое дано имъ и за которое имъ дано только стараться возвратить такое же благо, а нельзя требовать вознагражденія. И потому люди, имѣющіе такое же, какъ эти работники, превратное понятіе о жизни, не могутъ имѣть правильной и истинной вѣры.

Притча о хозяинѣ и работникѣ, пришедшемъ съ поля, сказанная въ отвѣтъ на прямую просьбу учениковъ утвердить, умножить въ нихъ вѣру, еще яснѣе опредѣляетъ основу той вѣры, которой учитъ Христосъ.

(Луки XVII, 3—10). На слова Христа, что надо прощать брату не разъ, а разъ семьдесятъ, ученики, ужасаясь трудности исполненія этого правила, говорятъ: да, но... надо вѣрить, чтобъ исполнять это; утверди же, умножь въ насъ вѣру; какъ прежде они спрашивали: что имъ за это будетъ? такъ и теперь спрашиваютъ о томъ же самомъ, что говорятъ

всѣ, такъ называемые, христіане. Хочу вѣрить, но не могу; утверди въ насъ вѣру въ то, что веревка спасенія спасетъ насъ. Они говорятъ: сдѣлай такъ, чтобы мы вѣрили,—то самое, что говорили ему, требуя отъ него чудесъ. Чудесами или обѣщаніями наградъ сдѣлай такъ, чтобы мы вѣрили своему спасенію.

Ученики говорятъ такъ, какъ мы говоримъ: хорошо бы было сдѣлать такъ, чтобы намъ, живя той жизнью одинокой, своевольной, которой мы живемъ, вѣрить еще, что, если мы будемъ исполнять ученіе Бога, намъ будетъ еще лучше. Мы всѣ предъявляемъ это противное всему смыслу ученія Христа требованіе и удивляемся, что никакъ не можемъ повѣрить. И на это-то самое коренное недоразумѣніе, бывшее тогда, какъ и теперь, онъ отвѣчаетъ притчей, въ которой показываетъ, что есть истинная вѣра. Вѣра не можетъ произойти отъ довѣрія къ тому, что онъ скажетъ; вѣра происходитъ только отъ сознанія своего положенія. Вѣра зиждется только на разумномъ сознаніи того, что лучше дѣлать, находясь въ извѣстномъ положеніи. Онъ показываетъ, что нельзя возбудить въ другихъ людяхъ эту вѣру обѣщаніемъ наградъ и угрозой наказанія, что это будетъ довѣріе очень слабое, которое разрушится при первомъ искушеніи, что та вѣра, которая горы сдвигаетъ, та, которую ничто поколебать не можетъ, зиждется на сознаніи неизбѣжной погибели и того единственнаго спасенія, которое возможно въ этомъ положеніи.

Для того, чтобы имѣть вѣру, не нужно никакихъ обѣщаній наградъ. Нужно понять, что единственное спасеніе отъ неизбѣжной погибели жизни, есть жизнь общая по волѣ хозяина. Всякій, понявшій это, не будетъ искать утвержденія, а будетъ спасаться безъ всякихъ увѣщаній.

На просьбу учениковъ утвердить въ нихъ вѣру, Христосъ говоритъ: когда хозяинъ придетъ съ работникомъ съ поля, то не велитъ ему сейчасъ обѣдать, а велитъ убрать скотину и служить, а потомъ ужъ работникъ садится за столъ и обѣдаетъ. Работникъ все это дѣлаетъ и не считаетъ себя обиженнымъ, и не хвалится, и не требуетъ благодарности или награды, а знаетъ, что это такъ должно быть, и что онъ дѣлаетъ только то, что нужно, что это очень необходимое условіе службы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, истинное благо его жизни. Такъ и вы, говоритъ Христосъ, когда сдѣлаете *все, что вамъ* велѣно, считайте, что вы сдѣлали только то,

что должны были сдѣлать. Кто пойметъ свое отношеніе къ хозяину, тотъ пойметъ, что, только покоряясь волѣ хозяина, онъ можетъ имѣть жизнь, и будетъ знать, въ чемъ его благо, и будетъ имѣть вѣру, для которой не будетъ ничего возможнаго. Вотъ этой-то вѣрѣ и учитъ Христосъ. Вѣра, по ученію Христа, зиждется на разумномъ сознаніи смысла своей жизни.

Основа вѣры, по ученію Христа, есть свѣтъ.

Іоан. I, 9—12. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. 10. Въ мірѣ былъ, и міръ произошелъ чрезъ Него, и міръ Его не позналъ. 11. Пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли. 12. А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами божіими. Іоан. III, 19—21. Судъ же [1]), состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. 20. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. 21. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы.

Для того, кто понялъ ученіе Христа, не можетъ быть вопроса объ утвержденіи вѣры. Вѣра, по ученію Христа, зиждется на свѣтѣ, истинѣ. Христосъ нигдѣ не призываетъ къ вѣрѣ въ себя; онъ призываетъ только къ вѣрѣ въ истину.

Іоан. VIII, 40. Онъ говоритъ іудеямъ: вы ищете убить Меня, человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую слышалъ отъ Бога.

46. Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ? Если же Я говорю истину, почему вы не вѣрите мнѣ? Іоан. XVIII, 37. Онъ говоритъ: Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Всякій, кто отъ истины, слушаетъ голоса Моего.

Іоан. XIV, 6. „Онъ говоритъ: Я—путь, и истина, и жизнь“.

„Отецъ, говоритъ онъ ученикамъ въ той же главѣ (16), дастъ вамъ другого утѣшителя и тотъ будетъ съ вами во вѣкъ. Утѣшитель этотъ: духъ истины, котораго міръ не видитъ и не знаетъ, а вы знаете, потому что онъ при васъ и въ васъ будетъ.“

---

[1]) Судъ—κρίσις—значитъ не судъ, а раздѣленіе.

Онъ говоритъ, что все Его ученіе, что онъ самъ—есть истина.

Ученіе Христа есть ученіе объ истинѣ. И потому вѣра въ Христа не есть довѣріе во что нибудь, касающееся Іисуса, но знаніе истины. Въ ученіе Христа нельзя увѣрять никого, нельзя подкупать ничѣмъ къ исполненію его. Кто понимаетъ ученіе Христа, у того и будетъ вѣра въ Него, потому что ученіе это—истина. А кто знаетъ истину, нужную для его блага, тотъ не можетъ не вѣрить въ нее, и потому человѣкъ, понявшій, что онъ истинно тонетъ, не можетъ не взяться за веревку спасенія. И вопросъ, какъ сдѣлать, чтобы повѣрить, есть вопросъ, выражающій только непониманіе ученія Іисуса Христа.

X.

Мы говоримъ: „трудно жить по ученію Христа!" Да какъ же не трудно, когда мы сами старательно, всей жизнью нашей скрываемъ отъ себя наше положеніе и старательно утверждаемъ въ себѣ довѣріе къ тому, что наше положеніе совсѣмъ не то, какое есть, а совершенно другое. И это-то довѣріе, назвавъ его вѣрою, мы возводимъ во что-то священное, и всѣми средствами—насиліемъ, дѣйствіемъ на чувства, угрозами, лестью, обманомъ—заманиваемъ къ этому ложному довѣрію. Въ этомъ требованіи довѣрія къ невозможному и неразумному мы доходимъ до того, что самую неразумность того, къ чему мы требуемъ довѣрія, считаемъ признакомъ истинности. Нашелся человѣкъ христіанинъ, который сказалъ: credo quia absurdum, и другіе христіане съ восторгомъ повторяютъ это, предполагая, что нелѣпость есть самое лучшее средство для наученія людей истинѣ. Недавно въ разговорѣ со мной одинъ ученый и умный человѣкъ сказалъ мнѣ, что христіанское ученіе, какъ нравственное ученіе о жизни, не важно. „Все это, сказалъ онъ мнѣ, можно найти у стоиковъ, у браминовъ, въ Талмудѣ. Сущность христіанскаго ученія не въ этомъ, а въ теозофическомъ ученіи, выраженномъ въ догматахъ." То—есть, не то дорого въ христіанскомъ ученіи, что вѣчно и общечеловѣчно, что нужно для жизни и разумно, а важно и дорого въ христіанствѣ то, что совершенно непонятно и потому не нужно, и то, во имя чего побиты милліоны людей.

Мы составили себѣ ни на чемъ, кромѣ какъ на нашей злости и личныхъ похотяхъ основанное, ложное представленіе о нашей жизни и о жизни міра; и вѣру въ это ложное представленіе, связанное внѣшнимъ образомъ съ ученіемъ Христа, считаемъ самымъ нужнымъ и важнымъ для жизни. Не будь этого, вѣками поддерживаемаго людьми довѣрія ко лжи, ложь нашего представленія о жизни и истина ученія Христа обнаружилась бы давно.

Ужасно сказать (но мнѣ иногда кажется): не будь вовсе ученія Христа съ церковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь называются христіанами, были бы гораздо ближе къ ученію Христа, т. е. къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь. Для нихъ не были бы закрыты нравственныя ученія пророковъ всего человѣчества. У нихъ были бы свои маленькіе проповѣдники истины, и они вѣрили бы имъ. Но теперь вся истина открыта и вся истина эта показалась такъ страшна тѣмъ, чьи дѣла были злы, что они перетолковали ее въ ложь, и люди потеряли довѣріе къ истинѣ. Въ нашемъ европейскомъ обществѣ на заявленіе Христа, — что онъ пришелъ въ міръ для того, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, и что потому всякій, кто отъ истины, слышитъ Его, на эти слова всѣ давно уже отвѣчали себѣ словами Пилата: *что есть истина?* Эти слова, выражающія такую грустную и глубокую иронію надъ однимъ римляниномъ, мы приняли взаправду и сдѣлали ихъ своей вѣрою. Всѣ въ нашемъ мірѣ живутъ не только безъ истины, не только безъ желанія узнать ее, но съ твердой увѣренностью, что изъ всѣхъ праздныхъ занятій самое праздное есть исканіе истины, опредѣляющей жизнь человѣческую.

Ученіе о жизни—то, что у всѣхъ народовъ, до нашего европейскаго общества всегда считалось самымъ важнымъ, то, про что Христосъ говорилъ, что оно единое на потребу—это-то одно исключено изъ нашей жизни и всей дѣятельности человѣческой. Этимъ занимается учрежденіе, которое называется церковью и въ которое никто, даже составляющіе это учрежденіе, давно уже не вѣритъ.

Единственное окно для свѣта, къ которому обращены глаза всѣхъ мыслящихъ, страдающихъ, заслонено. На вопросъ: что я, что мнѣ дѣлать, нельзя ли мнѣ облегчить жизнь мою по ученію того Бога, который, по вашимъ словамъ, пришелъ спасти насъ, мнѣ отвѣчаютъ: исполняй

предписаніе властей и вѣръ церкви. Но отчего же такъ дурно мы живемъ въ этомъ мірѣ? спрашиваетъ отчаянный голосъ; зачѣмъ все это зло, неужели нельзя мнѣ своей жизнью не участвовать въ этомъ злѣ? Неужели нельзя облегчить это зло? Отвѣчаютъ: нельзя. Желаніе твое прожить жизнь хорошо и помочь въ этомъ другимъ—есть гордость, *прелесть*. Одно, что можно—это спасти себя, свою душу для будущей жизни. Если же не хочешь участвовать въ злѣ міра, то уйди изъ него. Путь этотъ открытъ каждому, говоритъ ученіе церкви, но знай, что, избирая этотъ путь, ты долженъ уже не участвовать въ жизни міра, а перестать жить и медленно самъ убивать себя. Есть только два пути, говорятъ намъ наши учители: вѣрить и повиноваться намъ и властямъ и участвовать въ томъ злѣ, которое мы учредили; или уйти изъ міра и итти въ монастырь, не спать и не ѣсть, или на столбѣ гноить свою плоть, сгибаться и разгибаться и ничего не дѣлать для людей; или признать ученіе Христа неисполнимымъ и потому признать освященную религіей беззаконность жизни; или отречься отъ жизни, что равносильно медленному самоубійству.

Какъ ни удивительно кажется понявшему ученіе Христа то заблужденіе, по которому признается, что ученіе Христа очень хорошо для людей, но неисполнимо; но заблужденіе, по которому признается, что человѣкъ, желающій не на словахъ, а на дѣлѣ исполнять ученіе Христа, долженъ уйти изъ міра—еще удивительнѣе.

Заблужденіе это—что человѣку лучше удалиться отъ міра, чѣмъ подвергаться искушеніямъ міра, есть старое заблужденіе, давно извѣстное евреямъ, но совершенно чуждое не только духу христіанства, но и іудаизму. Противъ этого-то заблужденія, задолго еще до Христа, написана повѣсть о пророкѣ Іонѣ, столь любимая и часто приводимая Христомъ. Мысль повѣсти отъ начала до конца одна: Іона пророкъ хочетъ одинъ быть праведнымъ и удаляется отъ развращенныхъ людей. Но Богъ показываетъ ему, что онъ—пророкъ, что онъ затѣмъ только и нуженъ, чтобы сообщить заблудшимъ людямъ свое знаніе истины, а потому онъ не убѣгать долженъ отъ заблудшихъ людей, а жить въ общеніи съ ними. Іона брезгаетъ развращенными ниневитянами и убѣгаетъ отъ нихъ. Но какъ ни убѣгаетъ Іона отъ своего назначенія, Богъ приводитъ его

черезъ кита къ ниневитянамъ, и дѣлается то, чего хочетъ Богъ, т. е. ниневитяне принимаютъ черезъ Іону ученіе Бога,—и жизнь ихъ дѣлается лучше. Но Іона не только не радуется тому, что онъ орудіе воли Божіей, но досадуетъ, ревнуетъ Бога къ ниневитянамъ,—ему хотѣлось бы одному быть разумнымъ и хорошимъ. Онъ удаляется въ пустыню, плачется на свою судьбу и упрекаетъ Бога. И тогда надъ Іоной выростаетъ въ одну ночь тыква, защищающая его отъ солнца, а въ другую ночь червь съѣдаетъ эту тыкву. Іона еще отчаяннѣе упрекаетъ Бога за то, что дорогая ему тыква пропала. Тогда Богъ говоритъ ему: тебѣ жалко тыквы, которую ты называешь своей, она въ одну ночь выросла и въ одну ночь пропала, а Мнѣ развѣ не жалко было огромнаго народа, который погибалъ, живя какъ животные, не умѣя отличить правой руки отъ лѣвой! Твое знаніе истины на то только и нужно было, чтобы передать его тѣмъ, которые не имѣли его.

Христосъ зналъ эту повѣсть и часто приводилъ ее, но, кромѣ того въ Евангеліяхъ разсказано, какъ самъ Христосъ, послѣ посѣщенія удалившагося въ пустыню Іоанна Крестителя, передъ началомъ своей проповѣди, подпалъ тому же искушенію и какъ онъ былъ отведенъ діаволомъ (обманомъ) въ пустыню для искушенія, и какъ онъ побѣдилъ этотъ обманъ и, въ силѣ духа, вернулся въ Галилею, и какъ съ тѣхъ поръ, уже не гнушаясь никакими развратными людьми, провелъ жизнь среди мытарей, фарисеевъ и грѣшниковъ, научая ихъ истинѣ [1]).

По церковному же ученію Христосъ-Богочеловѣкъ далъ намъ примѣръ жизни. Всю извѣстную намъ жизнь свою

[1]) Лк. IV, 1, 2. Христосъ отведенъ въ пустыню обманомъ, чтобы тамъ быть искушаемымъ. Мѳ. IV, 3, 4. Обманъ говоритъ Христу, что онъ не сынъ Бога, если не можетъ изъ камней сдѣлать хлѣбы. Христосъ говоритъ: Я могу жить безъ хлѣба, я живъ тѣмъ, что вдунуто въ меня Богомъ. Тогда обманъ говоритъ: если ты живъ тѣмъ, что вдунуто въ тебя Богомъ, то бросься съ высоты; ты убьешь плоть, но духъ, вдунутый въ тебя Богомъ, не погибнетъ.—Христосъ отвѣчаетъ: жизнь моя въ плоти есть воля Бога. Убить свою плоть значитъ итти противъ воли Бога—искушать Бога. Мѳ. IV, 8—11. Тогда обманъ говоритъ: если такъ, то и служи плоти, какъ всѣ люди, и плоть вознаградитъ тебя. Христосъ отвѣчаетъ: Я безсиленъ надъ плотью, жизнь моя въ духѣ; но уничтожить плоть я не могу, потому что духъ вложенъ въ мою плоть волею Бога, и потому, живя я во плоти, я могу служить только отцу своему, Богу. И Христосъ идетъ изъ пустыни въ міръ.

Христосъ проводитъ въ самомъ водоворотѣ жизни: съ мытарями, блудницами въ Іерусалимѣ, фарисеями. Главныя заповѣди Христа—любовь къ ближнему, и проповѣданіе другимъ его ученія. И то и другое требуетъ постояннаго общенія съ міромъ. И вдругъ изъ этого дѣлается тотъ выводъ, что, по ученію Христа, надо уйти отъ всѣхъ, ни съ кѣмъ не имѣть никакого дѣла, и стать на столбъ. Чтобы слѣдовать примѣру Христа, оказывается, что надо дѣлать совершенно обратное тому, чему онъ училъ и тому, что онъ дѣлалъ.

Ученіе Христа по церковнымъ толкованіямъ представляется какъ для мірскихъ людей, такъ и для монашествующихъ, не ученіемъ о жизни—какъ сдѣлать ее лучше для себя и для другихъ, а ученіемъ о томъ, во что надо вѣрить свѣтскимъ людямъ, чтобы, живя дурно, все-таки спастись на томъ свѣтѣ, а для монашествующихъ тѣмъ, какъ для себя сдѣлать эту жизнь еще хуже, чѣмъ она есть.

Но Христосъ учитъ не этому.

Христосъ учитъ истинѣ, и если истина отвлеченная есть истина, то она будетъ истиною и въ дѣйствительности. Если жизнь въ Богѣ есть единая жизнь истинная, блаженная сама въ себѣ, то она истинна, блаженна здѣсь на землѣ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ жизни. Если бы жизнь здѣсь не подтверждала ученія Христа о жизни, то это ученіе было бы не истинно.

Христосъ не призываетъ къ худшему отъ лучшаго, а напротивъ—къ лучшему отъ худшаго. Онъ жалѣетъ людей, которые ему представляются какъ растерянныя, погибающія безъ пастуха овцы, и обѣщаетъ имъ пастуха и хорошее пастбище. Онъ говоритъ, что ученики его будутъ гонимы за его ученіе и должны терпѣть и переносить гоненія міра съ твердостью. Но онъ не говоритъ, что, слѣдуя его ученію, они будутъ терпѣть больше, чѣмъ, слѣдуя ученію міра; напротивъ, онъ говоритъ, что тѣ, которые будутъ слѣдовать ученію міра, тѣ будутъ несчастны, а тѣ, которые будутъ слѣдовать его ученію, тѣ будутъ блаженны.

Христосъ учитъ не спасенію вѣрою, или аскетизму, т. е. обману воображенія, или самовольнымъ мученіямъ въ этой жизни; но онъ учитъ жизни такой, при которой, кромѣ спасенія отъ погибели личной жизни, еще и здѣсь, въ этомъ мірѣ, меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной.

Христосъ, открывая свое ученіе, говоритъ людямъ, что,

исполняя его ученіе даже среди неисполняющихъ, они не будутъ отъ этого несчастливѣе, чѣмъ прежде, но, напротивъ, будутъ счастливѣе, чѣмъ тѣ, которые не будутъ исполнять этого. Христосъ говоритъ, что есть вѣрный мірской разсчетъ не заботиться о жизни міра.

„И началъ Петръ говорить Ему: вотъ, мы оставили все и послѣдовали за Тобою. Что намъ будетъ? Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Меня и Евангелія, и не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель, и въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной". (Матѳ. XIX, 27, 29. Луки XVIII, 28—30).

Христосъ, правда, упоминаетъ, что тѣмъ, которые послушаютъ его, предстоятъ гоненія отъ тѣхъ, которые не послушаютъ его; но онъ не говоритъ, чтобы ученики что-нибудь потеряли отъ этого. Напротивъ, онъ говоритъ, что ученики его будутъ имѣть здѣсь, въ мірѣ этомъ, больше радостей, чѣмъ не ученики.

Что Христосъ говоритъ и думаетъ такъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и по ясности его словъ объ этомъ, и по смыслу всего ученія, и по тому, какъ онъ жилъ, и по тому, какъ жили его ученики. Но правда ли это?

Разбирая отвлеченный вопросъ о томъ, чье положеніе будетъ лучше: учениковъ Христа или учениковъ міра, нельзя не видѣть, что положеніе учениковъ Христа должно быть лучше уже потому, что ученики Христа, дѣлая всѣмъ добро, не будутъ возбуждать ненависти въ людяхъ. Ученики Христа, не дѣлая никому зла, могутъ быть гонимы только злыми людьми; ученики же міра должны быть гонимы всѣми, такъ-какъ законъ жизни учениковъ міра есть законъ борьбы, т. е. гоненіе другъ друга. Случайности же въ страданіи—тѣ же, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, съ тою только разницей, что ученики Христа будутъ готовы къ нимъ, а ученики міра всѣ силы души будутъ употреблять на то, чтобы избѣжать ихъ, и что ученики Христа, страдая, будутъ думать, что ихъ страданія нужны для міра, а ученики міра, страдая, не будутъ знать, зачѣмъ они страдаютъ. Разсуждая отвлеченно, положеніе учениковъ Христа должно быть выгоднѣе положенія учениковъ міра. Но такъ ли оно на дѣлѣ?

Чтобы провѣрить это, пусть всякій вспомнитъ всѣ тя-

жести минуты своей жизни, всѣ тѣлесныя и душевныя страданія, которыя онъ перенесъ и переноситъ, и спроситъ себя: во имя чего онъ переносилъ всѣ эти несчастія: во имя ученія міра или Христа? Пусть всякій искренній человѣкъ вспомнитъ хорошенько всю свою жизнь и онъ увидитъ, что никогда ни одного раза онъ не пострадалъ отъ исполненія ученія Христа; но большинство несчастій его жизни произошло только оттого, что онъ, въ противность своему влеченію, слѣдовалъ связывавшему его ученію міра.

Въ своей, исключительно въ мірскомъ смыслѣ, счастливой жизни я наберу страданій, понесенныхъ мною во имя ученія міра, столько, что ихъ достало бы на хорошаго мученика во имя Христа. Всѣ самыя тяжелыя минуты моей жизни, начиная отъ студенческаго пьянства и разврата до дуэлей, войны и до того нездоровья и тѣхъ неестественныхъ и мучительныхъ условій жизни, въ которыхъ я живу теперь,— все это есть мучительство во имя ученія міра.

Да, и я говорю про свою еще исключительно счастливую въ мірскомъ смыслѣ жизнь. А сколько мучениковъ, пострадавшихъ и теперь страдающихъ за ученіе міра, страданіями, которыхъ я не могу даже живо представить себѣ!

Мы не видимъ всей трудности и опасности исполненія ученія міра только потому, что мы считаемъ, что все, что мы переносимъ для него, необходимо.

Мы увѣрились въ томъ, что всѣ тѣ несчастія, которыя мы сами себѣ дѣлаемъ, суть необходимыя условія нашей жизни, и потому не можемъ понять, что Христосъ учитъ именно тому, какъ намъ избавиться отъ нашихъ несчастій и жить счастливо.

Чтобы быть въ состояніи обсудить вопросъ о томъ, какая жизнь счастливѣе, намъ надо хоть мысленно отрѣшиться отъ этого ложнаго представленія и безъ предвзятой мысли оглянуться на себя и вокругъ себя.

Пройдите по большой толпѣ людей, особенно городскихъ, и вглядитесь въ эти истомленныя, тревожныя, больныя лица, и потомъ вспомните свою жизнь и жизнь людей, подробности которой вамъ довелось узнать; вспомните всѣ тѣ насильственныя смерти, всѣ тѣ самоубійства, о которыхъ вамъ довелось слышать и спросите: во имя чего всѣ эти страданія смерти и отчаянія, приводящія къ самоубійствамъ? И вы увидите, какъ ни странно это кажется сначала, что девять

десятыхъ страданій людей несутся ими во имя ученія міра, что всѣ эти страданія не нужны, и могли бы не быть, что большинство людей—мученики ученія міра.

На-дняхъ, въ осеннее дождливое воскресенье, я проѣхалъ по конкѣ черезъ базаръ Сухаревой башни. На протяженіи полуверсты карета раздвигала сплошную толпу людей, тотчасъ же сдвигавшуюся сзади. Съ утра до вечера эти тысячи людей, изъ которыхъ большинство голодные и оборванные, толкутся здѣсь въ грязи, ругая, обманывая и ненавидя другъ друга. То же происходитъ на всѣхъ базарахъ Москвы. Вечеръ люди эти проведутъ въ кабакахъ и трактирахъ. Ночь—въ своихъ углахъ и конурахъ. Воскресеніе—это лучшій день ихъ недѣли. Съ понедѣльника, въ своихъ зараженныхъ конурахъ, они опять возьмутся за постылую работу.

Вдумайтесь въ жизнь всѣхъ этихъ людей, въ то положеніе, которое они оставили, чтобы избрать то, въ которое они сами себя поставили, и вдумайтесь въ тотъ неустанный трудъ, который вольно несутъ эти люди,—мужчины и женщины,—и вы увидите, что это—истинные мученики.

Всѣ эти люди побросали дома, поля, отцевъ, братьевъ, часто женъ и дѣтей—отреклись отъ всего, даже отъ самой жизни и пришли въ городъ для того, чтобы пріобрѣсти то, что по ученію міра считается для каждаго изъ нихъ необходимымъ. И всѣ они, не говоря уже о тѣхъ десяткахъ тысячъ несчастныхъ людей, потерявшихъ все и перебивающихся требухой и водкой въ ночлежныхъ домахъ,—всѣ, начиная отъ фабричнаго, извозчика, швеи, проститутки до богача—купца и министра и ихъ женъ, всѣ несутъ самую тяжелую неестественную жизнь и не пріобрѣли того, что считается для нихъ нужнымъ по ученію міра.

Поищите между этими людьми—отъ бѣдняка до богача, такого человѣка, которому бы хватало того, что онъ зарабатываетъ на то, что онъ считаетъ нужнымъ, необходимымъ по ученію міра, и вы увидите, что не найдете и одного на тысячу. Всякій бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы пріобрѣсть то, что не нужно для него, но что требуется отъ него ученіемъ міра и отсутствіе чего составляетъ его несчастіе. И какъ только онъ пріобрѣтетъ то, что требуется, отъ него потребуется еще другое и еще другое, и такъ, безъ конца идетъ эта Сизифова работа, губящая жизни людей. Возьмите лѣстницу состояній отъ людей, проживающихъ въ годъ триста

рублей до пятидесяти тысячъ, и вы рѣдко найдете человѣка, который бы не былъ измученъ, истомленъ работой для пріобрѣтенія 400, когда у него 300, и 500, когда у него 400, и такъ безъ конца. И нѣтъ ни одного, который бы, имѣя 500, перешелъ добровольно на жизнь того, у котораго 400. Если и есть такіе примѣры, то и этотъ переходъ онъ дѣлаетъ не для того, чтобы облегчить свою жизнь, а для того, чтобы собрать деньги и спрятать. Всѣмъ нужно еще и еще отягчать трудомъ свою и такъ уже отягченную жизнь, и душу свою безъ остатка отдать ученію міра. Нынче пріобрѣлъ поддевку и калоши, завтра—часы съ цѣпочкой, послѣ завтра—квартиру съ диваномъ и лампой, послѣ—ковры въ гостиную и бархатныя одежды, послѣ — домъ, рысаковъ, картины въ золотыхъ рамахъ, послѣ—заболѣлъ отъ непосильнаго труда и умеръ. Другой продолжаетъ ту же работу и такъ же отдаетъ жизнь тому же Молоху, также умираетъ и также самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ дѣлалъ все это. Но, можетъ быть, сама эта жизнь, во время которой человѣкъ дѣлаетъ все это, сама въ себѣ счастлива?

Прикиньте эту жизнь на мѣрку того, что всегда всѣ люди называли счастьемъ, и вы увидите, что эта жизнь ужасно несчастлива. Въ самомъ дѣлѣ, какія главныя условія земного счастья—такія, о которыхъ никто спорить не будетъ?

Одно изъ первыхъ и всѣми признаваемыхъ условій счастья есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человѣка съ природой, т. е. жизнь подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ солнца, при свѣжемъ воздухѣ; общеніе съ землей, растеніями, животными. Всегда всѣ люди считали лишеніе этого большимъ несчастьемъ. Заключенные въ тюрьмахъ сильнѣе всего чувствуютъ это лишеніе. Посмотрите же на жизнь людей, живущихъ по ученію міра: чѣмъ большаго они достигли успѣха по ученію міра, тѣмъ больше они лишены этого условія счастья; чѣмъ выше то мірское счастье, котораго они достигли, тѣмъ меньше они видятъ свѣтъ солнца, поля и лѣса, дикихъ и домашнихъ животныхъ. Многіе изъ нихъ—почти всѣ женщины, доживаютъ до старости, разъ или два въ жизни увидавъ восходъ солнца и утро, и никогда не видавъ полей и лѣсовъ иначе, какъ изъ коляски или изъ вагона и не только не посѣявъ и не посадивъ что-нибудь, не вскормивъ и не воспитавъ коровы, лошади, курицы, но не имѣя даже понятія о томъ, какъ родятся,

растутъ и живутъ животныя. Люди эти видятъ только ткани, камни, дерево, обдѣланныя людскимъ трудомъ и то не при свѣтѣ солнца, а при искусственномъ свѣтѣ; слышатъ они только звуки машинъ, экипажей, пушекъ, музыкальныхъ инструментовъ; обоняютъ они спиртовые духи и табачный дымъ; подъ ногами и руками у нихъ только ткани, камень и дерево; ѣдятъ они по слабости своихъ желудковъ большей частью несвѣжее и вонючее. Переѣзды ихъ съ мѣста на мѣсто не спасаютъ ихъ отъ этого лишенія. Они ѣдутъ въ закрытыхъ ящикахъ. И въ деревнѣ, и за-границей, куда они уѣзжаютъ, у нихъ тѣ же ткани и дерево подъ ногами, тѣ же гардины, скрывающія отъ нихъ свѣтъ солнца; тѣ же лакеи, кучера, дворники, не допускающіе ихъ до общенія съ землей, растеніями и животными. Гдѣ бы они ни были, они лишены, какъ заключенные, этого условія счастія. Какъ заключенные утѣшаются травкою, выросшей на тюремномъ дворѣ, паукомъ, мышью, такъ и эти люди утѣшаются иногда чахлыми комнатными растеніями, попугаемъ, собачкой, обезьяной, которыхъ все таки ростятъ не они сами.

Другое несомнѣнное условіе счастья есть трудъ, во-первыхъ, любимый и свободный трудъ, во-вторыхъ, трудъ физическій, дающій аппетитъ и крѣпкій успокаивающій сонъ. Опять, чѣмъ большаго, по своему, счастья достигли люди по ученію міра, тѣмъ больше они лишены и этого другого условія счастья. Всѣ счастливцы міра—сановники и богачи, или, какъ заключенные, вовсе лишены труда и безуспѣшно борятся съ болѣзнями, приходящими отъ отсутствія физическаго труда и еще болѣе безуспѣшнаго со скукой, одолѣвающей ихъ (я говорю безуспѣшно, потому что работа только тогда радостна, когда она несомнѣнно нужна; а имъ ничего не нужно), или работаютъ ненавистную имъ работу, какъ банкиры, прокуроры, губернаторы, министры и ихъ жены, устраивающія гостиныя, посуды, наряды себѣ и дѣтямъ (я говорю ненавистную, потому что никогда еще не встрѣтилъ изъ нихъ человѣка, который хвалилъ бы свою работу и дѣлалъ бы ее хоть съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ дворникъ счищаетъ снѣгъ передъ домомъ). Всѣ эти счастливцы или лишены работы, или приставлены къ нелюбимой работѣ, т. е. находятся въ томъ положеніи, въ которомъ находятся каторжные.

Третье несомнѣнное условіе счастья—есть семья. И опять,

чѣмъ дальше люди ушли въ мірскомъ успѣхѣ, тѣмъ меньше имъ доступно это счастье. Большинство—прелюбодѣи и сознательно отказываются отъ радостей семьи, подчиняясь только ея неудобствамъ. Если же они и не прелюбодѣи, то дѣти для нихъ не радость, а обуза, и они сами себя лишаютъ ихъ, стараясь всякими, иногда самыми мучительными средствами, сдѣлать совокупленіе безплоднымъ. Если же у нихъ есть дѣти, они лишены радости общенія съ ними. Они, по своимъ законамъ, должны отдавать ихъ чужимъ, большей частью совсѣмъ чужимъ, сначала иностранцамъ, а потомъ казеннымъ воспитателямъ, такъ что отъ семьи имѣютъ только горе—дѣтей, которыя съ молоду становятся также несчастны, какъ родители, и которыя, по отношенію къ родителямъ, имѣютъ одно чувство—желаніе ихъ смерти для того, чтобы наслѣдовать имъ[1]). Они не заперты въ тюрьмѣ; но послѣдствія ихъ жизни по отношенію къ семьѣ мучительнѣе того лишенія семьи, которому подвергаются заключенные.

Четвертое условіе счастья—есть свободное, любовное общеніе со всѣми разнообразными людьми міра. И опять, чѣмъ высшей ступени достигли люди въ мірѣ, тѣмъ больше они лишены этого главнаго условія счастья. Чѣмъ выше, тѣмъ уже, тѣснѣе тотъ кружокъ людей, съ которыми возможно общеніе, и тѣмъ ниже по своему умственному и нравственному развитію тѣ нѣсколько людей, составляющихъ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Для мужика и его жены открыто общеніе со всѣмъ міромъ людей, и если одинъ милліонъ людей не хочетъ общаться съ нимъ, у него остается 80 милліоновъ такихъ же, какъ онъ, рабочихъ людей, съ которыми онъ отъ Архангельска до Астрахани, не дожидаясь визита и представленія, тотчасъ же входитъ въ самое близкое братское общеніе. Для чиновника съ его женой есть сотни людей равныхъ ему, но высшіе не допу-

[1]) Очень удивительно то отправленіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей. „Мнѣ ничего не нужно,—говоритъ родитель,—мнѣ жизнь эта тяжела, но любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ“. То-есть, я несомнѣнно опытомъ знаю, что наша жизнь несчастлива, и потому... я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастливы, какъ и я. И для этого я по своей любви къ нимъ привожу ихъ въ полный физическихъ и нравственныхъ заразъ городъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, имѣющихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически и нравственно и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей!

скаютъ его до себя, а низшіе всѣ отрѣзаны отъ него. Для свѣтскаго, богатаго человѣка и его жены есть десятки свѣтскихъ семей. Остальное все отрѣзано отъ нихъ. Для министра и богача и ихъ семей—есть одинъ десятокъ такихъ же важныхъ или богатыхъ людей, какъ они. Для министровъ и королей кружокъ дѣлается еще менѣе. Развѣ это не тюремное заключеніе, при которомъ для заключеннаго возможно общеніе только съ двумя, тремя тюремщиками!

Наконецъ, пятое условіе счастья есть здоровье и безболѣзненная смерть. И опять, чѣмъ выше люди на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они лишены этого условія счастья. Возьмите средняго богача и его жену и средняго крестьянина и его жену, несмотря на весь голодъ и непомѣрный трудъ, который не по своей винѣ, но по жестокости людей несетъ крестьянство, и сравните ихъ. И вы увидите, что чѣмъ ниже, тѣмъ здоровѣе, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и женщины.

Переберите въ своей памяти тѣхъ богачей и ихъ женъ, которыхъ вы знаете и знали, и вы увидите, что большинство больные. Изъ нихъ здоровый человѣкъ, не лѣчащійся постоянно или періодически лѣтомъ,—такое же исключеніе, какъ больной въ рабочемъ сословіи. Всѣ эти счастливцы безъ исключенія начинаютъ онанизмомъ, сдѣлавшимся въ ихъ быту естественнымъ условіемъ развитія; всѣ беззубые, всѣ сѣдые или плѣшивые бываютъ въ тѣ года, когда рабочій человѣкъ начинаетъ входить въ силу. Почти всѣ одержимы нервными, желудочными или половыми болѣзнями отъ объяденія, пьянства, разврата и лѣченія, и тѣ, которые не умираютъ молодыми, половину жизни своей проводятъ въ лѣченіи, въ впрыскиваніи морфина или обрюзгшими калѣками, неспособными жить своими средствами, но могущими жить только какъ паразиты или тѣ муравьи, которыхъ кормятъ ихъ рабы. Переберите ихъ смерти: кто застрѣлился, кто сгнилъ отъ сифилиса, кто старикомъ умеръ отъ конфортатива, кто молодымъ умеръ отъ сѣченія, которому онъ самъ подвергъ себя, для возбужденія; кого живого съѣли вши, кого черви, кто опился, кто объѣлся, кто отъ морфина, кто отъ искусственнаго выкидыша. Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія міра. И толпы лѣзутъ за ними, и, какъ мученики, ищутъ страданій и гибели.

Одна жизнь за другою бросается подъ колесницу этого бога: колесница проѣзжаетъ, раздирая эти жизни, и новыя,

и новыя жертвы со стонами и воплями, и проклятіями валятся подъ нее!

Исполненіе ученія Христа трудно. Христосъ говоритъ: кто хочетъ слѣдовать Мнѣ, тотъ оставь домъ, поля, братьевъ, и иди за мной, Богомъ, и тотъ получитъ въ мірѣ этомъ во сто разъ больше домовъ, полей, братьевъ и, сверхъ того, жизнь вѣчную. И никто не идетъ. А въ ученіи міра сказано: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ деревни въ гнилой городъ, живи всю свою жизнь банщикомъ голымъ, въ пару намыливая чужія спины, или гостинодворцемъ, всю жизнь считая чужія копѣйки въ подвалѣ, или прокуроромъ, всю жизнь свою проводя въ судѣ и надъ бумагами, занимаясь тѣмъ, чтобы ухудшить участь несчастныхъ, или министромъ, всю жизнь впопыхахъ подписывая ненужныя бумаги, или полководцемъ, всю жизнь убивая людей—живи этой безобразной жизнью, кончающейся всегда мучительной смертью, и ты ничего не получишь въ мірѣ этомъ и не получишь никакой вѣчной жизни. И всѣ пошли. Христосъ сказалъ: возьми крестъ и иди за мной, т. е. неси покорно ту судьбу, которая выпала тебѣ, и повинуйся мнѣ, Богу, и никто не идетъ. Но первый потерянный, никуда какъ на убійство не годный человѣкъ въ эполетахъ, которому это взбредетъ въ голову, скажетъ: возьми не крестъ, а ранецъ и ружье и иди за мной на всякія мученія и на вѣчную смерть,—и всѣ идутъ.

Побросавъ семьи, родителей, женъ, дѣтей, одѣвшись въ шутовскія одежды и подчинивъ себя власти перваго встрѣчнаго человѣка, высшаго чиномъ, холодные, голодные, измученные непосильными переходами, они идутъ куда-то, какъ стадо быковъ на бойню; но они не быки, а люди. Они не могутъ не знать, что ихъ гонятъ на бойню; съ неразрѣшимымъ вопросомъ—зачѣмъ? и съ отчаяніемъ въ сердцѣ идутъ они и мрутъ отъ холода, голода и заразительныхъ болѣзней, до тѣхъ поръ, пока ихъ не поставятъ подъ пули и ядра и не велятъ имъ самимъ убивать неизвѣстныхъ имъ людей. Они бьютъ и ихъ бьютъ. И никто изъ бьющихъ не знаетъ, за что̀ и зачѣмъ. Турки жарятъ ихъ живыхъ на огнѣ, кожу сдираютъ, разрываютъ внутренности. И завтра опять свиснетъ кто-нибудь, и опять всѣ пойдутъ на страшныя страданія, на смерть и на очевидное зло. И никто не находитъ, что это трудно. Не только тѣ, которые страдаютъ, но и отцы и матери не находятъ, что это трудно. Они даже сами со-

вѣтуютъ дѣтямъ итти. Имъ кажется, что это не только такъ надо и что нельзя иначе, но что это даже хорошо и нравственно.

Можно бы повѣрить, что исполненіе ученія Христа трудно и страшно и мучительно, если бы исполненіе ученія міра было очень легко и безопасно, и пріятно. Но вѣдь ученіе міра много труднѣе, опаснѣе и мучительнѣе исполненія ученія Христа.

Были когда-то, говорятъ, мученики Христа, но это было исключеніе; ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ—вольныхъ и невольныхъ за 1800 лѣтъ; но сочтите мучениковъ міра—и на одного мученика Христа придется 1000 мучениковъ ученія міра, страданія которыхъ въ 100 разъ ужаснѣе. Однихъ убитыхъ на войнахъ нынѣшняго столѣтія насчитываютъ тридцать милліоновъ человѣкъ.

Вѣдь это все мученики ученія міра, которымъ стоило бы не то, что слѣдовать ученію Христа, а только не слѣдовать ученію міра, и они избавились бы отъ страданія и смерти.

Стоитъ человѣку только сдѣлать то, что ему хочется—отказаться отъ того, чтобы итти на войну,—и его послали бы копать канавы, и не замучили бы въ Севастополѣ и Плевнѣ. Стоитъ человѣку только не вѣрить ученію міра, что нужно надѣть калоши и цѣпочку, и имѣть ненужную ему гостиную, и что не нужно дѣлать всѣ тѣ глупости, которыхъ требуетъ отъ него ученіе міра, и онъ не будетъ знать непосильной работы и страданій и вѣчной заботы и труда безъ отдыха и цѣли; не будетъ лишенъ общенія съ природой, не будетъ лишенъ любимаго труда, семьи, здоровья и не погибнетъ безсмысленно мучительной смертью.

Не мученикомъ надо быть во имя Христа, не этому учитъ Христосъ. Онъ учитъ тому, чтобы перестать мучить себя во имя ложнаго ученія міра.

Ученіе Христа имѣетъ глубокій метафизическій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ общечеловѣческій смыслъ; ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ учитъ людей не дѣлать глупостей. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный смыслъ ученія Христа.

Христосъ говоритъ: не сердись, не считай никого ниже себя,—это глупо. Будешь сердиться, обижать людей—тебѣ

же будетъ хуже. Христосъ говоритъ еще: не бѣгай за всѣми женщинами, а сойдись съ одной, и живи, — тебѣ будетъ лучше. Еще онъ говоритъ: не обѣщайся никому ни въ чемъ, а то тебя заставятъ дѣлать глупости и злодѣйства. Еще говоритъ: за зло не плати зломъ, а то зло вернется на тебя еще злѣе, чѣмъ прежде, какъ подвѣшенная колода надъ медомъ, которая убиваетъ медвѣдя. И еще говоритъ: не считай людей чужими только потому, что они живутъ въ другой землѣ, чѣмъ ты, говорятъ другимъ языкомъ. Если будешь считать ихъ врагами, и они будутъ считать тебя врагомъ—тебѣ же будетъ хуже. Итакъ, не дѣлай всѣхъ этихъ глупостей и тебѣ будетъ лучше.

„Да", — говорятъ на это, — „но міръ такъ устроенъ, что противиться его устройству еще мучительнѣе, чѣмъ жить согласно съ нимъ. Откажись человѣкъ отъ военной службы и его посадятъ въ крѣпость, разстрѣляютъ, можетъ быть. Не обезпечивай человѣкъ свою жизнь пріобрѣтеніемъ того, что нужно ему и семьѣ, онъ и семья его умрутъ съ голоду".—Такъ говорятъ люди, стараясь защитить устройство міра, но сами они не думаютъ такъ. Они говорятъ такъ только потому, что имъ нельзя отрицать справедливости ученія Христа, которому они будто бы вѣрятъ, и имъ надо оправдаться какъ-нибудь въ томъ, что они исполняютъ это ученіе. Но они не только не думаютъ этого, но никогда даже вовсе не думали объ этомъ. Они вѣрятъ ученію міра и только пользуются отговоркой, которой ихъ научила церковь, — что, исполняя ученіе Христа, надо много страдать и потому никогда даже и не пробовали исполнять ученіе Христа. Мы видимъ безчисленныя страданія, которыя несутъ люди во имя ученія міра, но страданій изъ-за ученія Христа мы въ наше время никогда уже не видимъ. Тридцать милліоновъ погибло за ученіе міра на войнахъ; тысячи милліоновъ погибло въ мучительной жизни изъ-за ученія міра, но не только милліоновъ, даже тысячъ, даже десятковъ, даже одного человѣка я не знаю, который бы погибъ смертью или мучительной жизнью съ голода или холода изъ-ученія Христа. Это только смѣшная отговорка, доказывающая, до какой степени неизвѣстно намъ ученіе Христа. Мало того, что мы не раздѣляемъ его, но мы никогда даже серьезно не принимали его. Церковь потрудилась растолковать намъ ученіе Христа такъ, что оно представляется не ученіемъ о жизни, а пугаломъ.

Христосъ призываетъ людей къ ключу воды, которая тутъ подлѣ нихъ. Люди томятся жаждой, ѣдятъ грязь, пьютъ кровь другъ друга, но учители ихъ сказали имъ, что они погибнутъ, если пойдутъ къ тому ключу, къ которому призываетъ Христосъ. И люди вѣрятъ имъ, мучаются и мрутъ отъ жажды въ двухъ шагахъ отъ воды, не смѣя подойти къ ней. Но стоитъ только повѣрить Христу, что онъ принесъ благо на землю, повѣрить, что онъ даетъ намъ, жаждущимъ, ключъ воды живой, и притти къ нему, чтобы увидать, какъ коваренъ обманъ церкви и какъ безумны наши страданія тогда, когда спасеніе наше такъ близко. Стоитъ прямо и просто принять ученіе Христа, чтобы ясенъ былъ тотъ ужасный обманъ, въ которомъ живемъ всѣ мы и живетъ каждый изъ насъ.

Поколѣнія за поколѣніями мы трудимся надъ обезпеченіемъ своей жизни посредствомъ насилія и упроченія своей собственности. Счастье нашей жизни представляется намъ въ наибольшей власти и наибольшей собственности. Мы такъ привыкли къ этому, что ученіе Христа о томъ, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнья, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ требованіемъ жертвы во имя будущихъ благъ. Христосъ же и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ, онъ, напротивъ, учитъ насъ не дѣлать того, что хуже а дѣлать то, что̀ лучше для насъ, здѣсь, въ этой жизни. Христосъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ любя людей, учатъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что, живя безъ отпора другимъ и безъ собственности, люди будутъ счастливѣе и своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ разсчитывать ни на одинъ часъ своей жизни. И намъ кажется это страшнымъ требованіемъ какихъ-то жертвъ; а это только утвержденіе тѣхъ условій, въ которыхъ всегда неизбѣжно живетъ всякій человѣкъ. Ученикъ Христа долженъ быть готовъ во всякую минуту на страданія и смерть. Но ученикъ міра развѣ не въ томъ же положеніи? Мы такъ привыкли къ нашему обману, что все, что̀ мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни: наши войска, крѣпости, наши запасы, наши одежды, наши лѣченія, все наше имущество, наши деньги кажется намъ чѣмъ-то

дѣйствительнымъ, серьезно обезпечивающимъ нашу жизнь. Мы забываемъ то, что̀ очевидно каждому, что случилось съ тѣмъ, который задумалъ построить житницы, чтобы обезпечить себя надолго: онъ умеръ въ ту же ночь. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ для обезпеченія нашей жизни, совершенно то же, что дѣлаетъ страусъ, останавливаясь и пряча и голову, чтобы не видать, какъ его убиваютъ. Мы дѣлаемъ хуже страуса: чтобы сомнительно обезпечить нашу сомнительную жизнь въ сомнительномъ будущемъ, мы навѣрно губимъ нашу вѣрную жизнь въ вѣрномъ настоящемъ.

Обманъ состоитъ въ ложномъ убѣжденіи, что жизнь наша можетъ быть обезпечена нашей борьбой съ другими людьми. Мы такъ привыкли къ этому обману мнимаго обезпеченія своей жизни и своей собственности, что и не замѣчаемъ всего, что мы теряемъ изъ-за него. А теряемъ мы все—всю жизнь. Вся жизнь поглощается заботой объ этомъ обезпеченіи жизни, приготовленіемъ къ ней, такъ что жизни совсѣмъ не остается.

Вѣдь стоитъ на минуту отрѣшиться отъ своей привычки и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобы увидѣть, что все, что̀ мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для того, чтобы обезпечить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ, забывать о томъ, что жизнь никогда не обезпечена и не можетъ быть обезпечена. Но мало того, что мы обманываемъ себя и губимъ свою настоящую жизнь для воображаемой, мы въ этомъ стремленіи къ обезпеченію чаще всего губимъ то самое, что мы хотимъ обезпечить. Французы вооружаются, чтобы обезпечить свою жизнь въ 70-мъ году, и отъ этого обезпеченія гибнутъ сотни тысячъ французовъ; то же дѣлаютъ всѣ вооружающіеся народы. Богачъ обезпечиваетъ свою жизнь тѣмъ, что у него есть деньги, а самыя деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ богача. Мнительный человѣкъ обезпечиваетъ свою жизнь лѣченіемъ, и самое лѣченіе медленно убиваетъ его, а если не убиваетъ его, то навѣрно лишаетъ его жизни, какъ того разслабленнаго, который не жилъ 38 лѣтъ, а дожидался ангела у купели.

Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда, всякую минуту быть готовымъ умереть, несомнѣнно лучше, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь, лучше тѣмъ, что неизбѣжность смерти и необезпеченность жизни остается та же при ученіи міра и

при ученіи Христа, но сама жизнь, по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ остатка празднымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободной и можетъ быть отдана единой, свойственной ей цѣли — благу себѣ и людямъ. Ученикъ Христа будетъ бѣденъ. Да, онъ будетъ пользоваться всегда всѣми тѣми благами, которыя ему далъ Богъ. Онъ не будетъ губить свою жизнь. Мы назвали словомъ, выражающимъ бѣду — бѣдность, то что есть счастье; но само дѣло не измѣнилось отъ этого. Бѣденъ — это значитъ: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что̀ ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, и что̀ сдѣлать, чтобъ сходить на часъ, а будетъ три раза въ день голоденъ, не будетъ ворочаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ безсонницы, а будетъ спать; будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми, а главное не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать; не будетъ бояться того, что̀ съ нимъ будетъ. Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же, какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные — лучше, чѣмъ богатые), но жить онъ будетъ несомнѣнно счастливѣе. Быть бѣднымъ, быть нищимъ, быть бродягой (πτωχός значитъ бродяга), это то самое, чему училъ Христосъ; то самое, безъ чего нельзя войти въ царство Бога, безъ чего нельзя быть счастливымъ здѣсь, на землѣ.

„Но никто не будетъ кормить тебя, и ты умрешь съ голоду“, говорятъ на это. На возвраженіе о томъ, что человѣкъ, живя по ученію Христа, умретъ съ голоду, Христосъ отвѣтилъ однимъ короткимъ изреченіемъ, тѣмъ самымъ, которое толкуется такъ, что оно оправдываетъ праздность духовенства. (Матѳ. X, 10; Лук. X, 7).

Онъ сказалъ: „Не берите ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха; ибо *трудящійся достоинъ* пропитанія“. „Въ домѣ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что̀ у нихъ есть; ибо *трудящійся достоинъ* награды за труды свои“.

Трудящійся достоинъ ἔξεστι — слово въ слово значитъ можетъ и долженъ имѣть пропитаніе. Это очень короткое изреченіе; но для того, кто пойметъ его такъ, какъ понималъ его Христосъ, уже не можетъ быть разсужденія о томъ,

что человѣкъ, не имѣющій собственности, умретъ съ голоду. Для того, чтобы понять это слово въ его настоящемъ значеніи, надо прежде всего отрѣшиться совершенно отъ сдѣлавшагося вслѣдствіе догмата искупленія столь привычнаго намъ представленія о томъ, что блаженство человѣка есть праздность. Надо возстановить то свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ; что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать, какъ скучно, трудно не работать муравью, лошади и всякому животному. Надо забыть наше дикое суевѣріе о томъ, что положеніе человѣка, имѣющаго неразмѣнный рубль, т. е. казенное мѣсто, или право на землю, или билеты съ купонами, которые даютъ ему возможность ничего не дѣлать, есть естественное счастливое состояніе. Надо возстановить въ своемъ представленіи тотъ взглядъ на трудъ, который имѣютъ на него всѣ неиспорченные люди, и который имѣлъ Христосъ, говоря, что трудящійся достоинъ пропитанія. Христосъ не могъ представить себѣ людей, которые бы смотрѣли на работу, какъ на проклятіе и потому не могъ и представить себѣ человѣка неработающаго, или желающаго не работать. Онъ всегда подразумѣвалъ, что ученикъ его работаетъ. И потому говоритъ: Если человѣкъ работаетъ, то работа кормитъ его. И если работу этого человѣка беретъ себѣ другой человѣкъ, то другой человѣкъ и будетъ кормить того, кто работаетъ, именно потому, что пользуется его работой. И потому трудящійся всегда будетъ имѣть пропитаніе. Собственности онъ не будетъ имѣть, о пропитаніи же не можетъ быть рѣчи.

Разница между ученіемъ Христа и ученіемъ нашего міра о трудѣ въ томъ, что по ученію міра работа есть особенная заслуга человѣка, въ которой онъ считается съ другими и предполагаетъ, что имѣетъ право на тѣмъ большее пропитаніе, чѣмъ больше его работа; по ученію же Христа: работа— трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка, а пропитаніе есть неизбѣжное послѣдствіе его. Работа производитъ пищу, пища производитъ работу — это вѣчный кругъ: одно слѣдствіе и причина другого. Какъ бы золъ ни былъ хозяинъ, онъ будетъ кормить работника, такъ же какъ будетъ кормить ту лошадь, которая работаетъ на него, будетъ кормить такъ, чтобы работникъ могъ сработать какъ можно больше, т. е. будетъ содѣйствовать тому самому, что составляетъ благо человѣка.

„Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою въ выкупъ за многихъ". По ученію Христа, каждый отдѣльный человѣкъ независимо отъ того, каковъ міръ, будетъ имѣть наилучшую жизнь, если онъ пойметъ свое призваніе — не требовать труда отъ другихъ, а самому всю жизнь свою полагать на трудъ для другихъ, жизнь свою отдавать какъ выкупъ за многихъ. Человѣкъ, поступающій такъ, говоритъ Христосъ, достоинъ пропитанія, т. е. не можетъ не получить его. Словами: человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на другихъ, Христосъ устанавливаетъ ту основу, которая, несомнѣнно, обезпечиваетъ матеріальное существованіе человѣка, а словами: трудящійся достоинъ пропитанія, Христосъ устраняетъ то столь обыкновенное возраженіе противъ возможности исполненія ученія, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ исполняющій ученіе Христа среди неисполняющихъ, погибнетъ отъ голода и холода. Христосъ показываетъ, что человѣкъ, обезпечиваетъ свое пропитаніе не тѣмъ, что онъ будетъ его отбирать отъ другихъ, а тѣмъ, что онъ сдѣлается полезенъ, нуженъ для другихъ. Чѣмъ онъ нужнѣе для другихъ, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ его существованіе.

При теперешнемъ устройствѣ міра люди, не исполняющіе законовъ Христа, но трудящіеся для ближняго, не имѣя собственности, не умираютъ отъ голода. Какъ же возражать противъ ученія Христа, что исполняющіе его ученіе, т. е. трудящіеся для ближняго, умрутъ отъ голода? Человѣкъ не можетъ умереть отъ голода, когда есть хлѣбъ у богатаго. Въ Россіи въ каждую данную минуту есть всегда милліоны людей, живущихъ безъ всякой собственности, только трудомъ своимъ.

Среди язычниковъ христіанинъ будетъ точно такъ же обезпеченъ, какъ и среди христіанъ. Онъ работаетъ на другихъ, слѣдовательно онъ нуженъ имъ, и потому его будутъ кормить. Собаку, которая нужна, и ту кормятъ и берегутъ; какъ же не кормить и не беречь человѣка, который всѣмъ нуженъ?

Но больной человѣкъ, человѣкъ съ семействомъ, съ дѣтьми не нуженъ, не можетъ работать, — и его перестанутъ кормить, скажутъ тѣ, которымъ непремѣнно хочется доказать справедливость звѣрской жизни. Они скажутъ это, они и говорятъ это, и сами не видятъ того, что они сами, говоря-

щіе это, и желали бы поступить такъ, да не могутъ и поступаютъ совсѣмъ иначе. Эти самые люди, тѣ, которые не признаютъ приложимости ученія Христа,—исполняютъ его. Они не перестаютъ кормить овцу, быка, собаку, которая заболѣетъ. Они даже старую лошадь не убиваютъ, а даютъ ей по силамъ работу; они кормятъ семейство, ягнятъ, поросятъ, щенятъ, ожидая отъ нихъ пользы; такъ какъ же они не будутъ кормить нужнаго человѣка, когда онъ заболѣетъ, и какъ же они не найдутъ посильной работы старому и малому, и какъ же не станутъ выращивать людей, которые будутъ на нихъ еще работать?

Они не только будутъ дѣлать это, но они это самое и дѣлаютъ. Девять десятыхъ людей—черный народъ выкармливается одной десятой не черныхъ, а богатыхъ и сильныхъ людей, какъ рабочій скотъ. И какъ ни темно то заблужденіе, въ которомъ живетъ эта одна десятая, какъ ни презираетъ она остальныхъ $^9/_{10}$ людей, эта одна девятая сильныхъ никогда не отнимаетъ у $^9/_{10}$ нужнаго пропитанія, хотя и можетъ это сдѣлать. Она не отнимаетъ у чернаго народа, нужнаго для того, чтобы онъ плодился и работалъ на нихъ. Въ послѣднее время эта $^1/_{10}$ сознательно работаетъ на то, чтобы $^9/_{10}$ кормились правильно, т. е. могли бы выставлять какъ можно больше работы, и на то, чтобы плодились и выкармливались новые рабочіе. Муравьи и тѣ плодятъ и воспитываютъ своихъ дойныхъ коровокъ, такъ какъ же людямъ не дѣлать того же: плодить тѣхъ которые на нихъ работаютъ? Рабочіе нужны. И тѣ, которые пользуются работой, всегда будутъ очень озабочены тѣмъ, чтобы эти рабочіе не переводились.

Возраженіе противъ неисполнимости ученія Христа, состоящее въ томъ, что если я не буду пріобрѣтать для себя и удерживать пріобрѣтенное, то никто не станетъ кормить мою семью, справедливо, но только по отношенію къ празднымъ, безполезнымъ и потому вреднымъ людямъ, каково большинство нашего богатаго сословія. Праздныхъ людей никто воспитывать не станетъ, кромѣ безумныхъ родителей, потому что праздные люди никому, даже самимъ себѣ, не нужны; но людей-работниковъ даже самые злые люди будутъ кормить и воспитывать. Телятъ воспитываютъ, а человѣкъ есть рабочее животное, болѣе полезное, чѣмъ быкъ какъ оно *и цѣнилось* всегда на базарѣ рабовъ. Вотъ почему дѣти *никогда не могутъ* остаться безъ призрѣнія.

Человѣкъ не затѣмъ живетъ, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на другихъ. Кто будетъ трудиться, того будутъ кормить.

Это—истины, подтверждаемыя жизнью всего міра.

До сихъ поръ, всегда и вездѣ, гдѣ человѣкъ трудился онъ получалъ пропитаніе, какъ всякая лошадь получала кормъ. И такое пропитаніе получалъ трудящійся невольно, неохотно, ибо трудящійся желалъ одного—избавиться отъ труда, пріобрѣсти какъ можно больше и сѣсть на шею того, кто у него сидитъ на шеѣ. Такой невольно, неохотно трудящійся, завистникъ и злой работникъ не оставался безъ пропитанія и оказывался счастливѣе даже того, который не трудился и жилъ чужими трудами. Насколько же счастливѣе будетъ тотъ трудящійся по ученію Христа, котораго цѣль будетъ состоять въ томъ, чтобы сработать какъ можно больше и получить какъ можно меньше? И насколько будетъ еще счастливѣе его положеніе, когда вокругъ него еще будетъ хоть нѣсколько, а можетъ быть и много такихъ же, какъ онъ, людей, которые будутъ служить ему.

Ученіе Христа о трудѣ и плодахъ его выражено въ разсказѣ о насыщеніи 5 и 7 тысячъ двумя рыбами и пятью хлѣбами. Человѣчество будетъ имѣть высшее, доступное ему благо на землѣ, когда люди не будутъ стараться поглотить и потребить все каждый для себя, но когда они будутъ дѣлать, какъ научилъ ихъ Христосъ на берегу моря.

Надо было накормить тысячи людей. Ученикъ Христа сказалъ ему, что видѣлъ у одного человѣка нѣсколько рыбъ; у учениковъ тоже было нѣсколько хлѣбовъ. Іисусъ понялъ, что у людей, пришедшихъ издалека, у нѣкоторыхъ есть съ собой пища, а у нѣкоторыхъ нѣтъ. (То, что у многихъ были съ собою запасы, доказываетъ уже то, что во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ сказано, что по окончаніи ѣды, остатки собраны были въ 12 корзинъ. Если бы ни у кого, кромѣ какъ у мальчика, ничего не было, то и не могло бы быть 12 корзинъ въ полѣ). Если бы Христосъ не сдѣлалъ того, что онъ сдѣлалъ, т. е. чудо насыщенія тысячи народа пятью хлѣбами, то было бы то, что происходитъ теперь въ мірѣ. Тѣ, у которыхъ были запасы, съѣли бы то что у нихъ было, съѣли бы все и черезъ силу даже, чтобы ничего не оставалось. Скупые, можетъ быть, унесли бы домой свои остатки. Тѣ, у которыхъ ничего не было, остались бы голодными, съ злобной завистью смотрѣли бы на ядущихъ, а можетъ быть нѣ-

которые изъ нихъ утащили бы у запасливыхъ и произошли бы ссоры и драки, и одни пошли бы домой пресыщенные, другіе голодные и сердитые; было бы то же самое, что происходитъ въ нашей жизни.

Но Христосъ зналъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать (какъ и сказано въ Евангеліи), онъ велѣлъ всѣмъ сѣсть кругомъ и научилъ учениковъ предлагать другимъ то, что у нихъ было, и говорить другимъ, чтобы они дѣлали то же. И тогда вышло то, что, когда всѣ тѣ, у которыхъ были запасы, сдѣлали то же, что ученики Христа, т.-е. свое предлагали другимъ, то всѣ ѣли въ мѣру и когда обошли кругъ, то досталось и тѣмъ, которые не ѣли съ начала. И всѣ насытились, и осталось еще много хлѣба, такъ много, что собрали 12 корзинъ.

Христосъ учитъ людей, что такъ сознательно они должны поступать въ жизни потому, что таковъ законъ человѣка и всего человѣчества. Трудъ есть необходимое условіе жизни человѣка. И трудъ же даетъ благо человѣку. И потому удержаніе отъ другихъ людей плодовъ своего или чужого труда препятствуетъ благу человѣка. Отдаваніе своего труда другимъ содѣйствуетъ благу человѣка.

„Если люди не будутъ отнимать одинъ у другого, то они будутъ умирать съ голоду“, говоримъ мы. Казалось бы, надо сказать обратное: если люди будутъ силой отнимать одинъ отъ другого, то будутъ люди, которые умрутъ съ голоду, какъ оно и есть.

Вѣдь всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни жилъ,—по ученію Христа, или по ученію міра, живъ только трудомъ другихъ людей. Другіе люди и уберегли его, и вспоили, и вскормили его, и берегутъ и поятъ, и кормятъ. Но по ученію міра, человѣкъ насиліемъ и угрозой заставляетъ другихъ людей продолжать кормить себя и всю семью. По ученію Христа человѣкъ точно также убереженъ, вскормленъ и вспоенъ другими людьми; но для того, чтобы другіе люди продолжали беречь, поить и кормить его, онъ никого къ этому не припуждаетъ, а самъ старается служить другимъ, быть какъ можно полезнѣе всѣмъ, и тѣмъ становится нужнымъ для всѣхъ. Люди міра всегда будутъ желать перестать кормить ненужнаго имъ человѣка, насиліемъ заставляющаго ихъ кормить себя, и, при первой возможности, не только перестаютъ кормить, но и убиваютъ его, какъ ненужнаго. Но всегда всѣ люди, какъ бы злы они ни были, будутъ старательно кормить и беречь работающаго на нихъ.

Какъ же вѣрнѣе, разумнѣе и радостнѣе жить: по ученію міра или по ученію Христа?

XI.

Ученіе Христа устанавливаетъ царство Бога на землѣ. Несправедливо то, чтобы исполненіе этого ученія было трудно: оно не только не трудно, но неизбѣжно для человѣка, указавшаго его. Ученіе это даетъ единственное возможное спасеніе отъ неизбѣжно предстоящей погибели личной жизни. Наконецъ, исполненіе этого ученія не только не призываетъ къ страданіямъ и лишеніямъ въ этой жизни, но избавляетъ отъ девяти десятыхъ страданій, которыя мы несемъ во имя ученія міра.

И понявъ это, я спросилъ себя: отчего же я до сихъ поръ не исполнялъ этого ученія, дающаго мнѣ благо, спасеніе и радость, а исполнялъ совсѣмъ другое — то, что дѣлало меня несчастнымъ? И отвѣтъ могъ быть и былъ только одинъ: я не зналъ истины, она была скрыта отъ меня.

Когда мнѣ открылся въ первый разъ смыслъ Христова ученія, я никакъ не думалъ, что разъясненіе этого смысла приведетъ меня къ отрицанію ученія церкви. Мнѣ казалось только, что церковь не дошла до тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ ученія Христа, но я никакъ не думалъ, что новый открывшійся мнѣ смыслъ ученія Христа и выводы изъ него разъединятъ меня съ ученіемъ церкви. Я боялся этого. И потому во время своихъ изслѣдованій я не только не отыскивалъ ошибки церковнаго ученія, напротивъ, умышленно закрывалъ глаза на тѣ положенія, которыя мнѣ казались не ясными и странными, но не противорѣчили тому, что я считалъ сущностью христіанскаго ученія.

Но чѣмъ дальше я шелъ въ изученіи Евангелій, чѣмъ яснѣе открывался мнѣ смыслъ ученія Христа, тѣмъ неизбѣжнѣе становился для меня выборъ: ученіе Христа разумное, ясное, согласное съ моею совѣстью и дающее мнѣ спасеніе, или ученіе прямо противоположное, несогласное съ моимъ разумомъ и совѣстью и не дающее мнѣ ничего, кромѣ сознанія погибели вмѣстѣ съ другими. И я не могъ не откидывать одно за другимъ положенія церкви. Я дѣлалъ это нехотя, съ борьбой, съ желаніемъ смягчить, сколько возможно, мое разногласіе съ церковью, не отдѣляться отъ нея, не лишиться самой радостной поддержки въ вѣрѣ — общенія со

многими. Но когда я кончилъ свою работу, я увидалъ, что, какъ я ни старался удержать хоть что-нибудь отъ ученія церкви, отъ него ничего не осталось. Мало того, что ничего не осталось, я убѣдился въ томъ, что и не могло ничего остаться.

Уже при окончаніи моей работы случилось слѣдующее: мальчикъ, сынъ мой, разсказалъ мнѣ, что между двумя совсѣмъ необразованными, еле грамотными людьми, служащими у насъ, шелъ споръ по случаю статьи какой-то духовной книжки, въ которой сказано, что не грѣхъ убивать людей преступниковъ и убивать на войнѣ. Я не повѣрилъ тому, чтобы это могло быть напечатано и попросилъ показать книжку. Книжечка, вызвавшая споръ, называется: „Толковый Молитвенникъ". Изд. третье (восьмой десятокъ тысячъ). Москва, 1879 г. На страницѣ 163-й этой книжки сказано:

„Какая шестая заповѣдь Божія? Не убій. Не убій — не убивай. — Что̀ Богъ запрещаетъ этою заповѣдью? — Запрещаетъ убивать, т. е. лишать жизни человѣка. — Грѣхъ ли наказывать по закону преступника смертью и убивать непріятеля на войнѣ? Не грѣхъ. Преступника лишаютъ жизни, чтобы прекратить великое зло, которое онъ дѣлаетъ; непріятеля убиваютъ на войнѣ потому, что на войнѣ сражаются за государя и отечество". И этими словами ограничивается объясненіе того, почему отмѣняется заповѣдь Бога. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Спорящіе спросили моего мнѣнія о своемъ спорѣ. Я сказалъ тому, который признавалъ справедливость напечатаннаго, что объясненіе неправильно.

„Какъ же такъ печатаютъ неправильно противъ закона?" спросилъ онъ. Я ничего не могъ ему отвѣтить. Я оставилъ книгу и просмотрѣлъ ее всю. Книга содержитъ: 1) 31 молитву съ поученіемъ о колѣнопреклоненіяхъ и сложеніи перстовъ; 2) объясненіе символа вѣры; 3) ничѣмъ не объясненныя выписки изъ 5-й главы Матѳея, почему-то названныя заповѣдями для полученія блаженства; 4) десять заповѣдей Моисея съ объясненіями, большею частію упраздняющими ихъ и 5) тропари на праздники.

Какъ я говорилъ, я не только старался избѣгать осужденія церковной вѣры, а старался видѣть ее съ самой хорошей стороны и потому не отыскивалъ ея слабостей, и, хорошо зная ея академическую литературу, я былъ совершенно незнакомъ съ ея учительной литературой. Распространенный *въ такомъ* огромномъ количествѣ экземпляровъ еще въ 1879 г.

молитвенникъ, вызывающій сомнѣнія самыхъ простыхъ людей, поразилъ меня.

Я не могъ вѣрить, чтобы чисто языческое, не имѣющее ничего христіанскаго, содержаніе молитвенника было сознательно распространяемое въ народѣ церковью ученіе. Чтобы провѣрить это, я купилъ всѣ изданныя синодомъ или „съ благословенія“ его, книги, содержащія краткія изложенія церковной вѣры для дѣтей и народа и перечиталъ ихъ.

Содержаніе ихъ было для меня почти новое. Въ то время, какъ я учился закону Божію, этого еще не было. Не было, сколько мнѣ помнится, заповѣдей блаженствъ, не было и ученія о томъ, что убивать *не грѣхъ*. Во всѣхъ старыхъ русскихъ катехизисахъ этого нѣтъ. Нѣтъ ни въ катехизисѣ Петра Могилы, ни въ катехизисахъ Платона, ни въ катехизисѣ Бѣлякова, нѣтъ и въ краткихъ католическихъ катехизисахъ. Нововведеніе это сдѣлано Филаретомъ, составившимъ также катехизисъ для военнаго сословія. Толковый молитвенникъ составленъ по этому катехизису. Основная книга есть пространный *христіанскій* катехизисъ православной церкви для употребленія *всѣхъ* православныхъ *христіанъ*, изданный по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.

Книга раздѣлена на три части: о вѣрѣ, о надеждѣ и любви. Въ первой — разборъ Никейскаго Символа вѣры. Во второй — разборъ молитвы Господней и 8-ми стиховъ 5 гл. Мѳ., составляющихъ вступленіе къ нагорной проповѣди и почему-то названныхъ заповѣдями для полученія блаженства. (Въ обѣихъ частяхъ этихъ трактуется о догматахъ церкви, молитвахъ и таинствахъ, но нѣтъ никакого ученія о жизни). Въ 3-й части излагаются обязанности христіанина. Въ этой части, названной: „о любви“, излагаются не заповѣди Христа, а 10 заповѣдей Моисея. И заповѣди Моисея излагаются какъ будто только для того, чтобы научить людей не исполнять ихъ и поступать противно имъ. Послѣ каждой заповѣди — оговорка, уничтожающая заповѣдь. По случаю 1-й заповѣди, повелѣвающей почитать одного Бога, катехизисъ научаетъ почитать ангеловъ и святыхъ, не говоря уже о матери Бога и трехъ лицахъ Бога (Простр. катех. стр. 107—108). По случаю второй заповѣди — не сотворять кумира, катехизисъ научаетъ поклоненію иконамъ (стр. 108). По случаю 3-й заповѣди — не клясться напрасно, катехизисъ научаетъ людей клясться по всякому требованію *законной* власти (стр. 111). По случаю 4-й заповѣди о праздкованіи суб-

боты, катехизисъ научаетъ праздновать не субботу, а воскресеніе и 13 праздниковъ большихъ и множество малыхъ и поститься всѣ посты, среды и пятницы (стр. 112—115). По случаю 5-й заповѣди — почитать отца и мать, катехизисъ научаетъ „почитать государя, отечество, пастырей духовныхъ, *начальствующихъ въ разныхъ отношеніяхъ* (sic); и о почитаніи начальствующихъ — три страницы, съ перечисленіемъ всѣхъ сортовъ начальствующихъ: „начальствующіе въ училищахъ, *начальники гражданскіе, судьи, начальники военные, господа* (sic) *въ отношеніи къ тѣмъ, которые имъ служатъ, и которыми они владѣютъ* (sic) (стр. 116—119). Я цитирую изъ катехизиса изданія 1864 г. Двадцать лѣтъ прошло съ уничтоженія рабства и никто не позаботился даже выкинуть ту фразу, которая по случаю повелѣнія Бога почитать родителей, была вписана въ катехизисъ для поддержанія и оправданія рабства.

По случаю 6-й заповѣди, — не убій — люди съ первыхъ же строкъ научаются убивать.

В. — Что̀ запрещается 6-ю заповѣдью?

О. — Убійство или отнятіе жизни у ближняго, какимъ бы то ни было образомъ.

В. — Всякое ли отнятіе жизни есть законо-преступное убійство?

О. — Не есть беззаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь *по должности*, какъ то:

1) когда преступника *наказываютъ* смертью по правосудію;

2) когда убиваютъ непріятеля *на войнѣ* за государя и отечество (курсивы въ подлинникѣ). И дальше:

В. — Какіе случаи могутъ относиться къ законопреступному убійству?

О. — . . . . когда кто *укрываетъ или освобождаетъ* убійцу.

И это печатается и насильно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и подъ страхомъ угрозъ и наказаній внушается всѣмъ русскимъ людямъ подъ видомъ христіанскаго ученія. Этому учатъ весь русскій народъ. Этому учатъ всѣхъ невинныхъ ангеловъ-дѣтей, тѣхъ дѣтей, которыхъ Христосъ проситъ не отгонять отъ себя, потому что ихъ есть царствіе Божіе, — тѣхъ дѣтей, на которыхъ намъ надо быть похожими, чтобы войти въ царство Бога, похожими тѣмъ, чтобы не знать этого, — тѣхъ дѣтей, ограждая которыхъ, Христосъ *сказалъ:* горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ.

И этихъ-то дѣтей насильно учатъ этому, говоря имъ, что это единственный священный законъ Бога.

Это не прокламаціи, которыя распространяются тайно, подъ страхомъ каторги, а это прокламаціи, несогласіе съ которыми наказываются каторгой. Я теперь пишу это и мнѣ жутко только за то, что я позволяю себѣ сказать, что нельзя отмѣнять главную заповѣдь Бога, написанную во всѣхъ законахъ и во всѣхъ сердцахъ, ничего не объясняющими словами: *по должности, за государя и отечество* и что не должно учить этому людей.

Да, сдѣлалось то, о чемъ Христосъ предупреждалъ людей, Лк. XI, 33—36 и Мѳ. VI, 23, говоря: смотрите, не сдѣлался бы свѣтъ, находящійся въ васъ, тьмою. Если свѣтъ, который есть въ тебѣ, сталъ тьмою, то какова же тьма?

Свѣтъ, находящійся въ насъ, сталъ тьмою. И тьма, въ которой мы живемъ, стала ужасна.

„Горе вамъ", сказалъ Христосъ, „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что заперли вы отъ людей царство небесное. Сами не вошли и не даете другимъ войти въ него. Горе вамъ, книжники и фирисеи, лицемѣры, за то, что поѣдаете домы вдовъ и на виду молитесь подолгу. За это вы еще больше виноваты. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что обходите моря и земли, чтобы обращать въ свою вѣру, а когда обратите, то сдѣлаете обращеннаго хуже, чѣмъ онъ былъ. Горе вамъ, вожаки слѣпые!

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророковъ, украшаете памятники праведниковъ. И вы полагаете, что если бы вы жили въ тѣ дни, когда замучены были пророки, то вы бы не были участниками въ ихъ крови? Такъ вы сами свидѣтельствуете противъ себя о томъ, что вы такіе же, какъ тѣ, которые били пророковъ. Дополняйте же мѣру, начатую подобными вамъ. И вотъ пошлю вамъ пророковъ мудрыхъ и книжниковъ, а иныхъ вы убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ вашихъ собраніяхъ и будете высылать изъ города въ городъ. И да падетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ Авеля".

Всякая хула (клевета) прощается людямъ, но не можетъ быть прощена клевета на святой духъ.

Вѣдь все это точно вчера написано противъ тѣхъ людей, которые теперь уже не обходятъ моря и земли, клевеща на святой духъ и приводя людей къ вѣрѣ, дѣлающей этихъ людей худшими, но прямо насиліемъ заставляютъ ихъ прини-

мать эту вѣру и преслѣдуютъ и губятъ всѣхъ тѣхъ пророковъ и праведныхъ, которые пытаются разрушить ихъ обманъ.

И я убѣдился, что церковное ученіе, несмотря на то, что оно названо христіанскимъ, есть та самая тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣлъ бороться своимъ ученикамъ.

Ученіе Христа, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: 1) ученіе о жизни людей—о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ—этическое и 2) объясненіе, почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе—метафизическое ученіе. Одно есть слѣдствіе и вмѣстѣ причина другого. Человѣкъ долженъ жить такъ потому, что таково его назначеніе, или назначеніе человѣка таково и потому онъ долженъ жить такъ. Эти двѣ стороны всякаго ученія находятся во всѣхъ религіяхъ міра. Такова религія Браминовъ, Конфуція, Будды, Моисея, такова же религія Христа. Она учитъ жизни, какъ жить и даетъ объясненіе, почему именно надо такъ жить. Но какъ было со всѣми ученіями: браманизмомъ, іудаизмомъ, буддизмомъ, такъ было и съ ученіемъ Христа. Люди отступаютъ отъ ученія о жизни и изъ числа людей являются такіе, которые берутся оправдать это отступленіе. Люди эти, садящіеся, по выраженію Христа, на сѣдалище Моисея, разъясняютъ метафизическую сторону ученія такъ, что этическія требованія ученія становятся необязательными и замѣняются внѣшнимъ богопочитаніемъ—обрядами. Это явленіе обще всѣмъ религіямъ, но никогда, мнѣ кажется, это явленіе не выражалось съ такою рѣзкостію, какъ въ христіанствѣ. Оно выразилось особенно рѣзко потому, что ученіе Христа есть самое высшее ученіе; а самое высшее оно потому, что метафизика и этика ученія Христа до такой степени неразрывно связаны и опредѣляются одна другою, что отдѣлить одну отъ другой нельзя, не лишивъ все ученіе его смысла и еще потому, что Христово ученіе есть уже само по себѣ протестантизмъ, т. е. отрицаніе не только обрядныхъ постановленій іудаизма, но и всякаго внѣшняго богопочитанія. И потому въ христіанствѣ разрывъ этого долженъ былъ уже совершенно извратить ученіе и лишить его всякаго смысла. Такъ оно и было. Разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни начался съ проповѣди Павла, не знавшаго этическаго ученія, выра-

женнаго въ Евангеліи Матѳея и проповѣдывавшаго чуждую Христу метафизическо-кабалистическую теорію, и совершился этотъ разрывъ окончательно во время Константина, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ.

Со времени Константина, язычника изъ язычниковъ, котораго церковь за всѣ его преступленія и пороки причисляетъ къ лику христіанскихъ святыхъ, начинаются соборы, и центръ тяжести христіанства переносится на одну метафизическую сторону ученія. И это метафизическое ученіе, съ сопутствующими ему обрядами, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ основного смысла своего, доходитъ до того, до чего оно дошло теперь: до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму человѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослужебные, но не даетъ *никакого* религіознаго ученія о жизни земной.

Всѣ религіи, кромѣ церковно-христіанской, требуютъ отъ исповѣдующихъ ихъ, кромѣ обрядовъ, исполненія еще извѣстныхъ хорошихъ поступковъ и воздержанія отъ дурныхъ. Іудаизмъ требуетъ обрѣзанія, соблюденія субботы, милостыни, юбилейнаго года и еще многаго другого. Магометанство требуетъ обрѣзанія, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бѣднымъ, поклоненія гробу пророка и многаго другого. Тоже и всѣ другія религіи. Хороши ли, дурны ли эти требованія, но это требованіе поступковъ. Только псевдо-христіанство не требуетъ ничего. Нѣтъ ничего, что бы обязательно долженъ былъ дѣлать христіанинъ и отъ чего онъ долженъ бы былъ обязательно воздерживаться, если не считать постовъ и молитвъ, самою церковью признаваемыхъ необязательными. Все, что нужно для псевдо-христіанства — это таинства. Но таинство не дѣлаетъ самъ вѣрующій, а надъ нимъ его производятъ другіе. Псевдо-христіанинъ ничего не обязанъ дѣлать и ни отъ чего не обязанъ воздерживаться для того, чтобы спастись, но надъ нимъ церковью совершается все, что для него нужно; его и окрестятъ, и помажутъ, и причастятъ, и особоруютъ, и исповѣдуютъ даже глухою исповѣдью и помолятся за него — и онъ спасенъ. Христіанская церковь со временъ Константина не потребовала никакихъ поступковъ отъ своихъ членовъ. Она даже не заявляла никакихъ требованій воздержанія отъ чего бы то ни было. Христіанская церковь признала и освятила все

то, что было въ языческомъ мірѣ. Она признала и освятила и разводъ, и рабство, и суды, и всѣ тѣ власти, которыя были, и войны, и казни, и требовала, при крещеніи, только словеснаго, и то только сначала, отреченія отъ зла; но потомъ при крещеніи младенцевъ перестали требовать даже и этого.

Церковь, на словахъ признавая ученіе Христа, въ жизни прямо отрицала его.

Вмѣсто того, чтобы руководить міромъ въ его жизни, церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекало никакихъ требованій для жизни, такъ что оно не мѣшало людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь разъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя церкви, какъ она умѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою, во всемъ противную ученію Христа, жизнь, а церковь, придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнію, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа.

Но пришло время и свѣтъ истиннаго ученія Христа, которое было въ Евангеліяхъ, несмотря на то, что церковь, чувствуя свою неправду, старалась скрывать его (запрещая переводы Библіи)—пришло время, и свѣтъ этотъ черезъ такъ называемыхъ сектантовъ, даже черезъ вольнодумцевъ міра, проникъ въ народъ и невѣрность ученія церкви стала очевидна людямъ и они стали измѣнять свою прежнюю, оправданную церковью жизнь на основаніи этого помимо церкви дошедшаго до нихъ, ученія Христа.

Такъ, сами люди помимо церкви уничтожили рабство, оправдываемое церковью, оправдываемыя церковью религіозныя казни, уничтожили освященную церковью власть императоровъ, папъ и теперь начали, стоящее на очереди, уничтоженіе собственности и государствъ. И церковь ничего не отстаивала и теперь не можетъ отстаивать, потому что уничтоженіе этихъ неправдъ жизни происходило и происходитъ на основаніи того самаго христіанскаго ученія, которое проповѣдывала и проповѣдуетъ церковь, хотя и стараясь извратить его.

Ученіе о жизни людей эмансипировалось отъ церкви и установилось независимо отъ нея.

У церкви остались объясненія, но объясненія чего? Метафизическое объясненіе ученія имѣетъ значеніе, когда есть то ученіе жизни, которое оно объясняетъ. Но у церкви не осталось никакого ученія о жизни. У ней было только объясненіе той жизни, которую она когда-то учреждала и которой уже нѣтъ. Если остались еще у церкви объясненія той жизни, которая была когда-то прежде, какъ объясненія катехизиса о томъ, что по должности должно убивать, то никто уже не вѣритъ въ это. И у церкви ничего не осталось кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ.

Церковь пронесла свѣтъ христіанскаго ученія о жизни черезъ 18 вѣковъ и желая скрыть его въ своихъ одеждахъ, сама сожглась на этомъ свѣтѣ. Міръ съ своимъ устройствомъ, освященнымъ церковью, отбросилъ церковь, во имя тѣхъ самыхъ основъ христіанства, которыя нехотя пронесла церковь и живетъ безъ нея. Фактъ этотъ совершился и скрывать его уже невозможно. Все, что точно живетъ, а не уныло злобится, не живя, а только мѣшая жить другимъ, все живое въ нашемъ европейскомъ мірѣ отпало отъ церкви и всякихъ церквей и живетъ своею жизнью, независимо отъ церкви. И пусть не говорятъ, что это такъ въ гнилой западной Европѣ; наша Россія своими милліонами раціоналистовъ-христіанъ, образаванныхъ и необразованныхъ, отбросившихъ церковное ученіе, безспорно доказываетъ, что она въ смыслѣ отпаденія отъ церкви, слава Богу, гораздо гнилѣе Европы.

Все живое—независимо отъ церкви.

Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, но только не на церкви.

Войны, отношенія государствъ устанавливаются на принципѣ народности, равновѣсіи, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ.

Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна.

Наука не только не содѣйствуетъ ученію церкви, но нечаянно, невольно въ своемъ развитіи всегда враждебна церкви.

Искусство, прежде служившее одной церкви, теперь все ушло изъ нея.

Мало того, что жизнь вся эмансипировалась отъ церкви, жизнь эта не имѣетъ другого отношенія къ церкви, кромѣ презрѣнія, пока церковь не вмѣшивается въ дѣла жизни, и ничего кромѣ ненависти, какъ только церковь пытается напомнить ей свои прежнія права. Если еще существуетъ та форма, которую мы называемъ церковью, то только потому, что люди боятся разбить сосудъ, въ которомъ было когда-то драгоцѣнное содержимое; только этимъ можно объяснить существованіе въ нашъ вѣкъ католичества, православія и разныхъ протестантскихъ церквей.

Всѣ церкви—католическая, православная и протестантская—похожи на караульщиковъ, которые заботливо караулятъ плѣнника, тогда какъ плѣнникъ уже давно ушелъ и ходитъ среди караульщиковъ и даже воюетъ съ ними. Все то, чѣмъ истинно живетъ теперь міръ: соціализмъ, коммунизмъ, политико-экономическія теоріи, утилитаризмъ, свобода и равенство людей и сословій и женщинъ, всѣ нравственныя понятія людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, все, что ворочаетъ міромъ и представляется церкви враждебнымъ, все это части того же ученія, которое, сама того не зная, пронесла съ скрываемымъ ею ученіемъ Христа та же церковь.

Въ наше время жизнь міра идетъ своимъ ходомъ совершенно независимо отъ ученія церкви. Ученіе это осталось такъ далеко назади, что люди міра не слышатъ уже голосовъ учителей церкви. Да и слушать нечего, потому что церковь только даетъ объясненія того устройства жизни, изъ котораго уже выросъ міръ и котораго или уже вовсе нѣтъ или которое неудержимо разрушается.

Люди плыли въ лодкѣ и гребли, а кормщикъ правилъ. Люди ввѣрились кормщику и кормщикъ правилъ хорошо; но пришло время, что хорошаго кормщика замѣнилъ другой, который не правилъ. Лодка пошла скоро и легко. Сначала не замѣчали того, что новый кормщикъ не правитъ, и только радовались тому, что лодка шла легко. Но потомъ убѣдившись, что новый кормщикъ не нуженъ, они стали смѣяться надъ нимъ,—и прогнали его.

Все бы это ничего, но горе въ томъ, что люди, подъ вліяніемъ досады на безполезнаго кормщика, забыли, что безъ кормщика не знаешь, куда плывешь. Это самое случилось съ нашимъ христіанскимъ обществомъ. Церковь не правитъ, и легко плыть, и мы далеко уплыли, и всѣ успѣхи

знаній, которыми такъ гордится нашъ 19-й вѣкъ, это — только то, что мы плывемъ безъ руля. Мы плывемъ, не зная куда. Мы живемъ и дѣлаемъ эту свою жизнь и рѣшительно не знаемъ, зачѣмъ. А нельзя плыть и грести, не зная куда плывешь, и нельзя жить и дѣлать свою жизнь, не зная зачѣмъ?

Вѣдь если бы люди ничего сами не дѣлали, а были поставлены внѣшней силою въ то положеніе, въ которомъ они находятся, они бы могли на вопросъ, зачѣмъ вы въ такомъ положеніи, совершенно разумно отвѣтить: мы не знаемъ, но мы очутились въ такомъ положеніи и находимся въ немъ. Но люди дѣлаютъ свое положеніе сами для себя, для другихъ и въ особенности для своихъ дѣтей и потому на вопросы: зачѣмъ вы собираете и сами собирались въ милліоны войскъ, которыми вы убиваете и увѣчите другъ друга; зачѣмъ вы тратили и тратите страшныя силы людскія, выражающіяся милліардами на постройку ненужныхъ и вредныхъ вамъ городовъ; зачѣмъ вы устраиваете свои игрушечные суды и посылаете людей, которыхъ считаете преступными, изъ Франціи въ Каенну, изъ Россіи въ Сибирь, изъ Англіи въ Австралію, когда вы сами знаете, что это безсмысленно; зачѣмъ вы оставляете любимое вами земледѣліе и трудитесь на фабрикахъ и заводахъ, которыхъ вы сами не любите; зачѣмъ воспитываете людей такъ, чтобы они продолжали эту неодобряемую вами жизнь; зачѣмъ вы все это дѣлаете? На это вы не можете не отвѣтить. Если бы все это были пріятныя дѣла, которыя бы вы любили, вы и тогда должны бы были сказать, зачѣмъ вы это дѣлаете? Но когда это ужасно трудныя дѣла и вы ихъ дѣлаете съ усиліемъ и ропотомъ, то нельзя же вамъ не думать о томъ, зачѣмъ вы все это дѣлаете? Надо или перестать дѣлать все это, или отвѣтить, зачѣмъ мы это дѣлаемъ? Безъ отвѣта на этотъ вопросъ люди никогда не жили и не могли жить. И отвѣтъ всегда былъ у людей.

Іудей жилъ такъ, какъ онъ жилъ, т. е. воевалъ, казнилъ людей, строилъ храмы, устраивалъ всю свою жизнь такъ, а не иначе потому, что все это было предписано въ законѣ, по убѣжденію его, сошедшемъ отъ самого Бога. То же самое для индійца, китайца, то же самое было для римлянина, то же самое и для магометанина; то же самое было и для христіанина за 100 лѣтъ тому назадъ, то же самое и теперь для невѣжественной толпы христіанъ. На вопросы эти невѣже-

ственный христiанинъ отвѣчаетъ такъ: солдатчина, войны, суды, казни, все это существуетъ по закону Бога, передаваемому намъ церковью. Здѣшнiй мiръ есть мiръ падшiй. Все зло, которое существуетъ, существуетъ по волѣ Бога, какъ наказанiе за грѣхи мiра, и потому исправлять это зло мы не можемъ. Мы можемъ только спасать свою душу вѣрою, таинствами, молитвами и покорностiю волѣ Божiей, передаваемой намъ церковью. Церковь же учитъ насъ, что каждый христiанинъ долженъ безпрекословно повиноваться царямъ, помазанникамъ Божiимъ, и поставленнымъ отъ нихъ начальникамъ, ограждать насилiемъ свою и чужую собственность, воевать, казнить и переносить казни по волѣ Богомъ постановленныхъ властей.

Хороши ли, дурны ли эти объясненiя, но они объясняли для вѣрующаго христiанина, какъ для iудея, буддиста и магометанина всѣ особенности жизни, и человѣкъ не отрекался отъ разума, живя по закону, который онъ признавалъ за божественный. Но теперь пришло время, что въ эти объясненiя вѣрятъ только самые невѣжественные люди и число такихъ людей съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все уменьшается. Остановить это движенiе нѣтъ никакой возможности. Всѣ люди неудержимо идутъ за тѣми, которые идутъ впереди и всѣ придутъ туда, гдѣ стоятъ передовые. Передовые же стоятъ надъ пропастiю. Передовые находятся въ ужасномъ положенiи: они дѣлаютъ жизнь для себя, готовятъ жизнь для всѣхъ тѣхъ, которые идутъ за ними, и находятся въ совершенномъ невѣдѣнiи того, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что̀ дѣлаютъ. Ни одинъ цивилизованный передовой человѣкъ теперь не въ состоянiи дать отвѣтъ на прямой вопросъ: зачѣмъ ты живешь тою жизнiю, которою ты живешь? Зачѣмъ дѣлаешь все то, что ты дѣлаешь? Я пробовалъ спрашивать объ этомъ и спрашивалъ у сотенъ людей и никогда не получалъ прямого отвѣта. Всегда вмѣсто прямого отвѣта на личный вопросъ: зачѣмъ ты такъ живешь и такъ дѣлаешь, всегда я получалъ отвѣтъ не на мой вопросъ, а на вопросъ, котораго я не дѣлалъ.

Вѣрующiй католикъ, протестантъ, православный, на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ такъ, какъ онъ живетъ, т. е. противно тому ученiю Христа-Бога, которое онъ исповѣдуетъ, всегда вмѣсто прямого отвѣта начинаетъ говорить о плачевномъ состоянiи безвѣрiя нынѣшняго поколѣнiя, о злыхъ людяхъ, производящихъ безвѣрiе и о значенiи и будущности

истинной церкви. Но почему онъ самъ не дѣлаетъ того, что̀ велитъ ему его вѣра, онъ не отвѣчаетъ. Вмѣсто отвѣта о себѣ онъ говоритъ объ общемъ состояніи человѣчества и о церкви, словно его собственная жизнь не имѣетъ для него никакого значенія, а онъ занятъ только спасеніемъ всего человѣчества и тѣмъ, что̀ онъ называетъ церковью.

Философъ какого бы онъ ни былъ толка — идеалистъ, спиритуалистъ, пессимистъ, позитивистъ—на вопросъ: зачѣмъ онъ живетъ такъ, какъ онъ живетъ, т. е. не согласно съ своимъ философскимъ ученіемъ—всегда, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, заговоритъ о прогрессѣ человѣчества, о томъ историческомъ законѣ этого прогресса, который онъ нашелъ и по которому человѣчество стремится къ благу. Но онъ никогда прямо не отвѣтитъ на вопросъ, почему онъ самъ въ своей жизни не дѣлаетъ того, что̀ считаетъ разумнымъ? Философъ, также какъ и вѣрующій, какъ будто озабоченъ не своею личною жизнію, а только наблюденіемъ надъ общими законами человѣчества.

Средній человѣкъ, огромное большинство полувѣрующихъ, полуневѣрующихъ цивилизованныхъ людей, тѣхъ, которые всегда безъ исключенія жалуются на свою жизнь и на устройство нашей жизни и предвидятъ погибель всему, этотъ средній человѣкъ, на вопросъ: зачѣмъ онъ самъ живетъ этою осуждаемою имъ жизнію и ничего не дѣлаетъ, чтобы улучшить ее,—всегда вмѣсто прямого отвѣта начнетъ говорить не о себѣ, а о чемъ-нибудь общемъ: о правосудіи, о торговлѣ, о государствѣ, о цивилизаціи. Если онъ городовой или прокуроръ, онъ скажетъ: „а какъ же пойдетъ государственное дѣло, если я, чтобы улучшить свою жизнь, перестану участвовать въ немъ?“ „А какъ же торговля?“ скажетъ онъ, если онъ торговый человѣкъ. „А какъ же цивилизація, если я для улучшенія своей жизни не буду содѣйствовать ей?“ Онъ скажетъ всегда такъ, какъ будто задача его жизни состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать то благо, къ которому онъ всегда стремится, а въ томъ, чтобы служить государству, торговлѣ, цивилизаціи. Средній человѣкъ отвѣчаетъ точь въ точь то же, что̀ и вѣрующій и философъ. Онъ на мѣсто личнаго вопроса подставляетъ общій, и подставляетъ его и вѣрующій, и философъ, и средній человѣкъ потому, что у него нѣтъ никакого отвѣта на личный вопросъ жизни, потому что у него нѣтъ никакого настоящаго ученія о жизни. И ему совѣстно.

Ему совѣстно потому, что онъ чувствуетъ себя въ унизительномъ положеніи человѣка, не имѣющаго никакого ученія о жизни; тогда какъ человѣкъ никогда не жилъ и не можетъ жить безъ ученія о жизни. Только въ нашемъ христіанскомъ мірѣ на мѣсто ученія о жизни и объясненія, почему жизнь должна быть такая, а не иная, т. е. на мѣсто религіи подставилось одно объясненіе того, почему жизнь должна быть такою, какою она была когда-то прежде, и религіей стало называться то, чтò никому ни на чтò не нужно; а сама жизнь стала независима отъ всякаго ученія, то есть безъ всякаго опредѣленія.

Мало того: какъ всегда бываетъ, наука признала именно это случайное, уродливое положеніе нашего общества за законъ всего человѣчества. Ученые — Тиле, Спенсеръ и другіе пресерьезно трактуютъ о религіи, разумѣя подъ нею метафизическія ученія о началѣ всего и не подозрѣвая того, что говорятъ не о всей религіи, а только о части ея.

Отсюда произошло то удивительное явленіе, что въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь. Имъ не приходитъ въ голову, что имъ надо же жить какъ-нибудь и что они живутъ же какъ-нибудь и что именно то, на основаніи чего они живутъ такъ, а не иначе и есть ихъ религія. Люди эти воображаютъ, что у нихъ есть очень возвышенныя убѣжденія и нѣтъ никакой вѣры. Но каковы бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если они только совершаютъ какіе-нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрою. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо дѣлать всегда только то, чтò велятъ. Религія людей, не признающихъ религіи, есть религія покорности всему тому, чтò дѣлаетъ сильное большинство, т. е., короче, религія повиновенія существующей власти.

Можно жить по ученію міра, т. е., животною жизнію, не признавая ничего выше и обязательнѣе предписаній существующей власти. Но кто живетъ такъ, не можетъ же утверждать, что живетъ разумно. Прежде чѣмъ утверждать, что мы живемъ разумно, надо отвѣтить на вопросъ: какое ученіе о жизни мы считаемъ разумнымъ? А у насъ, несчастныхъ, не только нѣтъ никакого такого ученія, но

потеряно даже сознаніе въ необходимости какого-нибудь разумнаго ученія о жизни.

Спросите у людей нашего времени, вѣрующихъ: или невѣрующихъ: какому ученію они слѣдуютъ въ жизни? Они должны будутъ сознаться, что они слѣдуютъ одному ученію — законамъ, которые пишутъ чиновники II-го отдѣленія или законодательныя собранія и приводитъ въ исполненіе — полиція. Это—единственное ученіе, которое признаютъ наши европейскіе люди. Они знаютъ, что ученіе это не отъ неба, не отъ пророковъ и не отъ мудрыхъ людей; они постоянно осуждаютъ постановленія этихъ чиновниковъ или законодательныхъ собраній, но, все-таки, признаютъ это ученіе и повинуются исполнителямъ его — полиціи, повинуются безспорно въ самыхъ страшныхъ требованіяхъ ея. Написали чиновники или собранія, что всякій молодой человѣкъ долженъ быть готовъ на поруганіе, смерть и на убійство другихъ, и всѣ отцы и матери, выростившіе сыновей, повинуются такому закону, написанному вчера продажнымъ чиновникомъ и завтра могущему быть измѣненнымъ.

Понятіе о законѣ, несомнѣнно разумномъ и по внутреннему сознанію обязательномъ для всѣхъ, до такой степени утрачено въ нашемъ обществѣ, что существованіе у еврейскаго народа закона, опредѣлявшаго всю жизнь ихъ, такого закона, который былъ бы обязателенъ не по принужденію, а по внутреннему сознанію каждаго, считается исключительнымъ свойствомъ одного еврейскаго народа. Что евреи повиновались только тому, что они считали въ глубинѣ души несомнѣнной истиной, полученной прямо отъ Бога, т. е., тому, что̀ было согласно съ ихъ совѣстью, считается особенностію евреевъ. Нормальнымъ же состояніемъ, свойственнымъ образованному человѣку, считается то, что бы повиноваться тому, что̀ завѣдомо пишется презираемыми людьми и приводится въ исполненіе городовымъ съ пистолетомъ, тому, что̀ каждымъ или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ этихъ людей считается неправильнымъ, т. е., противнымъ ихъ совѣсти.

Тщетно искалъ я въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ какихъ-нибудь ясно выраженныхъ нравственныхъ основъ для жизни. Ихъ нѣтъ. Нѣтъ даже сознанія, что онѣ нужны. Есть даже странное убѣжденіе, что онѣ не нужны, что религія есть только извѣстныя слова о будущей жизни, о Богѣ, извѣстные обряды, очень полезные для спасенія души, по мнѣнію однихъ и ни на что не нужные по мнѣнію другихъ,

а что жизнь идетъ сама собою и что для нея не нужно никакихъ основъ и правилъ; нужно только дѣлать то, что велятъ. Изъ того, что̀ составляетъ сущность вѣры, т. е., ученія о жизни и объясненія смысла ея, — первое считается неважнымъ и не принадлежащимъ къ вѣрѣ, а второе, т. е., объясненіе когда-то бывшей жизни или разсужденія и гаданія объ историческомъ ходѣ жизни, считается самымъ важнымъ и серьезнымъ. Во всемъ, что составляетъ жизнь человѣка, въ томъ, какъ жить, итти ли убивать людей или не итти, идти ли судить людей или не итти, воспитывать ли своихъ дѣтей такъ или иначе, — люди нашего міра отдаются безспорно другимъ людямъ, которые точно такъ же, какъ и они сами, не знаютъ, зачѣмъ они живутъ и заставляютъ жить другихъ такъ, а не иначе.

И такую-то жизнь люди считаютъ разумной и не стыдятся ея!

Раздвоеніе между объясненіемъ вѣры, которое названо вѣрою, и самою вѣрою, которая названа общественной, государственною жизнью, дошло теперь до послѣдней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни съ одной вѣрой въ городового и урядника.

Положеніе это было бы ужасно, если бы оно вполнѣ было таково. Но, къ счастію, и въ наше время есть люди, лучшіе люди нашего времени, которые не довольствуются такою вѣрою и имѣютъ свою вѣру въ то, какъ должны жить люди.

Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и главное, невѣрующими людьми, а между тѣмъ это единственные вѣрующіе люди нашего времени и не только вѣрующіе вообще, но вѣрующіе именно въ ученіе Христа, если не во все ученіе, то хотя въ малую часть его.

Люди эти часто вовсе не знаютъ ученія Христа, не понимаютъ его, часто не принимаютъ такъ же, какъ и враги ихъ, главной основы Христовой вѣры — непротивленія злу, часто даже ненавидятъ Христа; но вся ихъ вѣра въ то, какова должна быть жизнь, почерпнута изъ ученія Христа. Какъ бы ни гнали этихъ людей, какъ бы ни клеветали на нихъ, но это единственные люди, не покоряющіеся безропотно всему, что велятъ, и потому — это единственные люди нашего міра, живущіе не животною, а разумною жизнью, — единственные вѣрующіе люди.

Нить, связующая міръ съ церковью, дававшей смыслъ міру, становилась все слабѣе и слабѣе по мѣрѣ того, какъ содержаніе, соки жизни все болѣе и болѣе переливались въ мірѣ. И теперь, когда соки всѣ перелились, связующая нить стала лишь помѣхой.

Это таинственный процессъ рожденія; и вотъ онъ совершается въ нашихъ глазахъ. Въ одно и то же время обрывается послѣдняя связь съ церковью и устанавливается самостоятельный процессъ жизни.

Ученіе церкви съ ея догматами, соборами, іерархіей, несомнѣнно, связано съ ученіемъ Христа. Связь эта столь же очевидна, какъ и связь новорожденнаго плода съ утробой матери. Но какъ пуповина и мѣсто дѣлаются послѣ рожденія ненужными кусками мяса, которые, изъ уваженія къ тому, чтò хранилось въ нихъ, надо бережно зарыть въ землю, такъ и церковь сдѣлалась ненужнымъ, отжившимъ органомъ, который только изъ уваженія къ тому, чѣмъ она была прежде, надо спрятать куда-нибудь подальше. Какъ только установилось дыханіе и кровообращеніе, — связь, бывшая прежде источникомъ питанія, стала помѣхою. И безумны усилія удержать эту связь и заставить вышедшаго на свѣтъ ребенка питаться черезъ пуповину, а не черезъ ротъ и легкія.

Но освобожденіе дѣтеныша изъ утробы матери не есть еще жизнь. Жизнь дѣтеныша зависитъ отъ установленія новой связи питанія съ матерью. То же должно совершиться и съ нашимъ христіанскимъ міромъ. Ученіе Христа выносило нашъ міръ и родило его. Церковь—одинъ изъ органовъ ученія Христа—сдѣлала свое дѣло и стала ненужна, стала помѣхой. Міръ не можетъ руководиться церковью, но и освобожденіе міра отъ церкви еще не есть жизнь. Жизнь его наступитъ тогда, когда онъ сознаетъ свое безсиліе и почувствуетъ необходимость новаго питанія. И вотъ это должно наступить въ нашемъ христіанскомъ мірѣ; онъ долженъ закричать отъ сознанія своей безпомощности; только сознаніе своей безпомощности, сознаніе невозможности прежняго питанія и невозможности всякаго другого питанія, кромѣ молока матери, приведетъ его къ нагрубшей отъ молока груди матери.

Съ нашимъ столь внѣшне-самоувѣреннымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ, а въ глубинѣ сознанія испуганнымъ и растеряннымъ европейскимъ міромъ происходитъ тоже, чтò бываетъ

съ только что родившимся дѣтенышемъ: онъ мечется, суется, кричитъ, толкается, точно сердится и не можетъ понять, что ему дѣлать. Онъ чувствуетъ, что источникъ прежняго питанія его изсякъ, но не знаетъ еще, гдѣ искать новый.

Только что родившійся ягненокъ и глазами и ушами водитъ, и хвостомъ трясетъ, и прыгаетъ и брыкается. Намъ кажется по его рѣшительности, что онъ все знаетъ, а онъ, бѣдный, ничего не знаетъ. Вся эта рѣшительность и энергія—плодъ соковъ матери, передача которыхъ только что прекратилась и не можетъ уже возобновиться. Онъ—въ блаженномъ и вмѣстѣ въ отчаянномъ положеніи. Онъ полонъ свѣжести и силы; но онъ пропалъ, если не возьмется за соски матери.

То же самое происходитъ и съ нашимъ европейскимъ міромъ. Посмотрите, какая сложная, какъ будто разумная, какая энергическая жизнь кипитъ въ европейскомъ мірѣ. Какъ будто всѣ эти люди знаютъ все, что̀ они дѣлаютъ и зачѣмъ они все это дѣлаютъ. Посмотрите, какъ рѣшительно, молодо, бодро люди нашего міра дѣлаютъ все, что̀ дѣлаютъ. Искусства, науки, промышленность, общественная, государственная дѣятельность,—все полно жизни. Но все это живо только потому, что питалось недавно еще соками матери черезъ пуповину. Была церковь, которая проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра. Каждое явленіе міра питалось имъ и росло и выросло. Но церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Всѣ органы міра живутъ; источникъ ихъ прежняго питанія прекратился, новаго же они еще не нашли; и они ищутъ его вездѣ, только не у матери, отъ которой они только что освободились. Они, какъ ягненокъ, пользуются еще прежней пищей, но не пришли еще къ тому, чтобы понять, что эта пища только у матери, но только иначе, чѣмъ прежде, можетъ быть передана имъ.

Дѣло, которое предстоитъ теперь міру, состоитъ въ томъ, чтобы понять, что процессъ прежняго безсознательнаго питанія пережитъ, и что необходимъ новый, сознательный процессъ питанія.

Этотъ новый процессъ состоитъ въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде безсознательно вливались въ человѣчество черезъ органъ церкви и которымъ теперь живо еще человѣчество. Люди должны вновь поднять тотъ свѣтъ, которымъ они жили, но который скрытъ былъ отъ нихъ, и высоко поставить

его передъ собою и людьми, и сознательно жить этимъ свѣтомъ.

Ученіе Христа, какъ религія, опредѣляющая жизнь и дающая объясненіе жизни людей, стоитъ теперь такъ же, какъ оно, 1800 лѣтъ тому назадъ, стояло передъ міромъ. Но прежде у міра были объясненія церкви, которыя, заслоняя отъ него ученіе, все таки казались ему достаточными для его старой жизни, а теперь настало время, что церковь отжила и міръ не имѣетъ никакихъ объясненій своей жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а потому и не можетъ теперь не принять ученія Христа.

Христосъ прежде всего учитъ тому, чтобы люди вѣрили въ свѣтъ, пока свѣтъ еще въ нихъ. Христосъ учитъ тому, чтобы люди выше всего ставили этотъ свѣтъ разума, чтобы жили сообразно съ нимъ, не дѣлали бы того, что они сами считаютъ неразумнымъ. Считаете неразумнымъ итти убивать турокъ или нѣмцевъ—не ходите; считаете неразумнымъ насиліемъ отбирать трудъ бѣдныхъ людей для того, что бы надѣвать цилиндръ и затягиваться въ корсетъ, или сооружать затрудняющую васъ гостиную—не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ развращенныхъ праздностію и вреднымъ сообществомъ сажать въ острогъ, т. е., въ самое вредное сообщество и самую полную праздность—не дѣлайте этого; считаете неразумнымъ жить въ зараженномъ городскомъ воздухѣ, когда можете жить на чистомъ; считаете неразумнымъ учить дѣтей прежде и больше всего грамматикамъ мертвыхъ языковъ,—не дѣлайте этого. Не дѣлайте только того, что̀ дѣлаетъ теперь весь нашъ европейскій міръ: жить и не считать разумнымъ свою жизнь, дѣлать и не считать разумнымъ свои дѣла, не вѣрить въ свой разумъ, жить несогласно съ нимъ.

Ученіе Христа есть свѣтъ. Свѣтъ свѣтитъ и тьма не обнимаетъ его. Нельзя не принимать свѣта, когда онъ свѣтитъ. Съ нимъ нельзя спорить, нельзя съ нимъ не соглашаться. Съ ученіемъ Христа нельзя не согласиться потому, что оно обнимаетъ всѣ заблужденія, въ которыхъ живутъ люди и не сталкивается съ ними, и, какъ эфиръ, про который говорятъ физики, проникаетъ всѣхъ ихъ. Ученіе Христа одинаково неизбѣжно для каждаго человѣка нашего міра, въ какомъ бы онъ ни былъ состояніи. Ученіе Христа не можетъ быть принято не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объясненіе жизни, которое оно даетъ

(отрицать все можно), но потому, что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человѣчество, не жилъ и не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, если онъ хочетъ жить какъ человѣкъ, т. е., разумною жизнью.

Сила ученія Христа не въ его объясненіи смысла жизни, а въ томъ, что вытекаетъ изъ него—въ ученіи о жизни. Метафизическое ученіе Христа не новое. Это все одно и то же ученіе человѣчества, которое написано въ сердцахъ людей и которое проповѣдывали всѣ истинные мудрецы міра. Но сила ученія Христа въ приложеніи этого метафизическаго ученія къ жизни.

Метафизическая основа древняго ученія евреевъ и Христа одна и та же: любовь къ Богу и ближнему. Но для приложенія этого ученія къ жизни по Моисею, какъ понимали его евреи, требовалось исполненіе 613 заповѣдей, часто безсмысленныхъ, жестокихъ и такихъ, которыя всѣ основывались на авторитетѣ писанія. По закону Христа ученіе о жизни, вытекающее изъ той же метафизической основы, выражено въ пяти заповѣдяхъ, разумныхъ, благихъ и носящихъ въ самихъ себѣ свой смыслъ и свое оправданіе и обнимающихъ всю жизнь людей.

Ученіе Христа не можетъ не быть принято тѣми вѣрующими іудеями, буддистами, магометанами и другими, которые усумнились бы въ истинности своего закона: еще менѣе оно не можетъ не быть принято людьми нашего христіанскаго міра, которые не имѣютъ теперь никакого нравственнаго закона.

Ученіе Христа не споритъ съ людьми нашего міра о ихъ міросозерцаніи, оно впередъ соглашается съ нимъ и, включая его въ себя, даетъ имъ то, чего у нихъ нѣтъ, что имъ необходимо и чего они ищутъ: оно даетъ имъ путь жизни и при томъ не новый, а давно знакомый и родной имъ всѣмъ.

Вы—вѣрующій христіанинъ, какого бы то ни было толка или исповѣданія. Вы вѣрите въ сотвореніе міра, въ Троицу, въ паденіе и искупленіе человѣка, въ таинства, въ молитвы и церковь. Христово ученіе не только не споритъ съ вами, но вполнѣ соглашается съ вашимъ міросозерцаніемъ, оно только даетъ вамъ то, чего у васъ нѣтъ. Сохраняя вашу теперешнюю вѣру, вы чувствуете, что жизнь міра и жизнь ваша исполнена зла и вы не знаете, какъ избѣжать его.

Ученіе Христа (обязательно для васъ, потому что оно есть ученіе вашего Бога) даетъ вамъ простыя, исполнимыя правила жизни, которыя избавятъ и васъ и другихъ людей отъ того зла, которое мучитъ васъ. Вѣрьте въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ папу, въ церковь, въ таинства, въ искупленіе, молитесь, какъ это требуется по вашей вѣрѣ, говѣйте, пойте псалмы—все это не мѣшаетъ вамъ исполнять то, что̀ открыто Христомъ для вашего блага: не сердитесь, не блудите, не клянитесь, не защищайтесь насиліемъ, не воюйте.

Можетъ случиться, что вы не исполните какого-нибудь изъ этихъ правилъ, вы увлечетесь и нарушите одно изъ нихъ такъ же, какъ вы нарушаете теперь въ минуты увлеченія правила вашей вѣры, правила закона гражданскаго или законовъ приличія. Также вы отступите, можетъ быть, въ минуты увлеченія и отъ правилъ Христа; но въ спокойныя минуты не дѣлайте того, что вы теперь дѣлаете—устраивайте жизнь не такую, при которой трудно не сердиться, не блудить, не клясться, не защищаться, не воевать, а такую, при которой трудно бы было это дѣлать. Вы не можете не признать этого, потому что Богъ велѣлъ вамъ это.

Вы—невѣрующій философъ какого бы то ни было толка. Вы говорите, что все происходитъ въ мірѣ по закону, который вы открыли. Христово ученіе не споритъ съ вами и признаетъ вполнѣ открытый вами законъ. Но вѣдь помимо этого вашего закона, по которому черезъ тысячелѣтія настаетъ то благо, котораго вы желаете и приготовили для человѣчества, есть еще ваша личная жизнь, которую вы можете прожить или согласно съ разумомъ или противъ него; а для этой-то вашей личной жизни у васъ теперь и нѣтъ никакихъ правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя пишутся неуважаемыми вами людьми и приводятся въ исполненіе полицейскими. Ученіе Христа даетъ вамъ такія правила, которыя навѣрно сходятся съ вашимъ закономъ; потому что вашъ законъ альтруизма, или единой воли, есть ни что иное, какъ дурная перифраза того же ученія Христа.

Вы—средній человѣкъ, полувѣрующій, полуневѣрующій, не имѣющій времени углубляться въ смыслъ человѣческой жизни: и у васъ нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, вы дѣлаете то, что̀ дѣлаютъ всѣ. Христово ученіе не споритъ съ вами. Оно говоритъ: хорошо, вы не способны разсуждать, повѣрить истинности преподаваемаго вамъ ученія, вамъ легче поступать заурядъ со всѣми; но какъ бы

скромны вы ни были, вы все таки чувствуете въ себѣ того внутренняго судью, который иногда одобряетъ ваши поступки, согласные со всѣми, иногда не одобряетъ ихъ. Какъ бы ни скромна была ваша доля, вамъ приходится все таки задумываться и спрашивать себя: такъ ли мнѣ поступить, какъ всѣ, или по своему? въ такихъ именно случаяхъ, т. е., когда вамъ представится надобность рѣшить такой вопросъ, правила Христа и предстанутъ передъ вами во всей своей силѣ. И правила эти навѣрно дадутъ вамъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, потому что они обнимаютъ всю вашу жизнь и они отвѣтятъ вамъ согласно съ вашимъ разумомъ и вашей совѣстью. Если вы ближе къ вѣрѣ, чѣмъ къ невѣрію, то, поступая такимъ образомъ, вы поступаете по волѣ Бога; если вы ближе къ свободомыслію, то вы, поступая такъ, поступаете по самымъ разумнымъ правиламъ, какія существуютъ въ мірѣ, въ чемъ вы сами убѣдитесь, потому что правила Христа сами въ себѣ несутъ свой смыслъ и свое оправданіе.

Христосъ сказалъ (Іоан. XII, 31): „нынѣ *судъ міру сему*: нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ".

Онъ сказалъ еще (Іоан. XVI, 33): сіе сказалъ я вамъ, чтобы вы имѣли во мнѣ міръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: *я побѣдилъ міръ*.

И дѣйствительно міръ, т. е., зло міра побѣждено.

Если существуетъ еще міръ зла, то онъ существуетъ только какъ нѣчто мертвое, онъ живетъ только по инерціи; въ немъ нѣтъ уже основъ жизни. Его нѣтъ для вѣрующаго въ заповѣди Христа. Онъ побѣжденъ въ разумномъ сознаніи сына человѣческаго. Разбѣжавшійся поѣздъ еще бѣжитъ по прямому направленію, но вся разумная работа на немъ уже дѣлается давно для обратнаго направленія.

Ибо все рожденное отъ Бога побѣждаетъ міръ. *И побѣда, которою побѣжденъ міръ, есть вѣра ваша.* (1-е посланіе Іоанна V, 4).

Вѣра, побѣждающая міръ, есть вѣра въ ученіе Христа.

XII.

Я вѣрю въ ученіе Христа и вотъ въ чемъ моя вѣра!

Я вѣрю, что благо мое возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа.

Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно.

Я вѣрю, что и до тѣхъ поръ, пока ученіе это не исполняется, что если бы я былъ даже одинъ среди всѣхъ неисполняющихъ, мнѣ, все-таки, ничего другого нельзя дѣлать для спасенія своей жизни отъ неизбѣжной погибели, какъ исполнять это ученіе, какъ ничего другого нельзя дѣлать тому, кто въ горящемъ домѣ нашелъ дверь спасенія.

Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна и что только жизнь по ученію Христа даетъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ отецъ жизни.

Я вѣрю, что ученіе это даетъ благо всему человѣчеству, спасаетъ меня отъ неизбѣжной погибели и даетъ мнѣ здѣсь наибольшее благо. А потому я не могу не исполнять его.

Законъ данъ черезъ Моисея, а благо и истина—черезъ Іисуса Христа (Іоан. I, 17). Ученіе Христа есть благо и истина. Прежде, не зная истины, я не зналъ и блага. Принимая зло за благо, я впадалъ во зло, сомнѣвался въ законности моего стремленія ко благу. Теперь же я понялъ и повѣрилъ, что благо, къ которому я стремлюсь, есть воля отца, есть самая законная сущность моей жизни.

Христосъ сказалъ мнѣ: живи для блага, только не вѣрь тѣмъ ловушкамъ—соблазнамъ (ςκάνδαλος), которые, заманивая тебя подобіемъ блага, лишаютъ этого блага и уловляютъ во зло. Благо твое есть твое единство со всѣми людьми, зло есть нарушеніе единства сына человѣческаго. Не лишай себя самъ того блага, которое дано тебѣ.

Христосъ показалъ мнѣ, что единство сына человѣческаго, любовь людей между собой не есть, какъ мнѣ прежде казалось, цѣль, къ которой должны стремиться люди, но что это единство, эта любовь людей между собой есть ихъ естественное состояніе, то, въ которомъ родятся дѣти по словамъ Его и то, въ которомъ живутъ всегда всѣ люди до тѣхъ поръ, пока состояніе это не нарушается обманомъ, заблужденіемъ, соблазнами.

Но Христосъ не только показалъ мнѣ это, но онъ ясно, безъ возможности ошибки, перечислилъ мнѣ въ своихъ заповѣдяхъ всѣ до одного соблазны, лишавшіе меня этого естественнаго состоянія единства, любви и блага и уловлявшіе меня во зло. Заповѣди Христа даютъ мнѣ средство спасенія отъ соблазновъ, лишавшихъ меня моего блага, и потому я не могу не вѣрить въ эти заповѣди.

Мнѣ дано благо жизни, а я самъ губилъ его. Христосъ

показалъ мнѣ своими заповѣдями тѣ соблазны, которыми я гублю свое благо, а потому я и не могу дѣлать того, что губитъ мое благо. Въ этомъ, и въ этомъ одномъ вся моя вѣра.

Христосъ показалъ мнѣ, что первый соблазнъ, губящій мое благо, есть моя вражда съ людьми, мой гнѣвъ на нихъ. Я не могу не вѣрить въ это, и потому не могу уже сознательно враждовать съ другими людьми, не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, радоваться на свой гнѣвъ, гордиться имъ, разжигать, оправдывать его признаніемъ себя важнымъ и умнымъ, а другихъ людей ничтожными—потерянными и безумными; не могу уже теперь при первомъ напоминаніи о томъ, что я поддаюсь гнѣву, не признавать себя одного виновнымъ и не искать примиренія съ тѣми, кто враждуетъ со мною.

Но этого мало. Если я знаю теперь, что гнѣвъ мой есть неестественное, вредное для меня болѣзненное состояніе, то я знаю еще, какой соблазнъ приводилъ меня въ него. Этотъ соблазнъ состоялъ въ томъ, что я отдѣлялъ себя отъ другихъ людей, признавая только нѣкоторыхъ изъ нихъ равными себѣ, а всѣхъ остальныхъ—ничтожными, не людьми (*ρακά*), или глупыми и необразованными (безумными). Я вижу теперь, что это отдѣленіе себя отъ людей и признаніе другихъ за „рака“ и безумныхъ было главной причиной моей вражды съ людьми. Вспоминая свою прежнюю жизнь, я вижу теперь, что я никогда не позволялъ разгораться своему враждебному чувству на тѣхъ людей, которыхъ считалъ выше себя и никогда не оскорблялъ ихъ; но зато—малѣйшій непріятный для меня поступокъ человѣка, котораго я считалъ ниже себя, вызывалъ мой гнѣвъ на него и оскорбленіе, и чѣмъ выше я считалъ себя передъ такимъ человѣкомъ, тѣмъ легче я оскорблялъ его; иногда даже одна воображаемая мною низкость положенія человѣка уже вызывала съ моей стороны оскорбленіе ему. Теперь же я понимаю, что выше другихъ людей будетъ стоять тотъ только, кто унизитъ себя передъ другими, кто будетъ всѣмъ слугою. Я понимаю теперь, почему то, что высоко передъ людьми, есть мерзость передъ Богомъ, и почему горе богатымъ и прославляемымъ и почему блаженные нищіе и униженные. Только теперь я понимаю это и вѣрю въ это, и вѣра эта измѣнила всю мою оцѣнку хорошаго и высокаго, дурного и низкаго въ жизни. Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ,—по-

чести, слава, образованіе, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внѣшнихъ пріемовъ—все это стало для меня дурнымъ и низкимъ,—мужичество, неизвѣстность, бѣдность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, пріемовъ—все это стало для меня хорошимъ и высокимъ. А потому, если и теперь, зная все это, я могу въ минуту забвенія отдаться гнѣву и оскорбить брата, то въ спокойномъ состояніи я не могу уже служить тому соблазну, который, возвышая меня надъ людьми, лишалъ меня моего истиннаго блага,—единства и любви, какъ не можетъ человѣкъ устраивать самъ для себя ловушку, въ которую онъ попалъ прежде и которая чуть ни погубила его. Теперь я не могу содѣйствовать ничему тому, что внѣшне возвышаетъ меня надъ людьми, отдѣляетъ отъ нихъ, не могу, какъ я прежде это дѣлалъ, признавать ни за собой, ни за другими никакихъ званій, чиновъ и наименованій, кромѣ званія и имени человѣка; не могу искать славы и похвалы, не могу искать такихъ знаній, которыя отдѣляли бы меня отъ другихъ, не могу не стараться избавиться отъ своего богатства, отдѣляющаго меня отъ людей, не могу въ жизни своей, въ обстановкѣ ея, въ пищѣ, въ одеждѣ, во внѣшнихъ пріемахъ не искать всего того, что не разъединяетъ меня, а соединяетъ съ большинствомъ людей.

Христосъ показалъ мнѣ, что другой соблазнъ, губящій мое благо, есть блудная похоть, т. е. похоть къ другой женщинѣ, а не той, съ которой я сошелся. Я не могу не вѣрить въ это и потому не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, признавать блудную похоть естественнымъ и возвышеннымъ свойствомъ человѣка; не могу оправдывать ее передъ собою моею любовью къ красотѣ, влюбленностію, или недостатками своей жены; не могу уже при первомъ напоминаніи о томъ, что поддаюсь блудной похоти, не признать себя въ болѣзненномъ, неестественномъ состояніи и не искать всякихъ средствъ, которыя могли бы избавить меня отъ этого зла.

Но зная теперь, что блудная похоть есть зло для меня, я знаю еще и тотъ соблазнъ, который вводилъ меня прежде въ него, и потому не могу уже служить ему. Я знаю теперь, что главная причина соблазна не въ томъ, что люди не могутъ воздержаться отъ блуда, но въ томъ, что большинство мужчинъ и женщинъ оставлены тѣми, съ которыми они сошлись сначала. Я знаю теперь, что всякое оставленіе мужчины или женщины, которые сошлись въ первый

разъ, и есть тотъ самый разводъ, который Христосъ запрещаетъ людямъ потому, что оставленные первыми супругами мужья и жены вносятъ весь развратъ въ мірѣ. Вспоминая то, что меня вводило въ блудъ, я вижу теперь, что, кромѣ того дикаго воспитанія, при которомъ и физически и умственно разжигалась во мнѣ блудная похоть и оправдывалась всѣми изощреніями ума, главный соблазнъ, уловлявшій меня, заключается въ оставленіи мною той женщины, съ которой я сошелся сначала и въ состояніи оставленныхъ женщинъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ меня. Я вижу теперь, что главная сила соблазна была не въ моей похоти, а въ неудовлетворительности похоти моей и тѣхъ оставленныхъ женщинъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружали меня. Я понимаю теперь слова Христа: Богъ сотворилъ въ началѣ человѣка—мужчиной и женщиной, такъ, чтобы два были одно, и что поэтому человѣкъ не можетъ и не долженъ разъединять то, что соединилъ Богъ. Я понимаю теперь, что единобрачіе есть естественный законъ человѣчества, который не можетъ быть нарушаемъ. Я понимаю теперь вполнѣ слова о томъ, что кто разводится съ женою, т. е. съ женщиной, съ которой онъ сошелся сначала, для другой, заставляетъ ее распутничать и вноситъ самъ противъ себя новое зло въ міръ. Я вѣрю въ то, и вѣра эта измѣняетъ всю мою прежнюю оцѣнку хорошаго и высокаго, дурного и низкаго въ жизни. То, что прежде мнѣ казалось самымъ хорошимъ,—утонченная, изящная жизнь, страстная и поэтическая любовь, восхваляемая всѣми поэтами и художниками—все это представилось мнѣ дурнымъ и отвратительнымъ. Наоборотъ, хорошимъ представились мнѣ: трудовая, скудная, грубая жизнь, умѣряющая похоть; высокимъ и важнымъ представилось мнѣ не столько человѣческое учрежденіе брака, накладывающее внѣшнюю печать законности на извѣстное соединеніе мужчины и женщины, сколько самое соединеніе всякаго мужчины и женщины, которое, разъ совершившись, не можетъ быть нарушено безъ нарушенія воли Бога. Если я и теперь могу въ минуту забвенія подпасть блудной похоти, то не могу же, зная тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ это зло, служить ему, какъ я дѣлалъ это прежде. Я не могу желать и искать физической праздности и жирной жизни, разжигавшей во мнѣ чрезмѣрную похоть; не могу искать тѣхъ, разжигающихъ любовную похоть, потѣхъ—романовъ, стиховъ, музыки, театровъ,

баловъ, которые прежде представлялись мнѣ не только не вредными, но очень высокими увеселеніями; не могу оставлять своей жены, зная, что оставленіе ея есть первая ловушка для меня, для нея и для другихъ; не могу содѣйствовать праздной и жирной жизни другихъ людей; не могу участвовать и устраивать тѣхъ похотливыхъ увеселеній,—романовъ, театровъ, оперъ, баловъ и т. п.—которые служатъ ловушкой для меня и другихъ людей; не могу поощрять безбрачное житье людей зрѣлыхъ для брака; не могу содѣйствовать разлукѣ мужей съ женами; не могу дѣлать различія между совокупленіями, называемыми браками и не называемыми такъ; не могу не считать священнымъ и обязательнымъ только то брачное соединеніе, въ которомъ разъ находится человѣкъ.

Христосъ открылъ мнѣ, что третій соблазнъ, губящій мое благо, есть соблазнъ клятвы. Я не могу не вѣрить въ это и потому не могу уже, какъ я дѣлалъ это прежде, самъ клясться кому-нибудь и въ чемъ-нибудь, и не могу уже, какъ я дѣлалъ это прежде, оправдывать себя въ своей клятвѣ тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного для людей, что всѣ дѣлаютъ это, что это нужно для государства, что мнѣ или другимъ будетъ хуже, если я откажусь отъ этого требованія. Я знаю теперь, что это есть зло для меня и для людей и не могу дѣлать его.

Но мало того, что я знаю это; я знаю теперь и тотъ соблазнъ, который уловлялъ меня въ это зло и не могу уже служить ему. Я знаю, что соблазнъ состоитъ въ томъ, что именемъ Бога освящается обманъ. Обманъ же состоитъ въ томъ, что люди впередъ обѣщаются повиноваться тому, что велитъ человѣкъ и люди, тогда какъ человѣкъ не можетъ никогда повиноваться никому, кромѣ Бога. Я знаю теперь, что самое страшное по своимъ послѣдствіямъ зло міра—убійства на войнахъ, заключенія, казни, истязанія людей совершаются только благодаря этому соблазну, во имя котораго снимается отвѣтственность съ людей, совершающихъ зло. Вспоминая теперь многое и многое зло, которое заставляло меня осуждать и не любить людей,—я вижу теперь, что все оно было вызвано присягой—признаніемъ необходимости подчинить себя волѣ другихъ людей. Я понимаю теперь значеніе словъ: все, что сверхъ простого утвержденія или отрицанія—„да" и „нѣтъ", все, что сверхъ этого, всякое обѣщаніе, даваемое впередъ,—

есть зло. Понимая это, я вѣрю, что клятва губитъ благо мое и другихъ людей; и вѣра эта измѣняетъ мою оцѣнку хорошаго и дурного, высокаго и низкаго. Все то, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ, обязательство вѣрности правительству, подтверждаемое присягой, вымоганіе этой присяги отъ людей и всѣ поступки, противные совѣсти, совершаемые во имя этой присяги,—все это представилось теперь мнѣ и дурнымъ, и низкимъ. И потому я не могу уже теперъ отступить отъ заповѣди Христа, запрещающей клятву; не могу уже клясться другому, ни заставлять клясться другихъ, ни содѣйствовать тому, чтобы люди клялись и заставляли клясться другихъ людей и считали бы клятву или важною и нужною или хотя бы невредною, какъ это думаютъ многіе.

Христосъ открылъ мнѣ, что четвертый соблазнъ, лишающій меня моего блага, есть противленіе злу насиліемъ другихъ людей. Я не могу не вѣрить, что это есть зло для меня и для другихъ людей, и потому не могу сознательно дѣлать его и не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, оправдывать это зло тѣмъ, что оно нужно для защиты меня и другихъ людей, для защиты собственности моей и другихъ людей; не могу уже при первомъ напоминаніи о томъ, что я дѣлаю насиліе, не отказаться отъ него и не прекратить его.

Но мало того, что я знаю это, я знаю теперь и тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ это зло. Я знаю теперь, что соблазнъ этотъ состоитъ въ заблужденіи о томъ, что жизнь моя можетъ быть обезпечена защитой себя и своей собственности отъ другихъ людей. Я знаю теперь, что большая доля зла людей происходитъ оттого, что они, вмѣсто того, чтобы отдавать свой трудъ другимъ, не только не отдаютъ его, но сами лишаютъ себя всякаго труда и насиліемъ отбираютъ трудъ другихъ. Вспоминая теперь все то зло, которое я дѣлалъ себѣ и людямъ, и все зло, которое дѣлали другіе, я вижу, что большая доля зла происходитъ оттого, что мы считали возможнымъ защитой обезпечить и улучшить свою жизнь. Я понимаю теперь также слова: человѣкъ рожденъ не для того, чтобы на него работали, но чтобы самому работать на другихъ, и значеніе словъ: трудящійся достоинъ пропитанія. Я вѣрю теперь въ то, что благо мое и людей возможно только тогда, когда каждый будетъ трудиться не для себя, а для

другого, и не только не будетъ отстаивать отъ другого свой трудъ, но будетъ отдавать его каждому, кому онъ нуженъ. Вѣра эта измѣнила мою оцѣнку хорошаго, дурного и низкаго. Все, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—богатство, собственность всякаго рода, честь, сознаніе собственнаго достоинства, права,—все это стало теперь дурно и низко, все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ,—работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ. Если теперь я и могу въ минуту забвенія увлечься насиліемъ для защиты себя и другихъ или своей или чужой собственности, то я не могу уже спокойно и сознательно служить тому соблазну, который губитъ меня и людей, я не могу пріобрѣтать собственности; не могу употреблять какое бы то ни было насиліе противъ какого бы то ни было человѣка, за исключеніемъ ребенка, и только для избавленія его отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла; не могу участвовать ни въ какой дѣятельности власти, имѣющей цѣлью огражденіе людей и ихъ собственности насиліемъ; не могу быть ни судьей, ни участникомъ въ судѣ, ни начальникомъ, ни участникомъ въ какомъ-нибудь начальствѣ; не могу содѣйствовать и тому, чтобы другіе участвовали въ судахъ и начальствахъ.

Христосъ открылъ мнѣ, что пятый соблазнъ, лишающій меня моего блага, есть раздѣленіе, которое мы дѣлаемъ между чужими и своими народами. Я не могу не вѣрить въ это и потому, если въ минуту забвенія и можетъ подняться во мнѣ враждебное чувство къ человѣку другого народа, то я не могу уже въ спокойную минуту не признавать это чувство ложнымъ, не могу оправдывать себя, какъ я прежде дѣлалъ это, признаніемъ преимущества своего народа надъ другими, заблужденіями, жестокостью или варварствомъ другого народа; не могу при первомъ напоминаніи о томъ не стараться быть болѣе дружелюбнымъ къ человѣку чужого народа, чѣмъ къ соотечественнику.

Но мало того, что я знаю теперь, что раздѣленіе мое съ другими народами есть зло, губящее мое благо, я знаю и тотъ соблазнъ, который вводилъ меня въ это зло и не могу уже, какъ я дѣлалъ это прежде, сознательно и спокойно служить ему. Я знаю, что соблазнъ этотъ состоитъ

въ заблужденіи о томъ, что благо мое связано только съ благомъ людей моего народа, а не съ благомъ всѣхъ людей міра. Я знаю теперь, что единство мое съ другими людьми не можетъ быть нарушено чертою границы и распоряженіями правительствъ о принадлежности моей къ такому или другому народу. Я знаю теперь, что всѣ люди вездѣ равны и братья. Вспоминая теперь все зло, которое я дѣлалъ, испыталъ и видѣлъ вслѣдствіе вражды народовъ, мнѣ ясно, что причина всего былъ—грубый обманъ, называемый патріотизмомъ и любовью къ отечеству. Вспоминая свое воспитаніе, я вижу теперь, что чувства вражды къ другимъ народамъ, чувства отдѣленія себя отъ нихъ никогда не было во мнѣ, что всѣ эти злыя чувства были искусственно привиты мнѣ безумнымъ воспитаніемъ. Я понимаю теперь значеніе словъ: творите добро врагамъ, дѣлайте имъ то же, что и своимъ. Вы всѣ дѣти одного Отца и будьте такъ же, какъ и Отецъ, т. е. не дѣлайте раздѣленія между своимъ народомъ и другими, со всѣми будьте одинаковы. Я понимаю теперь, что благо возможно для меня только при признаніи всего единства со всѣми людьми міра, безъ всякаго исключенія. Я вѣрю въ это. И вѣра эта измѣнила всю мою оцѣнку хорошаго и дурного, высокаго и низкаго. То, что мнѣ представлялось хорошимъ и высокимъ,—любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, служеніе имъ въ ущербъ блага другихъ людей, военные подвиги людей—все это мнѣ показалось отвратительнымъ и жалкимъ. То, что мнѣ представлялось дурнымъ и позорнымъ, отреченіе отъ отечества, космополитизмъ—показалось мнѣ, напротивъ, хорошимъ и высокимъ. Если я и могу теперь, въ минуту забвенія, содѣйствовать больше русскому, чѣмъ чужому, желать успѣха русскому государству или народу, то не могу я уже въ спокойную минуту служить тому соблазну, который губитъ меня и людей. Не могу признавать никакихъ государствъ или народовъ, не могу участвовать ни въ какихъ спорахъ между народами и государствами, ни писаніями, ни тѣмъ болѣе службой какому-нибудь государству. Я не могу участвовать во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя основаны на различіи государствъ—ни въ таможняхъ и сборахъ пошлинъ, ни въ приготовленіи снарядовъ или оружія, ни въ какой либо дѣятельности для вооруженія, ни въ военной службѣ, ни тѣмъ болѣе въ самой вой-

нѣ съ другими народами, и не могу содѣйствовать людямъ, чтобы они дѣлали это.

Я понялъ, въ чемъ мое благо, вѣрю въ это и потому не могу дѣлать того, что несомнѣнно лишаетъ меня моего блага.

Но мало того, что я вѣрю въ то, что я долженъ жить такъ, я вѣрю, что, если жить такъ, то жизнь моя получитъ для меня единственно-возможный, разумный, радостный и не уничтожаемый смертью смыслъ.

Я вѣрю, что разумная жизнь—свѣтъ мой на то только и данъ мнѣ, чтобы свѣтить передъ человѣками не словами, но добрыми дѣлами, чтобы люди прославляли Отца (Мѳ. V, 16). Я вѣрю, что моя жизнь и знаніе истины есть талантъ, данный мнѣ для работы на него, что этотъ талантъ есть огонь, который только тогда огонь, когда онъ горитъ. Я вѣрю, что я—Ниневія по отношенію къ другимъ Іонамъ, отъ которыхъ я узналъ и узнаю истину, но что и я Іона по отношенію къ другимъ Ниневитянамъ, которымъ я долженъ передать истину. Я вѣрю, что единственный смыслъ моей жизни—въ томъ, чтобы жить въ томъ свѣтѣ, который есть во мнѣ и не ставить его подъспудомъ, но высоко держать его передъ людьми такъ, чтобы люди видѣли его. И вѣра эта придаетъ мнѣ новую силу при исполненіи ученія Христа, и уничтожаетъ всѣ тѣ препятствія, которыя прежде стояли передо мной.

То самое, что прежде подрывало во мнѣ истинность и исполнимость ученія Христа, то, что отталкивало меня отъ него—возможность лишеній, страданій и смерти отъ людей, не знающихъ ученія Христа,—это самое теперь подтвердило для меня истинность ученія и привлекло къ нему.

Христосъ сказалъ: когда возвысите сына человѣческаго, всѣ привлечетесь ко мнѣ, и я почувствовалъ, что неудержимо привлеченъ къ нему. Онъ сказалъ еще: истина освободитъ васъ, и я почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

Придетъ войной непріятель, или просто злые люди нападутъ на меня, думалъ я прежде, и если я не буду защищаться, они оберутъ насъ, осрамятъ, измучаютъ и убьютъ меня и моихъ близкихъ, и мнѣ казалось это страшнымъ. Но теперь все, смущавшее меня прежде, показалось мнѣ радостнымъ и подтвердило истину. Я знаю теперь, что и не-

пріятели и такъ называемые злодѣи и разбойники, всѣ — люди, точно такіе же сыны человѣческіе, какъ и я, также любятъ добро и ненавидятъ зло, также живутъ наканунѣ смерти и, такъ же какъ и я, ищутъ спасенія и найдутъ его только въ ученіи Христа. Всякое зло, которое они сдѣлаютъ мнѣ, будетъ зломъ для нихъ же и потому они должны дѣлать мнѣ добро. Если же истина неизвѣстна имъ и они дѣлаютъ зло, считая его благомъ, то я знаю истину только для того, чтобы показать ее тѣмъ, которые не знаютъ ея. Показать же ее имъ я не могу иначе, какъ отреченіемъ отъ участія въ злѣ, исповѣданіемъ истины на дѣлѣ.

Придутъ непріятели: нѣмцы, турки, дикари, и если вы не будете воевать, они перебьютъ васъ. Это неправда. Если бы было общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, никакіе непріятели—ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе—не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что̀ и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ. Если же христіане находятся среди общества нехристіанскаго, защищающаго себя войною, и христіанинъ призывается къ участію къ войнѣ, то тутъ-то и является для христіанина возможность помочь людямъ, не знающимъ истины. Христіанинъ для того только и знаетъ истину, чтобы свидѣтельствовать о ней передъ тѣми, которые не знаютъ ея. Свидѣтельствовать же онъ можетъ не иначе, какъ дѣломъ. Дѣло же его есть отреченіе отъ войны и дѣланіе добра людямъ безъ различія такъ называемыхъ враговъ и своихъ.

Но не непріятели, а свои же злые люди нападутъ на семью христіанина и, если онъ не будетъ защищаться, оберутъ, измучаютъ и убьютъ его и его близкихъ. Это опять несправедливо. Если всѣ члены семьи — христіане и потому полагаютъ свою жизнь въ служеніи другимъ, то не найдется такого безумнаго человѣка, который лишилъ бы пропитанія, или убилъ бы тѣхъ людей, которые служатъ ему. Миклуха-Маклай поселился среди самыхъ звѣрскихъ, какъ говорили, дикихъ и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что онъ не боялся ихъ, ничего не требовалъ отъ нихъ и дѣлалъ имъ добро. Если же христіанинъ живетъ среди нехристіанской семьи и близкихъ, защищающихъ себя и свою собственность насиліемъ, и христіанинъ призывается къ участію въ этой защитѣ, то этотъ

призывъ и есть для христіанина призывъ къ исполненію своего дѣла жизни. Христіанинъ только для того и знаетъ истину, чтобы показать ее другимъ, и болѣе всего близкимъ ему, связаннымъ съ нимъ семейными и дружескими связями людямъ, а показать истину христіанинъ не можетъ иначе, какъ не впадая въ то заблужденіе, въ которое впали другіе, не становясь на сторону ни нападающихъ, ни защищающихъ, а отдавая все другимъ, жизнью своей показывая, что̀ ему ничего не нужно, кромѣ исполненія воли Бога и ничего не страшно, кромѣ отступленія отъ нея.

Но правительство не можетъ допустить того, чтобы членъ общества не признавалъ основъ государственнаго порядка и уклонился отъ исполненія обязанностей всѣхъ гражданъ. Правительство потребуетъ отъ христіанина присяги, участія въ судѣ, военной службѣ и за отказъ подвергнетъ его наказанію, ссылкѣ, заключенію, даже казни. И опять-таки это требованіе правительства будетъ для христіанина только призывомъ его къ исполненію своего дѣла жизни. Для христіанина—требованіе правительства есть требованіе людей, не знающихъ истины. И потому христіанинъ, знающій ее, не можетъ не свидѣтельствовать о ней передъ людьми, не знающими ее. Насиліе, заключеніе, казни, которымъ подвергается вслѣдствіе этого христіанинъ, даютъ ему возможность свидѣтельствовать не словами, а дѣломъ. Всякое насиліе: война, грабежъ, казни происходятъ не вслѣдствіе неразумныхъ силъ природы, но производятся людьми заблудшими и лишенными знанія истины. И потому чѣмъ больше зла дѣлаютъ эти люди христіанину, тѣмъ болѣе они далеки отъ истины, тѣмъ несчастнѣе они и тѣмъ нужнѣе имъ знаніе истины. Передать же знаніе истины людямъ христіанинъ не можетъ иначе, какъ воздержаніемъ отъ того заблужденія, въ которомъ находятся люди, дѣлающіе ему зло, воздаяніемъ добра за зло. И въ этомъ одномъ все дѣло жизни христіанина и весь смыслъ ея, не уничтожаемый смертью.

Люди, связанные другъ съ другомъ обманомъ, составляютъ изъ себя какъ бы сплоченную массу. Сплоченность этой массы и есть зло міра. Вся разумная дѣятельность человѣчества направлена на разрушеніе этого сцѣпленія обмана.

Всѣ революціи суть попытки насильственнаго разбиванія этой массы. Людямъ представляется, что если они разобьютъ эту массу, то она перестанетъ быть массой, и они

бьютъ по ней; но стараясь разбить ее, они только куютъ ее, сцѣпленіе частицъ не уничтожится, пока внутренняя сила не сообщится частицамъ массы и не заставитъ ихъ отдѣляться отъ нея.

Сила сцѣпленія людей есть ложь, обманъ. Сила, освобождающая каждую частицу людского сцѣпленія, есть истина. Истина же передается людямъ только дѣлами истины.

Только дѣла истины, внося свѣтъ въ сознаніе каждаго человѣка, разрушаютъ сцѣпленіе обмана, отрываютъ одного за другимъ людей отъ массы, связанной между собою сцѣпленіемъ обмана.

И вотъ уже 1800 лѣтъ дѣлается это дѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ заповѣди Христа поставлены передъ человѣчествомъ, началась эта работа и не кончится она до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено все, какъ и сказалъ Христосъ (Мѳ. V, 18).

Церковь, составлявшаяся изъ тѣхъ, которые думали соединить людей во едино тѣмъ, что они съ заклинаніями утверждали про себя, что они въ истинѣ, давно уже умерла. Но церковь, составленная изъ людей не обѣщаніями, не помазаніемъ, а дѣлали истины и блага, соединенными воедино,— эта церковь всегда жила и будетъ жить. Церковь эта, какъ прежде, такъ и теперь, составляется не изъ людей, взывающихъ: Господи, Господи! и творящихъ беззаконіе (Мѳ. VII, 21, 22), но изъ людей, слушающихъ слова сіи и исполняющихъ ихъ.

Люди этой церкви знаютъ, что жизнь ихъ есть благо, если они не нарушаютъ единства сына человѣческаго, и что благо это нарушается только неисполненіемъ заповѣдей Христа. И потому люди этой церкви не могутъ не исполнять этихъ заповѣдей и не учить другихъ исполненію ихъ.

Мало ли, много ли теперь такихъ людей, но это та церковь, которую ничто не можетъ одолѣть, и та, къ которой присоединятся всѣ люди.

Не бойся малое стадо, ибо Отецъ вашъ благословилъ дать вамъ царство (Лк. XII, 32).

Москва
22 января 1884 г.

11